

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2026 Том 21 № 1 (49)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (uralpress.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanryrechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2026

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Коцеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
И. Э. Клюканов, Ph.D., проф. (Вашингтон, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)
М. Макуховска, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Белоруссия)
А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
М. Сифиану, Ph.D., проф. (Афины, Греция)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Р. Г. Тирадо, Ph.D., проф. (Гранада, Испания)
Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov* (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Marzena Makuchowska (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0003-1357-2211>
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>
Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Valery V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

Шпильная Н. Н. Барнаул, Россия Модель описания диалогических речевых жанров..... 6

Дементьев В. В. Саратов, Россия Интертекстуальность и интержанровость..... 16

Исследования отдельных жанров

**Чудинов А. П.,
Шустрова Е. В.** Екатеринбург, Россия Карикатура как жанр поликодового текста..... 28

**Родионова И. Г.,
Гурьянова Л. Б.** Пенза, Россия Тексты на мемориальных досках как речевой жанр..... 40

**Первухина С. В.,
Рябцева И. Г.** Ростов-на-Дону, Россия Жанр «экологические дебаты»..... 50

Смирнова Е. А. Пермь, Россия Хеджирование в точных и гуманитарных дисциплинах: корпусный анализ научных статей..... 60

Каменская Ю. В. Саратов, Россия Жанры *похвала* и *осуждение* в диалектной коммуникации (на материале Саратовского диалектологического корпуса)..... 68

Жанры в художественном творчестве

Пономаренко Е. А. Симферополь, Россия Мануальный рисунок в рассказе А. П. Чехова «Враги» как зеркало речевых жанров..... 78

Александров А. С. Санкт-Петербург, Россия От классики к модернизму: жанр параллели в фельетонной критике..... 87

Жанры СМИ

Дегальцева А. В. Саратов, Россия Фельетоны «Клуба 12 стульев»: сатира как ключ к бахтинскому «сотворчеству понимающих»..... 93

Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия Портрет политика в современных российских СМИ: формирующийся жанр?..... 104

Интернет-жанры

**Щипицина Л. Ю.,
Казяба В. В.** Архангельск, Россия Имидж города в многожанровом отражении публикаций социальных медиа..... 113

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

Shpilnaya N. N. Barnaul, Russia	Dialogical speech genres description model.....	6
Dementyev V. V. Saratov, Russia	Intertextuality and Intergenrity	16

Studies of Individual Genres

Chudinov A. P., Shustrova E. V. Ekaterinburg, Russia	Cartoon as a polycode text genre.....	28
Rodionova I. G., Guryanova L. B. Penza, Russia	Texts on memorial plaques as a speech genre	40
Pervukhina S. V., Ryabtseva I. G. Rostov-on-Don, Russia	The “Environmental Debate” Genre	50
Smirnova E. A. Perm, Russia	Hedging in hard and soft disciplines: A corpus-based analysis of research articles	60
Kamenskaya Ju. V. Saratov, Russia	Genres of praise and condemnation in dialect communication (based on Saratov Dialectological Corpus).....	68

Genres in Art

Ponomarenko E. A. Simferopol, Russia	Manual pattern in Chekhov’s short story “Enemies” as a mirror of speech genres	78
Aleksandrov A. S. Saint Petersburg, Russia	From classics to modernism: The genre of parallel in feuilleton criticism	87

Genres of Mass Media

Degaltseva A. V. Saratov, Russia	The feuilletons of the “12 Chairs Club”: Satire as the key to Bakhtin’s “co-creation of those who understand”	93
Ruzhentseva N. B. Yekaterinburg, Russia	Portrait of a Politician in modern Russian Media: An emerging genre?.....	104

Internet Genres

Shchipitsina L. Yu., Kaziaba V. V. Arkhangelsk, Russia	The image of the city in a multi-genre reflection of social media publications.....	113
--	--	-----

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 6–15
Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 6–15
<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-6-15>, EDN: CLSBZX

Научная статья
УДК 82-83:81'38'42

Модель описания диалогических речевых жанров

Н. Н. Шпильная

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, Алтайский край,
г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55

Шпильная Надежда Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
общего и русского языкознания и методики преподавания русского языка как иностранного,
venata85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Аннотация. Одной из нерешенных проблем современного жанроведения является проблема, связанная с описанием диалогических речевых жанров. Несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных описанию различных диалогических жанров, в современном жанроведении назрела потребность в разработке методики описания диалогических речевых жанров как единиц диалогической речи. Цель статьи заключается в разработке модели описания диалогических речевых жанров и демонстрации ее применения при анализе такого речевого жанра, как сетевая дискуссия. Актуальность исследования обусловлена его вписанностью в проблемное поле речевого жанроведения. Новизна исследования заключается в представлении диалогических речевых жанров как типов (моделей) высказываний, образуемых в результате многосторонней речевой деятельности и характеризующихся инвариантными и вариативными признаками, определяющими текстообразование. Инвариантные признаки определяют ядро жанрового канона, ментальную схему жанра, отраженную в жанровом сознании носителя языка. А вариативные признаки речевого жанра связаны с варьированием жанрового канона, связанным с актуализацией жанра в той или иной сфере коммуникации и сферой проявления общественного сознания. При этом среди инвариантных признаков диалогического жанра выделяются интенциональность субъектов диалогической коммуникации, металингвистический, структурный способы организации типового высказывания, его тема и качество межличностных отношений между коммуникантами. К экстралингвистическим жанрообразующим признакам относятся канал коммуникации, сфера коммуникации, сфера проявления общественного сознания, учет позиции наблюдателя и/или адресата. Предлагаемый в работе подход к описанию диалогических речевых жанров основывается на понимании приоритета целого по отношению к части. По своей природе он является холистическим. В работе используются следующие методы: аналитико-описательный метод и метод моделирования.

Ключевые слова: диалогический речевой жанр, жанровая модель, инвариантные признаки жанра, вариативные признаки жанра, речевое жанроведение

Для цитирования: Шпильная Н. Н. Модель описания диалогических речевых жанров // Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 6–15. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-6-15>, EDN: CLSBZX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dialogical speech genres description model

N. N. Shpilnaya

Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya St., Barnaul 656031, Altai Region, Russia

Nadezhda N. Shpilnaya, venata85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Abstract. One of the open challenges of modern genre studies is the problem associated with the description of dialogical speech genres. Despite the existence of a significant number of linguistic papers dealing with the

description of various dialogical genres, there is an urgent need for developing an ultimate methodology for describing dialogical speech genres as units of dialogical speech in modern genre studies. The urgency of the research is determined by its inclusion in the problematic field of speech genre studies. The novelty of the research refers to the presentation of dialogical speech genres as a type (model) of utterance, generated by multi-lingual activity and characterized by the invariant and variant features defining their text production. The invariant features define the core of the genre canon – a mental scheme of the genre reflected in the genre consciousness of a native speaker. The variant features of the speech genre are connected with the diversity of the genre canon, associated with the actualization of the genre in a particular sphere of communication and the sphere of social consciousness manifestation. At the same time, among the invariant features of the dialogical genre we point out the intentionality of the subjects of dialogical communication, the metalinguistic and structural methods of organizing a typical utterance, its theme and the quality of interpersonal relations between the communicators. The approach to the description of dialogical speech genres suggested in the article is based on the comprehension of the priority of the whole in relation to its parts. It is holistic by nature. The research was performed by the analytical-descriptive method and the modeling method.

Keywords: dialogical speech genre, genre model, invariant genre features, variant genre features, speech genre studies

For citation: Shpilnaya N. N. Dialogical speech genres description model. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 6–15 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-6-15>, EDN: CLSBZX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Диалогические речевые жанры давно привлекают внимание лингвистов. При этом их изучение было связано прежде всего с необходимостью системного описания (классификации) различных жанровых форм. Стремление классифицировать речевые жанры объясняется интересом ученых к фиксации разнообразных форм проявления речевой деятельности, см., например, [1–7 и др.]. Так, М. Ю. Федосюк выделяет элементарные и комплексные речевые жанры, в числе последних – монологические и диалогические речевые жанры [6]. В. В. Дементьев предлагает классификацию фатических речевых жанров, выделяя среди них – small talk, ссору и пр. [8]. Наряду с попытками классификации жанровых форм высказываний, в лингвистике предпринимались также попытки описания различных диалогических речевых жанров (см. ниже), формируется концепция интегрального описания речевых жанров [9].

В 1997 г. М. Ю. Федосюк в работе «Нерешенные вопросы теории речевых жанров», анализируя проблемы изучения жанров речи, или жанров общения, по сути, противопоставил два подхода к изучению речевых жанров: элементаристский и холистический.

Элементаристский подход восходит к учению М. М. Бахтина о речевом жанре как тематическом, стилистическом и композиционном единстве, реализуемом в рамках одной реплики. В этом случае жанр речи соотносится с репликой диалога, границы которого определяются сменой субъекта речи [10]. Холистический подход к изучению жанров речи связан с исследованием жанров общения как формы социального взаимодействия субъек-

тов речи, характеризующейся тематической и структурной завершенностью. Подобный подход представлен в следующих работах: [1, 8 и др.]. Холистический подход к изучению речевых жанров коррелирует с идеей В. фон Гумбольдта, согласно которому «В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого» [11].

Особый вклад в изучение диалогических речевых жанров внесли представители Саратовской школы жанроведения (В. В. Дементьев, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротинина, В. Е. Гольдин), рассматривающие речевые жанры как типовые ситуации социального взаимодействия носителей языка. Так, например, В. Е. Гольдин писал о возможности выделения речевых жанров, соотнесенных со сложными речевыми событиями. При таком подходе к речевым жанрам относятся «жанр конференции», «жанр митинга», «жанр экзамена», «жанр застолья», «жанр визита» и под. [12]. В работе В. В. Дементьева и К. Ф. Седова, посвященной анализу социопрагматических характеристик речевых жанров, акцент делается на изучении синтактики, семантики и прагматики речевого жанра, в основе которого лежит речевое (коммуникативное) событие или типичная ситуация [13]. Акцент на коммуникативном событии определяет специфику диалогических речевых жанров. К. Ф. Седов определяет речевой жанр как «вербальное оформление взаимодействия партнеров коммуникации, т. е. обычно это достаточно длительное общение (интеракция), порождающее диалогическое единство или монологическое высказывание, которое содержит несколько микротекстовых единиц» [14: 162]. Как видим,

ученые определяют речевой жанр как «длительное общение», что позволяет им выделить в качестве самостоятельного жанрового образования диалогический речевой жанр.

Было бы несправедливо говорить о том, что диалогические речевые жанры не становятся предметом исследования в современных лингвистических работах. На сегодняшний день в жанроведении описаны такие речевые жанры, как научная дискуссия в Фейсбуке [15], дебаты [16], разговор в мессенджере [17], веб-форум [18], жанры разговорной речи [2], ссора [19], светская беседа [20], разговор по душам [21] и пр.

Приведенный анализ литературы позволяет говорить о том, что в современном жанроведении активно изучаются диалогические речевые жанры. Вместе с тем проблема моделирования диалогических речевых жанров остается одним из наименее изученных направлений общего исследования речевых жанров. В этом направлении в наибольшей степени разработана методика описания речевого жанра речи, предложенная Т. В. Шмелевой, и семантико-прагматическая методика описания инициальных и ответных реплик в составе диалогических единств, актуализирующих то или иное коммуникативное событие. В таком ключе выполнена, например, работа Е. В. Лаврентьевой «Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве» (2006)¹ [22]. Ученый отмечает, что данные речевые жанры связаны отношениями прагматико-смысловой согласованности, описываемой в модели стимул (обвинение) и реакция (оправдание). Однако исследователь отмечает, что интенционально-семантическая корреляция данных жанров не отменяет их самостоятельности как отдельных жанровых форм [22].

Нам представляется, что данные методики описания диалогических речевых жанров имеют ограничения. Так, согласно анкете речевых жанров, предложенной Т. В. Шмелевой [7], модель речевого жанра насчитывает определенный набор жанрообразующих признаков, позволяющих описать единичное высказывание в контексте предшествующих и последующих реакций на это речевое произведение. Как следствие, при таком подходе реплика, рассматриваемая как самостоятельный речевой жанр, анализируется либо как инициативная, либо как реактивная (ответная) [7]. Так, например, Т. Н. Колокольцева, рассматривая сетевой комментарий как самостоятельный жанр речи, отмечает его реактивный характер [23]. Семантико-прагматическая модель описания диалогических речевых жанров, предлагаемая

Е. В. Лаврентьевой, ориентирована прежде всего на описание иллокутивной связи реплик в составе диалогических единств, при этом отдельно анализируется жанровая форма как инициальной, так и ответной реплики [22].

Другой подход к описанию речевых жанров, реализуемых в режиме диалога, предлагают исследователи, рассматривающие диалог как форму структурной организации высказывания. Ср., например, описание жанрообразующих признаков «разговора в мессенджере», в числе которых «1) диалог, как правило, состоящий из небольших по объёму реплик; 2) актуальность, обусловленная потребностью поговорить; 3) зависимость от ситуации общения; 4) главная цель – фатическая» [17]. Характеристика диалогических речевых жанров через констатацию особого структурного способа организации жанровой формы высказываний, на наш взгляд, чрезмерно упрощает модель описания диалогических речевых жанров.

В ряду описаний диалогических речевых жанров особое место занимает классификация жанров общения по коммуникативной цели, предложенная Н. Д. Арутюновой. Исследователь отмечает наличие 5 типовых форм речевой деятельности, в числе которых – информативный диалог, прескриптивный диалог, обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины, диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений, и праздноречевые речевые жанры [1: 52, 53].

На фоне разнообразных попыток описания диалогических речевых жанров, учитывающих как интенциональные, так и структурные особенности диалога как формы существования языка, предпринимаются также попытки описания многокомпонентного диалогического единства как жанра речи [24, 25]. При этом одни ученые говорят о том, что любой речевой жанр обладает категорией диалогичности и соотнесен с адресатом, а другие полагают, что диалог – это не речевой жанр, так как участники диалога не воспринимают его таковой. Однако утверждают, что диалог – это жанр «для тех, кто его воспринимает в “изъёме” из непосредственного РВ виде». Для того, кто имеет возможность ознакомиться с зафиксированным таким образом текстом диалога, – это РЖ, потому что адресат в состоянии вычленив в нем (или приписать ему) определенную целеустановку, и текст в полном смысле этого слова, потому что этот текст может репродуцироваться неоднократно» [25: 79].

¹См. обзор работ автора диссертации, в котором представлены исследования, реализующие жанровый подход к описанию диалогических единств.

Мы полагаем, что диалог – это не жанр, это форма существования и функционирования языка в ситуации обмена репликами. В этой сфере формируются типовые многокомпонентные высказывания, оформляющие социальное взаимодействие субъектов диалогической коммуникации.

Таким образом, в современном жанроведении актуализируется проблема моделирования диалогических речевых жанров, соотносимых с цельным высказыванием как результатом многосторонней речевой деятельности. Новизна нашей работы заключается в том, что в ней представлена методика описания диалогических речевых жанров как форм организации многокомпонентных высказываний.

Цель статьи и методология исследования

Цель статьи – представить модель описания диалогических речевых жанров и продемонстрировать особенности ее применения при описании такого жанра речи, как сетевая дискуссия.

Далее мы исходим из гипотезы, согласно которой диалогические речевые жанры соотносятся со спецификой организации диалога как формы существования речи. Мы опираемся на идеи Л. П. Якубинского и М. М. Бахтина об ответном характере диалогической речи, определяющем специфику реплицирования, то есть мены реплик в составе диалогического единства [10, 26].

Специфика реплицирования определяет особенности текстообразования в диалогической ситуации. Так, на сегодняшний день в диалогической лингвистике накоплено немало наблюдений, которые не учитываются при описании диалогических речевых жанров. Не учтенными остаются факты металингвистической (диалогической структуры), деривационно-структурной организации реплик в составе диалогического единства. Между тем учет особенностей структурной организации диалогических высказываний позволяет наметить совокупность жанровых признаков, определяющих текстообразование в диалогической ситуации.

Модель диалогического речевого жанра основывается на учете прагматико-структурных и экстралингвистических жанрообразующих признаков. При этом прагматико-структурные признаки жанра рассматриваются нами как его ядерные признаки, не зависящие от условий реализации жанрового канона. А экстралингвистические признаки жанра – как вариативные признаки, определяющие зависимость актуализации жанрового канона от тех или иных условий коммуникации.

Инвариантно-вариативная модель речевого жанра представлена в докторской диссер-

тации Т. Г. Рабенко, в которой инвариант речевого жанра рассматривается как ментальная схема жанра, связанная с типизацией коммуникативных событий, а вариант жанра – как реализации жанрового канона в различных сферах коммуникации [27].

Учет инвариантных и вариативных признаков, обуславливающих текстопорождение, позволяет комплексно описать любой диалогический речевой жанр.

Проблема соотношения инвариантных и вариативных жанрообразующих признаков высказывания, на наш взгляд, соотносима с понятием «тип высказывания» и особенностями его актуализации в конкретной ситуации. Подобная ситуация наблюдается при описании позиционных и комбинаторных особенностей актуализации фонем в фонетической синтагме.

Как известно, фонема представляет собой пучок дифференциальных и интегративных признаков, которые могут получать в речевой синтагме дополнительные оттенки звучания (аккомодация и пр.). Подобно этому, мы полагаем, что речевые жанры представляют собой устойчивые типы (модели) высказываний, формирующиеся в той или иной сфере использования языка и характеризующиеся определенными признаками, которые придают высказыванию дополнительное содержание.

Эти дополнительные признаки определяют речевое оформление языковой модели высказывания. Так, например, *разговор* – это типовое высказывание, которое в процесс актуализации может «обрастать» различными экстралингвистическими обертонами, среди которых сфера коммуникации – *виртуальный разговор (чат) / реальный разговор*, канал связи – *технически опосредованный (= телефонный) разговор (= разговор в мессенджере) / устный разговор (беседа) / письменный разговор (переписка)*, сфера проявления общественного сознания – *деловой разговор (деловая беседа, деловые переговоры и т. п.) / бытовой разговор (бытовая беседа) / научный разговор (= дискуссия) / художественный разговор (беседы по искусству) / медиаразговор (= интервью)* и пр.

Или: *дискуссия* – это типовое высказывание, которое в речи обретает такие жанровые признаки, как виртуальная (= *сетевая дискуссия*) / реальная дискуссия, технически опосредованная (= *форум, дискуссия в социальных сетях*) / устная дискуссия / письменная дискуссия, *научная дискуссия* / бытовая дискуссия (= спор), деловая дискуссия (= *деловые переговоры*) и пр.

Как видим, варьирование речевого жанра в различных сферах коммуникации и фор-

мах проявления общественного сознания иногда приводит к тому, что жанровый канон высказывания начинает приобретать другое жанровое имя, стремящееся стабилизировать новую ментальную модель речевого жанра. О жанровом имени как факторе стабилизации речевого жанра см. в [28]. Так, например, дискуссия в деловой сфере коммуникации воспринимается жанровым сознанием носителей языка как самостоятельный жанр – как деловые переговоры, а бытовая дискуссия – как спор. В этой связи нередко дискуссию определяют в лингвистической литературе (по проблемам речевой коммуникации) как спор. Подобная ситуация наблюдается и с типовым высказыванием «дебаты», которое определяется в лингвистической литературе как спор. Мы полагаем, что спор, дискуссия и дебаты – это один и тот же жанр, который при реализации в коммуникативной ситуации получает дополнительные жанровые обертоны типа научный / бытовой / публицистический (в том числе публичный) и др.

Дополнительные признаки определяют варьирование жанрового канона. Поэтому мы их назовем **вариативными (периферийными, экстралингвистическими) жанровыми признаками**. Вариативные (экстралингвистические) признаки речевого жанра могут быть классифицированы по виду канала коммуникации, по сфере коммуникации, по сфере проявления общественного сознания.

Что касается языковой модели жанровой формы, то она формируется за счет прагматических, тематических, структурных, металингвистических (диалогических) признаков и качества межличностных отношений между коммуникантами признаков. Эти признаки мы будем называть **инвариантными (ядерными, лингвистическими) жанрообразующими признаками**.

Диалогический речевой жанр рассматривается нами как тип (модель) высказывания, образуемый в результате многосторонней речевой деятельности и характеризующийся инвариантными и вариативными признаками, определяющими его текстообразование. Инвариантные и вариативные признаки являются обязательными в модели диалогического речевого жанра.

В предлагаемой нами модели речевого жанра не учитывается такой жанрообразующий признак, как языковые особенности типового высказывания. Это связано с тем, что языковое оформление высказывания – это вторичный, факультативный признак высказывания, соотносимый со сферой проявления общественного сознания, поэтому в модель диалогического речевого жанра мы данный признак не включаем.

Модель описания диалогического речевого жанра

Инвариантные (ядерные) лингвистические признаки речевого жанра

Обозначим инвариантные признаки речевого жанра.

А. Интенциональность субъектов диалогической коммуникации. Данный признак речевого жанра предполагает анализ интенций носителей языка, реализуемых в ходе коммуникации. Иллокутивная природа диалогической коммуникации разнообразна и может совпадать с одним из интенциональных жанровых типов общения, выделенных Н. Д. Арутюновой. Напомним, что исследователем выделены следующие коммуникативные цели диалогов: информативная, прескриптивная, праздноречевая, обмен мнениями, регулирование межличностных отношений [1: 52–56].

Б. Металингвистическая организация диалогической коммуникации. О металингвистической организации высказываний говорил М. М. Бахтин [10], полагающий, что данный признак соотносим с проявлением связи высказываний между собой на диалогическом уровне их организации. Соответственно можно выделить различные диалогические позиции, или модусы: модусы согласия, несогласия и нейтральный модус. Модус несогласия предполагает выражение неодобрения по отношению к диалогической позиции субъекта высказывания. Модус согласия ориентирован на выражение одобрения по отношению к диалогической позиции субъекта высказывания. Нейтральный модус предполагает нейтрализацию модусов согласия и несогласия в высказывании носителя языка. По данному признаку можно выделить диалогические речевые жанры, полифоническая организация которых моделируется по принципу унисона, по принципу полемики или по принципу нейтрализации диалогических позиций. Так, например, дискуссия организована по принципу полемики; разговор по душам – по принципу унисона или по принципу нейтрализации модусных различий.

В. Принцип структурной организации диалогического высказывания. Согласно данному признаку, можно дифференцировать три вида структурной организации диалогического речевого жанра – цепочечный, радиальный или радиально-цепочечный. Цепочечный способ структурной организации реплик в структуре речевого жанра предполагает зависимость одной реплики от другой. Радиальный тип связи реплик в высказывании проявляется в их связи с одним и тем же инициальным высказыванием. Радиально-це-

почечный способ структурной организации реплик в структуре речевого жанра ориентирован на выражение последовательной и радиальной связи реплик в структуре диалогического дискурса. Так, разговор в мессенджере, частная переписка, деловая переписка и т. п. характеризуются цепочечной структурой, тогда как совещание, деловая беседа, деловые переговоры и т. п. – радиально-цепочечной структурой.

Г. Тема диалогического высказывания. Еще одним ядерным признаком диалогического высказывания является его тематическое содержание. Темы диалогов могут быть разнообразными: хобби, досуг, политика, конкретные бытовые темы и пр. Так, в семейной ссоре актуальными будут конкретные бытовые темы, в жанре «разговор в мессенджере» – общие вопросы и пр.

Д. Качество межличностных отношений между коммуникантами определяется тональностью диалогического единства. Коммуникативная тональность – это тональность, возникающая между людьми в процессе общения. Тональность может быть дружеской, нейтральной, официальной, конфликтной, коммуникативно нормативной и пр. Так, например, деловые переговоры характеризуются официальной тональностью, дискуссия – конфликтной тональностью, разговор по душам и застолье – дружеской.

Вариативные (периферийные) экстралингвистические признаки моделирования диалогических речевых жанров

Рассмотрим вариативные (периферийные) экстралингвистические признаки моделирования диалогических речевых жанров.

А. Канал коммуникации. По данному признаку речевые жанры дифференцируются на устные, письменные и технически-опосредованные. По данному признаку выделяются следующие речевые жанры: 1) устные – совещание, беседа, интервью и пр.; 2) письменные – частная переписка; 3) технически-опосредованные – разговор в мессенджере, чат, форум и пр. При этом письменные речевые жанры могут быть описаны по коммуникативно-семиотической модели, предложенной Н. Б. Лебедевой и соотносимой с ситуативной глагола «писать» [29].

Б. Сфера коммуникации. По данному признаку можно выделить диалогические речевые жанры, создаваемые в реальной или виртуальной сфере коммуникации: сетевая дискуссия, реальная дискуссия, электронная переписка (чат), застолье и пр.

В. По сфере проявления общественно-го сознания: научные, деловые, разговорные,

художественные, публицистические: научная дискуссия, деловая беседа, бытовой разговор, интервью и пр.

Г. Ориентация на адресата или наблюдателя. В самом общем виде можно сказать, что ориентация на адресата характерна для переписки, разговора, дискуссии, спора и пр. По этому признаку можно противопоставить, например, дебаты и спор. Так, дебаты ориентированы на убеждение наблюдателя, а спор предполагает убеждение друг друга в своей правоте.

Сетевая дискуссия как речевой жанр

Рассмотрев особенности жанрообразования в диалогической коммуникативной ситуации, остановимся на характеристике сетевой дискуссии как речевого жанра. Нами проанализированы 614 интернет-комментариев к новостной статье, содержание которой можно сформулировать следующим образом: губернатор Новосибирской области Василий Юрченко распорядился до 1 августа очистить все вестибюли новосибирского метрополитена от торговых киосков в целях обеспечения безопасности жителей города от терактов. Интернет-комментарии размещены в сети Интернет по адресу: <http://news.ngs.ru/more/1253828>.

Ядерные (инвариантные) признаки сетевой дискуссии

Сетевая дискуссия реализует коммуникативную интенцию, связанную с обменом мнениями. Цель участников дискуссии – выразить свое отношение к обсуждаемой проблеме. В нашем случае – к решению губернатора Новосибирской области Василия Юрченко до 1 августа очистить все вестибюли новосибирского метрополитена от торговых киосков в целях обеспечения безопасности жителей города от терактов. Ср.

асса

Уважаемые, а кто-нибудь видел в европах и америках лоточников в метро?

Место у них там на ярмарках и рынках

Ироничный пофигист гость

Михаил, вы просто не представляете себе возможностей современных средств для проведения диверсий и терактов. Полупустая пластиковая бутылка «Карачинской» ни у кого не вызовет подозрений, Полупустой пакет-майка тоже. Уже давно прошли времена, когда взрывчатку или отравляющие вещества надо было «коробками» таскать. Так что наличие киосков и возможность совершения теракта лежат в разных, не пересекающихся, плоскостях и никакого отношения друг к другу не имеют. Более того, никто почему-то не учитывает

вариант теракта в метро извне – в вентиляцию, торчащую по всему городу можно хоть из грузовика сыпать отравляющие вещества – никто и внимания не обратит, но киоски тут будут точно ни при чём. Может вентиляцию замуруем?

Не помню гость

Ироничный пофигист, не замуруем, но по видеорекам будем точно знать, что чтонибудь плохое сделал человек в черном. И все сразу почувствуют себя безопаснее

Как видим, носители языка, включаясь в обсуждение, стремятся выразить свое мнение. Они нацелены на обсуждение конкретного события, представленного в новостной статье.

В сетевой дискуссии реализуются различные диалогические позиции носителя языка. Одни носители языка выступают в поддержку решения губернатора, другие, напротив, не одобряют это решение, третьи – относятся нейтрально. Как следствие, можно сказать, что данный речевой жанр имеет *полемический способ моделирования полифонической структуры* реплик в структуре многокомпонентного диалогического единства. Ср.:

Дмитрий2013

Считаю, что это недалновидное и опрометчивое решение губернатора!!!

ольга гость

Дмитрий2013, у нас все решения не дальновидные. Вот на Юго-западном на одном пятачке воткнули три больших продуктовых магазина и товар там сильно невзрачный. Люди все-равно все покупают в основном на рыночке. За каким чертом их там три. Лучше бы спортивную какую-нибудь площадку по-строили. Ведь в зарю от нас неудобно ездить.

Максим гость

Мнения разделились. Пора референдум проводить по поводу разрешения, запрещения торговли в метро. Но в некоторых узких переходах киоски реально мешают, когда людей много идет, это факт. Если уж так много сторонников запрета, то хотя бы убрать киоски из узких мест. Оставить только там, где достаточно пространства для свободного прохода в часы пик.

Печенюшка

Мне лично киоски не мешают. На непредвиденные случаи (такие как неожиданный поход в гости) всякие мелочи-удобно. Никуда не надо ехать, искать. Всё тут.

Единственно – киоски по обе стороны – это угнетает, похоже на барахолку. У людей должен быть выбор, идти вдоль свободной стены или глазеть на разные безделушки. Я бы всё оставила, только тряпки бы убрала. Никто в здравом уме не станет

покупать там вещи втридорого и сомнительного качества.

Приведенные высказывания демонстрируют проявления различных диалогических модусов. Так, Дмитрий2013 не одобряет решение губернатора, этой же позиции придерживается и пользователь Печенюшка, реплики данных участников ситуации связаны по принципу унисона. По принципу унисона связаны реплики пользователя Дмитрий2013 и ольга гость, последняя поддерживает мысль Дмитрия2013 о том, что власти часто принимают недалновидные решения. Максим гость выражает нейтральную диалогическую позицию. Подобный сплав диалогических позиций характеризует полемический способ металингвистической организации сетевой дискуссии.

Структурный способ деривационной связи реплик в сетевой дискуссии – *радиально-цепочечный*. Реплики в речевом жанре связаны друг с другом как цепочечной, так и радиальной связью. Так, с инициальным высказыванием реплики участников дискуссии связаны радиальной связью. Но по отношению к репликам друг друга – цепочечной связью.

кс гость

Наше метро-позор, нигде в Европе вы не найдете подобного – чтобы в переходах метро, муниципальном объекте умудрялись организовать торговлю. Куда бы ни шло, если бы там продавались цветы, сувениры, сигареты и оформление торговых точек было приличным. Но трусы, носки, «отжатые мобилы»! Гнать нужно торговшей этих

Ляшэне гость

Может и правильно. Я в переходах ничего не покупаю. Пользуюсь прямым назначением перехода. Очень не нравится суета, толкотня, спертый воздух... как барахолка какая то.

Леди X гость

Мелкий бизнес – это когда люди что-то производят в мелких масштабах. Типа минипекарни. А в метро это не бизнес, а обычная спекуляция. Поэтому не надо тут слезу из людей выжимать как теперь они с протянутой то рукой пойдут. В другом месте спекулировать будут не пропадут.

Позор эти киоски родом из 90 х. Правильное решение, но запоздалое конечно.

Если бы гость

Леди X,

а Крупный бизнес – это когда люди что-то производят в крупных масштабах. Типа хлебозавод.

А в БЦ это не бизнес, а крупная спекуляция.

я вас правильно понял?

спейс гость

Леди X, сами-то чего произвели?... вот доживете до зрелости, может помягче о других людях судить будете...

Как видим, реплики в высказывании связаны друг с другом как цепочечной, так и радиальной связью. Так, с инициальным высказыванием реплики участников дискуссии связаны радиальной связью – это реплики *кс гость, Ляшэне гость, Леди X гость*. При этом реплики *Если бы гость, спейс гость* адресованы *Леди X гость*, то есть связаны цепочечной связью.

Тема диалога – *обсуждение общественно значимого события*. В диалогах выражаются различные диалогические позиции носителей языка относительно следующего политического события: решение губернатора Новосибирской области Василия Юрченко до 1 августа очистить все вестибюли новосибирского метрополитена от торговых киосков в целях обеспечения безопасности жителей города от терактов.

Качество межличностных отношений между коммуникантами определяется *конфликтной коммуникативной тональностью*, обусловленной стремлением носителей языка воздействовать друг на друга и на политического актора, чье решение спровоцировало конфликтную ситуацию общения.

Периферийные (вариативные) признаки сетевой дискуссии

По используемому каналу связи сетевая дискуссия относится к речевым жанрам *технически-опосредованной коммуникации*. Так, участники коммуникации могут принять участие в дискуссии только в том случае, если у них есть компьютер или телефон.

По сфере коммуникации сетевая дискуссия относится к виртуальной сфере.

По проявленности общественного сознания сетевая дискуссия относится к разговорной сфере проявления общественного сознания, о чем говорят языковые особенности высказываний, образующих диалогический дискурс. Языковые особенности характеризуют спонтанность письменной речи, ее неофициальный характер.

Можно отметить следующие особенности интернет-комментариев:

- экспрессивная лексика: *Сегодня померещилась угроза террори-стического акта – сносим киоски, завтра померещится нашествие инопланетян – начнут строить бункеры или тому подобные нелепости*;
- экспрессивный синтаксис: *А я ЗА то, чтобы убрали барахолку из метро!*
- наличие орфографических ошибок: *барахолка какая то*;

- наличие пунктуационных ошибок: *Если у человека есть потребность он её всё равно удовлетворит...и не важно где...только прибыль пойдёт не в ИП, а в супермаркет.*

По ориентации на адресата или наблюдателя сетевая дискуссия характеризуется *направленностью одновременно и на адресата, и на наблюдателя*. С одной стороны, носители языка, участвующие в дискуссии, транслируют сообщение от одного к другому. Но, с другой стороны, любой пользователь Интернета может занять позицию Наблюдателя по отношению к тем высказываниям, которые представлены на онлайн-платформе.

Вариативные признаки определяют вариации речевого жанра «Сетевая дискуссия». Вариации данного жанра связаны с проявлением других экстралингвистических жанровых признаков дискуссии, например, устная дискуссия будет отличаться от сетевой дискуссии по каналу связи и сфере коммуникации.

Таким образом, сетевая дискуссия – это диалогический речевой жанр, характеризующийся коммуникативной установкой на обмен мнениями, обладающий полемическим способом моделирования полифонической структуры реплик, радиально-цепочечным способом деривационной связи реплик, нацелен на обсуждение общественно значимого события и актуализирует конфликтную коммуникативную тональность. Данный речевой жанр создается в технически-опосредованной виртуальной коммуникации, связан с проявлением разговорной сферы общественного сознания и ориентирован как на адресата, так и на наблюдателя.

Заключение

На фоне значительного количества работ, посвященных изучению диалогических речевых жанров, актуализируется потребность в разработке комплексной методики их моделирования (описания). Предлагаемая в статье модель описания диалогических речевых жанров основывается на актуальных положениях диалогической лингвистики и теории речевых жанров.

Рассматривая речевой жанр как инвариантно-вариативную жанровую модель, актуализируемую в дискурсивной деятельности носителя языка, мы выделили инвариантные и вариативные жанровые признаки диалогического речевого жанра как результата многосторонней речевой деятельности, оформляющей социальное взаимодействие участников коммуникации.

Инвариантные признаки определяют ядро жанрового канона, ментальную схему жанра, отраженную в жанровом сознании носителя языка. А вариативные признаки речевого жанра связаны с варьированием жанрового канона, связанным с актуализацией жанра в той или иной сфере коммуникации и сфере проявления общественного сознания.

При этом среди инвариантных признаков диалогического жанра нами выделены интенциональность субъектов диалогической коммуникации, ее тематика, металингвистический, структурный способ организации типового высказывания, качество межличностных отношений между субъектами диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М. : Наука, 1992. С. 52–56.
2. Гайда С. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 103–112.
3. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.
4. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Саратов-ун-та, 1998. Вып. 27. С. 9–20.
5. Сыротина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 26–31.
6. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
7. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
8. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37–55.
9. Дементьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2024. 304 с.
10. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х гг. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 1997. 731 с.
11. Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития. URL: <https://philologos.narod.ru/classics/humboldt.htm> (дата обращения: 20.12.2024)
12. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 23–33.
13. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров : учебное пособие. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 107 с.
14. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М. : Лабиринт, 2001. 304 с.
15. Тихомирова Е. А. Жанровые особенности научной дискуссии в Фейсбуке. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/164501/1/%D0%A2%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf> (дата обращения: 20.12.2024)

К экстралингвистическим жанрообразующим признакам мы относим канал коммуникации, сферу коммуникации, сферу проявления общественного сознания, учет позиции наблюдателя и / или адресата.

Предлагаемый в работе подход к описанию диалогических речевых жанров основывается на понимании приоритета целого по отношению к части. По своей природе он является холистическим.

В перспективе возможно описание жанровых признаков высказываний, варьирование которых приводит к формированию нового жанрового канона, стремящегося приобрести свое стабильное жанровое имя.

16. Спиридовский О. В. Парламентские дебаты как жанр политического дискурса // Научный альманах. 2015. № 9 (11). С. 1556–1568.
17. Голошубина О. К. Модель речевого жанра «Разговор в мессенджере» // Омский научный вестник. 2014. № 5 (132). С. 101–103. EDN: TNDCWP
18. Михеева Ю. А. Веб-форум как речевой жанр виртуальной коммуникации // Интерактивная наука. Филология. 2016. № 3. С. 120–125.
19. Седов К. Ф. Ссора // Антология речевых жанров / под ред. В. В. Дементьева, Т. В. Шмелевой ; отв. ред. К. Ф. Седов. М. : Лабиринт, 2007. С. 259–269.
20. Дементьев В. В. Светская беседа: жанровые доминанты и современность // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 157–177.
21. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 836 с. (Studia Philologica).
22. Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 261 с.
23. Колокольцева Т. Н. Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический потенциал, проблемы классификации // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 164–173. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173>
24. Хисамова Г. Г. Исследование диалога с позиции теории речевых жанров // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 2. С. 164–169.
25. Месеняшина Л. А. Диалогический жанр? // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 22 (203). С. 77–81. EDN: NTNQFX
26. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. М. : Наука, 1986. С. 17–58.
27. Рабенко Т. Г. Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2018. 356 с.
28. Лебедева Н. Б., Рабенко Т. Г. Жанровое имя как фактор стабилизации речевого жанра (на материале жанра дневника) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 29–35. <https://doi.org/10.17223/15617793/437/4>
29. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2001. № 1–2. С. 4–10.

REFERENCES

1. Arutjunova N. D. Genres of communication. In: *Che-lovecheskii faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deiksis* [Human Factor in Language. Communication, Modality, Deixis]. Moscow, Nauka, 1992, pp. 52–56 (in Russian).
2. Gajda S. Genres of colloquial utterances. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 103–112 (in Russian).
3. Dementyev V. V. Study of speech genres: A review of scientific papers in modern russian studies. *Issues of Linguistics*, 1997, no. 1, pp. 109–121 (in Russian).
4. Sedov K. F. Anatomy of genres of everyday communication. *Issues of Stylistics*. Saratov, Saratov State University Publ., 1998, iss. 27, pp. 9–20 (in Russian).
5. Sirotinina O. B. Some reflections on the terms "Speech Genre" and "Rhetorical Genre". *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 26–31 (in Russian).
6. Fedosjuk M. Yu. Open challenges in the theory of speech genres. *Issues of Language Studies*, 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).
7. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
8. Dementyev V. V. Phatic speech genres. *Issues of Language Studies*, 1999, no. 1, pp. 37–55 (in Russian).
9. Dementyev V. V. *Integral'noye opisaniye rechevykh zhanrov* [Integral description of speech genres]. Saratov, Saratov State University Publ., 2024. 304 p. (in Russian).
10. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii. T. 5: Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh gg.* [Collected Works. Vol. 5: Works from the 1940s to the 1960s]. Moscow, Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1997. 731 p. (in Russian).
11. Gumboldt V. fon. *On Comparative Study of Languages in Relation to Different Epochs of their Development*. Available at: <https://philologos.narod.ru/classics/humboldt.htm> (accessed December 20, 2024) (in Russian).
12. Gol'din V. E. Notions of speech events, actions and russian speech genres. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 23–33 (in Russian).
13. Dementyev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragsmaticheskii aspekt teorii rechevykh zhanrov : uchebnoe posobie* [Sociopragmatic aspect of speech genres theory: Study guide]. Saratov, Saratov Pedagogical Institute Publ., 1998. 107 p. (in Russian).
14. Gorelov I. N., Sedov K. F. *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow, Labyrinth, 2001. 304 p. (in Russian).
15. Tikhomirova E. A. *Genre features of scientific discussion on Facebook*. Available at: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/164501/1/%D0%A2%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf> (accessed December 20, 2024) (in Russian).
16. Spiridovskij O. V. Parliamentary debate as a genre of political discourse. *Scientific Almanack*, 2015, no. 9 (11), pp. 1556–1568 (in Russian).
17. Goloshubina O. K. Speech model "Conversation in the messenger". *Omsk Scientific Bulletin*, 2014, no. 5 (132), pp. 101–103 (in Russian). EDN: TNDCWP
18. Miheeva Ju. A. Web forum as a speech genre of virtual communication. *Interactive Science. Philology*, 2016, no. 3, pp. 120–125 (in Russian).
19. Sedov K. F. Quarrel. In: *Antologiya rechevykh zhanrov. Pod red. V. V. Dement'eva, T. V. Shmelevoi; otv. red. K. F. Sedov* [Dementyev V. V., Shmeleva T. V., eds., Sedov K. F. resp. ed. Anthology of speech genres]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 259–269 (in Russian).
20. Dementyev V. V. Svetskaya beseda ('small talk'): Genre Dominants and Modernity. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, iss. 2, pp. 157–177 (in Russian).
21. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkiye rechevye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 836 p. (Studia Philologica).
22. Lavrent'eva E. V. *Speech Genres of Accusation and Justification in Dialogical Unity*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Novosibirsk, 2006. 261 p. (in Russian).
23. Kolokol'tseva T. N. Internet comment as a network genre: General characteristic, dialogical potential, classification issues. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 164–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173>
24. Hisamova G. G. Study of Dialogue from the Perspective of Theory of Speech Genres. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2008, no. 2, pp. 164–169. (in Russian).
25. Mesenjashina L. A. Dialogic Genre? *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2010, no. 22 (203), pp. 77–81 (in Russian). EDN: NTNQFX
26. Jakubinskij L. P. On the dialogical speech. In: *Izbrannye raboty: Yazyk i ego funkcionirovanie* [Selected works: Language and its functioning]. Moscow, Nauka, 1986, pp. 17–58 (in Russian).
27. Rabenko T. G. *Genres of Natural Written Russian Language in the Variant Aspect*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2018. 356 p. (in Russian).
28. Lebedeva N. B., Rabenko T. G. The genre name as a factor of stabilization of the spoken language (on the material of the diary genre). *Bulletin of Tomsk State University*, 2018, no. 437, pp. 29–35 (in Russian).
29. Lebedeva N. B. Natural written russian speech as a subject of linguistic research. *Bulletin of Barnaul State Pedagogical University*, 2001, no. 1–2, pp. 4–10 (in Russian).

Поступила в редакцию 26.12.2024; одобрена после рецензирования 23.02.2025; принята к публикации 23.02.2025; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 26.12.2024; approved after reviewing 23.02.2025; accepted for publication 23.02.2025; published 02.03.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 16–27

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 16–27

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-16-27>, EDN: DFIXNK

Научная статья

УДК 81'1'38'42

Интертекстуальность и интержанровость

В. В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. Статья посвящена интержанровому фактору в жанроведении. Доказывается, что претендующее на адекватность описание практически любого жанра с практически любой точки зрения обязательно должно учитывать то, как жанр относится к другим жанрам: в узком смысле, в пределах различных типологий, в широком – в пределах национальной жанросферы или совокупности разных национальных жанросфер.

Выделяются аспекты и виды интержанровости: исторический (к нему относится, прежде всего, концепция первичных и вторичных речевых жанров М. М. Бахтина), культурный – при выявлении таких связей между жанрами чрезвычайно важным является то, принадлежат данные жанры одной культуре или разным. Частным случаем разных культур иногда являются разные исторические периоды одной культуры, например современной российской и советской, которые различаются как ценностными приоритетами, социальными отношениями и ролями, так и прецедентными текстами и другими лингвистическими особенностями.

Показано, что в современном жанроведении использование интержанровой методики является наиболее востребованным и эффективным в случае новых жанров, складывающихся на основе старых, традиционных. Прежде всего это касается многочисленных интернет-жанров, традиция описывать которые с опорой на неинтернет-предшественники возникла фактически одновременно с интернет-жанроведением. Менее очевидный, хотя имеющий ту же природу случай – жанры, сложившиеся на основе каких-либо жанров-предшественников в более отдаленном прошлом (многие жанры вторичных опосредованных сфер общения объясняются через непосредственные жанры).

Показано, что национально-культурным основанием интержанровых связей является вхождение жанров в одну национальную жанросферу, а предельным случаем интержанровых связей – симбиоз двух жанров.

Ключевые слова: интержанровость, интертекстуальность, вторичные речевые жанры, исторический аспект, культурный аспект, типология речевых жанров, жанросфера

Для цитирования: Дементьев В. В. Интертекстуальность и интержанровость // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 16–27. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-16-27>, EDN: DFIXNK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Intertextuality and Intergenry

V. V. Demytyev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim V. Demytyev, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Abstract. The article deals with the intergenre factor in genre studies. It is proved that a description of almost any genre that claims to be adequate from almost any point of view must necessarily consider how the genre relates to other genres: in a narrow meaning, within various typologies, in a broad meaning – within a national genre sphere or a set of different national genre spheres. The author discusses the following aspects and types of intergenre: historical (which includes, first of all, the concept of primary and secondary speech genres

of Mikhail Bakhtin), cultural – when identifying such connections between genres, it is extremely important whether these genres belong to the same culture or different ones. A special case of different cultures is sometimes different historical periods of one culture, for example, modern Russian culture and Soviet culture, which differ in value priorities, social relations and roles, as well as precedent texts and other linguistic features. It is shown that in modern genre studies the use of intergenre methodology is mostly in demand and is effective in the case of new genres which are formed on the basis of old, traditional ones. First of all, this concerns numerous Internet genres. The tradition of their description is based on non-Internet predecessors and it arose almost simultaneously with Internet genre studies. A less obvious, although having the same nature, case is genres which were formed on the basis of some predecessor genres in the more distant past (many genres of secondary mediated spheres of communication are explained through oral genres).

It is shown that the national-cultural basis of intergenre connections is also the inclusion of genres in one national genre sphere, and the ultimate case of inter-genre connections is the symbiosis of two genres.

Keywords: intergenrity, intertextuality, secondary speech genres, historical aspect, cultural aspect, typology of speech genres, genre sphere

For citation: Demytyev V. V. Intertextuality and Intergenrity. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 16–27 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-16-27>, EDN: DFIXNK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Постановка проблемы

Подобно тому как одной из важнейших типологических характеристик текста в лингвистике текста, теории дискурса, нарратологии считается интертекстуальность – то, как текст относится к другим текстам (как известно, данная характеристика является значимой не только для вторичных текстов, а для всех текстов – даже если автор-новатор намеревается написать абсолютно оригинальный текст), важнейшей типологической характеристикой жанра является интержанровость – то, как жанр относится к другим жанрам: в узком смысле, в пределах различных типологий, в широком – в пределах национальной жанросферы или совокупности разных национальных жанросфер.

Претендующее на адекватность описание практически любого жанра с практически любой точки зрения обязательно должно учитывать данный интержанровый фактор.

Это положение кажется очевидным, однако на практике в большинстве осуществленных за последние тридцать лет описаний конкретных жанров интержанровый фактор не учитывался или почти не учитывался (если только это не сравнение нескольких жанров, но и тогда, как правило, интержанровый фактор учитывается слишком узко – как отношения внутри рассматриваемой пары или ограниченной группы жанров). Вероятно, свою роль

здесь сыграло и то, что в широко известной «анкете речевого жанра» Т. В. Шмелевой [1] среди выделяемых параметров («коммуникативная цель жанра», «концепция автора», «концепция адресата», «событийное содержание», «фактор коммуникативного прошлого», «фактор коммуникативного будущего», «языковое воплощение») нет ни одного хотя бы отдаленно напоминающего интержанровость¹. Поэтому нам представляется необходимым обоснование и утверждение в жанроведении, лингвистике текста, нарратологии и т. д. данного положения – как и введение (с долей сомнения) термина *интержанровость*².

Главной причиной этого досадного белого пятна в науке о жанрах является, думается, то, что интержанровость охватывает целую совокупность разных проблем, решение каждой из которых требует полноценного самостоятельного исследования. Прежде всего, это проблема идентификации жанра, установление его границ, решение вопроса, что является вариантами данного жанра, а что – другими жанрами. В последнем случае детально рассматриваются отношения между жанрами, сходства и различия – данные отношения и составляют содержание интержанровости. (Особого внимания, конечно, требуют тонкие различия между максимально близкими, или смежными, жанрами.) Если же имеют место варианты одного жанра, отношения между ними не являются интержанровыми: отно-

¹На наш взгляд, неучет этого фактора обедняет многие работы, в том числе, к сожалению, новейшие: например, интересную работу Е. В. Лаврентьевой и Т. И. Стекловой, посвященную публичному извинению (более того: публичное извинение сопоставляется с непосредственным в межличностной коммуникации) [2]: авторы следуют в русле концепции Шмелевой и не обращаются к концепции первичных и вторичных речевых жанров Бахтина.

²Собственно, термин уже существует и иногда используется (даже в названиях статей, ключевых словах к статьям и т. д., например: «*Интержанровая игра в новом латиноамериканском романе*» [3, 4]), однако до его полноценного вхождения в научный обиход дело не дошло. Для этой типологической характеристики жанра возможны также термины «*межжанровые связи*», «*жанровый контекст*», «*место в жанровой парадигме*» и т. п.

шения такого рода рассматривает жанровая вариантология [5]. (Впрочем, развитию нового полноценного жанра практически всегда предшествует появление жанрового варианта, или *переакцентуация жанра* по Бахтину).

Интержанровость следует отличать от интертекстуальности: главные феномены интертекстуальности – вторичный текст, прецедентный текст – представляют собой распространение, проникновение в «чужой» текстовый материал конкретного текста в его лексической, композиционной завершенности, имеющего своего автора, относящегося к конкретной ситуации; реализующие интержанровость феномены, такие как вторичные РЖ по Бахтину (конечно, не только они – см. ниже), представляют собой распространение и перенесение на другие жанры не субстанции конкретных текстов, а абстрактных текстовых структур. (Впрочем, мысль, что заимствоваться, перетекать из текста в текст могут не только собственно элементы текста, но и принципы структурной организации текста, содержалась уже в концепции интертекстуальности Ю. Кристевой, фактически была положена в основу концепции «письма» (*l'écriture*) у Р. Барта; а бахтинские идеи «чужого слова», «бесконечного диалога» практически во всех исследованиях по интертекстуальности используются в качестве одной из наиболее фундаментальных концепций, объясняющих механизмы порождения и заимствования нового и традиционного речевого и языкового материала в речевых высказываниях, текстах письменной и устной словесности, эстетике словесного творчества [6–19].)

Конечно, существует и собственно интертекстуальный аспект речевых жанров, которому посвящено довольно много работ в современном жанроведении – например, изучаются различные прецедентные тексты, используемые в рамках того или иного речевого жанра (см. [20]). В нашей статье «Интертекстуальный аспект речевых жанров» [21] показано интертекстуальное содержание идеи речевого жанра Бахтина: РЖ осмысляются как формы «чужого слова»; обсуждаются отношения между вторичными РЖ и вторичными текстами, в том числе нейтрализация различий между ними в лингвистической и нелингвистической рефлексии. Подобным образом, например, можно говорить о существовании языкового аспекта речевых жанров (не означающего отождествления речевых жанров и языка), стилистического (то же самое касается отношений РЖ со стилем), когнитивного или концептологического (отношения с концептом) и т. п.

Есть смысл сравнить интержанровость не только с интертекстуальностью, но и с ин-

тердискурсивностью (по М. Пешё). Трудность заключается в том, что и дискурс, и интердискурсивность различаются в зависимости от того, какое определение дискурса берется (напр., тематическое, прагматическое, социолингвистическое и т. п.), тогда как интержанровости, по-видимому, не присуща такая вариативность.

В современных жанроведческих исследованиях, особенно по новым интернет-жанрам, много внимания уделяется проблемам **диалогичности** речевых жанров – средствам диалогичности, разной степени диалогичности в разных речевых жанрах, интерактивности, интермедальности и т. п. [22–24].

Конкретные **механизмы**, на основе которых существует межжанровая связь в сознании носителей языка, очень важны, хотя в большинстве случаев еще совершенно не изучены – как и психолингвистические механизмы межтекстовых связей в теории интертекстуальности.

Понятно, что такие механизмы отсутствуют, когда связи между жанрами, существовавшие в прошлом, утратились (такие связи осознают специалисты-историки, этимологи, но не современные носители языка). Многие важные связи существуют в человеческом сознании в опосредованном, скрытом виде и могут быть выявлены только предположительно, например, через посредство специальных ассоциативных, пилотажных и т. п. психолингвистических экспериментов.

Проблема, как распознается носителями языка связь слов с жанрами, в которые они входят или – шире – с которыми совместимы, была поставлена еще Бахтиным («Когда мы выбираем слова в процессе построения высказывания, <...> мы берем их обычно из других высказываний, и прежде всего из высказываний, родственных нашему по жанру» [25: 191]), но только с развитием методики, опирающихся на современные технологии, получила настоящее рассмотрение. Эта проблема не входит непосредственно в задачи настоящей статьи; отметим только несколько важнейших положений, развиваемых в нашей статье [26]:

Информация о словах, входящая в базовую коммуникативно-языковую компетенцию носителя языка, содержит знания о РЖ, с которыми данные слова связаны, – от привязки к конкретному жанру до лишь приблизительных ориентиров, предпочтений по принципу «скорее используется в рамках жанра X, чем Y», при этом и роль данной единицы/слова в данном РЖ может быть разной: от ключевой, порождающей до менее значимой, инерционной. Вполне вероятно, что встретившиеся в гладко протекающем речевом общении языковые / речевые единицы, по которым человек идентифицирует жанр, не встречались ему раньше в составе данного жан-

ра, но обязательно имеют в своей содержательной структуре речевые пометы, по которым и идентифицируется жанр. Слова, конструкции и речевые фигуры, имеющие в сознании адресанта и адресата речевого высказывания те же речевые пометы, что слова, конструкции и речевые фигуры, известные им обоим заранее, должны встретиться в речевом общении, если оно претендует на успешное протекание. Именно речевые пометы служат главным механизмом «жанровой памяти» (по М. М. Бахтину), который формирует в сознании носителя языка актуальные коммуникативные связи слов, встретившихся в сходных ситуациях речевого общения, произнесенных и услышанных высказываниях. Речевые пометы в сознании человека напоминают пометы в словаре (собственно, правильнее говорить наоборот, но пометы в сознании гораздо хуже изучены, чем разнообразные словарные пометы, используемые в лексикографии); соответственно, много материала по данной проблеме дают ассоциативные словари, особенно обратные, в частности, то, какие стимулы вызвали реакции, в которых непосредственно именуется жанр (ср. реакции: *анекдот, беседа, блог, болтовня, брань, «брюзжание», влог, ворчание, высмеивание, «дерзость», доказательство, жалоба, извинение, ирония, капризничание, колкость, комплимент, молва, мольба, намёк, оправдание, оскорбление, осуждение, порицание, похвала, похвальба, предсказание, предупреждение, «придирки», приказ, просьба, прощение, разговор, разрешение, рекомендация, слухи, совет, соболезнование, сочувствие, травелог, трёп, убеждение, уверение, уговоры, угроза, укор, ультиматум, упрямство, упрек, утешение, ухаживание, фанфик, флирт, чат, шутка, ябедничество* и мн. др.) [Там же: 35–36].

Исторический аспект интержанровости: интержанровость в концепции вторичных речевых жанров М. М. Бахтина

Исторический аспект интержанровости традиционно хорошо рассмотрен в историческом литературоведении в связи с проблемой генезиса, взаимного влияния, синтеза художественных жанров (особенно в связи с творчеством писателей-новаторов): этому много внимания уделяли не только упоминавшиеся Ю. Кристева, Р. Барт, но и, например, такие видные литературоведы, как С. С. Аверинцев, О. М. Фрейденберг, Ж.-М. Шеффер и др.

Как М. М. Бахтин расширил понятие жанра за пределы художественной литературы (ввел в научный обиход нехудожественные жанры), так и интержанровые отношения следует находить не только между художественными жанрами.

Впервые поставил проблему интержанровости в связи с нелитературными жанрами Бахтин в концепции вторичных речевых жанров:

«Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высоко развитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни» [25: 161–162].

В современном жанроведении наиболее востребованным и эффективным является использование интержанровой методики в случае новых жанров, и прежде всего – многочисленных интернет-жанров, традиция описывать которые с опорой на неинтернет-предшественники возникла фактически одновременно с интернет-жанроведением в целом: форум успешно объясняли через дискуссию, чат – через разговор, беседу, болтовню [27, 28]. Менее очевидный, хотя имеющий ту же природу случай – жанры, сложившиеся на основе каких-либо жанров-предшественников в более или менее отдаленном прошлом: так, многие жанры вторичных опосредованных сфер общения успешно и тоже уже достаточно традиционно объясняются через непосредственные жанры: ультиматум, нота – через угрозу, молитва – через просьбу, благодарность и т. п. [29, 30].

Динамическими процессами обусловлены разные типы связей между жанрами. Так, исторически первым «звеном цепочки» может быть появление новой сферы коммуникации / типа дискурса, первоначально жанрово нерасчлененного, в котором впоследствии складываются жанры – конечно, все эти жанры связаны друг с другом (современные интернет-жанры, жанры ТВ в более отдаленном прошлом, газетные жанры – в еще более отдаленном). Первым «звеном» может быть жанр, вокруг которого впоследствии «нарастает» полноценный дискурс (молитва, притча по отношению к религиозному дискурсу и его остальным жанрам – см. [31]). Наконец, у жанра могут возникнуть новые межжанровые связи, которых раньше не было (у жанра анекдота – с литературными юмористическими жанрами, после того как анекдоты начали записываться и публиковаться [32]).

Многие современные классификации вторичных РЖ исходят из того, какого рода связь сохраняется у вторичного жанра с соответствующим первичным (возможен ли «возврат» к первичному жанру или данная связь существует только на периферии жанрового сознания коммуникантов, как своеобразная «память жанра»; остается неясным вопрос о ситуативной обусловленности перехода из первичных речевых жанров во вторичные). В том случае, если такие исторические связи имеют значение для жанра, они должны быть тщательно проанализированы, а результаты – включены в «портрет жанра». Особенно ценным материалом в этом плане являются сохранившиеся текстовые документы прошлых эпох, относящиеся как непосредственно к рассматриваемому жанру, так и к жанрам «родственным» (в разных отношениях).

Например, определение жанровых характеристик такого уникального феномена советской словесности, как *послание потомкам в капсуле времени* (ППвКВ) ≈1960-х гг., по-видимому, невозможно без учета интержанрового фактора – выяснения, с какими другими жанрами советской, русской традиционной, а отчасти и мировой словесности он связан:

- мировая литературная традиция обращения к потомкам (Гораций, Владимир Мономах и т. д.);
- соответствующая традиция русской классической литературы (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин) (исследователи данной традиции отмечают ее генетическую связь с жанром *духовного завещания*, а также *исповедальность* как одну из наиболее значимых ее черт, которая, однако, практически не проявляется в ППвКВ, поскольку плохо сочетается с требуемой там *оптимистической тональностью*);
- советская художественная традиция: стихи (В. В. Маяковский (*товарищи потомки; рассказ о времени и о себе*), Р. И. Рождественский (*Письмо в 30 век*)) и др., песни (*И на Марсе будут яблони цвести*), а также жанр советской футуристической фантастики (ср. произведения И. А. Ефремова, А. П. Казанцева, А. и Б. Стругацких), фантастические фильмы и др.;
- жанр мемуаров (например, в аудиопослании диктор Юрий Левитан вспоминает, как читал для своих радиослушателей о строительстве ДнепроГЭС, о полете Чкалова через Северный полюс;
- жанр митинга (комсомольского собрания, заседания, пленума, съезда, слёта): в некоторых ППвКВ прямо говорится, что текст утверждался, принимался или даже сочинялся на митинге и т. п. (ср.: *Текст капсулы утвержден 4 ноября 1967 года на торжественном пленуме райкома КПСС и сессии исполкома Совета депутатов трудящихся Октябрьского района города*; авторы – *Участники второго областного слета комсомольцев и молодежи – победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа*);

- традиции советской публицистики, печати, СМИ, прежде всего – жанр отчета / рапорта о достижениях (подробнее см.: [33]).

В работах последователей Бахтина, развивающих понятие речежанровой вторичности [29, 30], эффективной моделью анализа вторичных жанров (к тому же в наибольшей степени опирающейся на традиционный лингвистические модели) является представление речежанровой вторичности, динамических процессов, к ней приводящих, в терминах **МЕТОНИМИИ** (отношения между максимально близкими, смежными жанрами в рамках различных типологий) и **МЕТАФОРЫ** (это прежде всего касается имен РЖ), соответственно на первый план выходят модели метафоризации, динамика развития соответствующих процессов.

Культурный аспект интержанровости

С историческим аспектом интержанровости – выявлением сходств и различий жанров по линии истории – неразрывно связан культурный / лингвокультурный аспект – выявление сходств и различий жанров по линии культуры.

Несмотря на то, что настоящая разработка интержанровой теории и методики относится к перспективам жанроведения, можно привести довольно много примеров вполне качественных жанроведческих исследований, где важным пунктом осмысления жанра было отношение к другим жанрам, причем данное отношение оценивалось именно с точки зрения культуры / культур.

Так, в ряде исследований сравниваются РЖ в разных культурах – например, *выражение сочувствия* в русской и англосаксонской культурах [34], *спор* в русской и англосаксонской [35], *small talk* в англосаксонской культуре и *светская беседа* в русской [36]), выявляются различия как собственно речесистемные и языковые, так и общекультурного плана.

Сравниваются также сами культуры с точки зрения представленных в них наборов РЖ и принципов их организации (например, англосаксонской культуре присуща фатическая центростремительность, русской – фатическая центробежность [37]).

Значительного привлечения культурной информации – об общем состоянии общества, влиятельных жанрах словесности (прежде всего смежных с описываемыми жанрами, но не только) потребовали исследования без собственно сравнения: проклятия как жанр лезгинского и кумыкского фольклора [38], почётные грамоты [39], флирт у советской интеллигенции [40], открытки, написанные детьми (корпус «Пишу тебе») [41].

Это сближает интержанровость с кросс-культурными исследованиями, в частности А. Вежбицкой и ее школой (они на фоне разных культур, разных

культурных сценариев и т. п. изучали и речевые жанры) [42].

Наиболее принципиальным с этой точки зрения оказывается вопрос: принадлежат ли описываемые жанры одной культуре или разным? Неучет этого фактора приводит к ошибкам, иногда критическим. Так, попытки выйти при исследовании жанра за пределы культуры, механически перенести принципы организации данного жанра в одной национальной культуре на другую культуру часто оканчивались неудачей (например, попытки найти соответствие русского *разговора по душам* в англосаксонской культуре, а *small talk* – в русской).

Частным случаем разных культур иногда (но не всегда) являются и разные исторические периоды одной культуры, например современной российской и советской: они различаются как ценностными приоритетами, социальными отношениями и ролями, так и прецедентными текстами и другими лингвистическими особенностями.

Как было показано в предыдущем параграфе, осмысление *послания потомкам в капсуле времени* – речезанрового феномена с конкретной культурно-исторической привязкой (СССР, ≈1960-е гг.) – требует привлечения многих связанных с ним жанров предшествующих периодов. Эта проблема становится еще более острой в случае сравнения жанров, относящихся к разным периодам ⇒ культурам.

Так, *научно-популярные статьи о животных* и *научно-популярные статьи о космосе* как а) жанры советской литературы, научно-популярной литературы и СМИ (СЖ₁ и СК₁) и б) современные одноименные интернет-жанры (СЖ₂ и СК₂) принадлежат, по сути, к разным культурам и настолько различаются, что для их сравнительного описания требуется привлечение большого количества смежной: общекультурной, естественно-научной, научно-технической, социологической и даже философской – информации. Одним из важнейших пунктов сопоставления являются влиятельные жанры словесности (роль разных влиятельных жанров словесности при определении места научно-популярных статей о животных и научно-популярных статей о космосе в советский и постсоветский периоды может не вполне совпадать, как и другие факторы, характеризующие состояние общества), как показано в таблице.

То, как жанр относится к другим жанрам, является важнейшей типологической характеристикой жанра только в пределах одной национальной культуры / жанросферы; в разных национальных культурах / жанросферах жанр не только видоизменяется (иногда весьма существенно – настолько, что можно говорить лишь о приблизительном соответствии), но и связывается значимыми отноше-

ниями с другими жанрами / группами жанров (это может касаться особенностей истории, включая национальную литературу, языка: существующие в языке названия жанров и/или соответствующие лексические лакуны).

Вхождение жанров в одну национальную **жанросферу** также является национально-культурным основанием интержанровых связей, хотя, конечно, самого общего порядка.

Жанросфера есть важный слой в речевом пространстве того или иного этноса, социума, периода, характеризующийся тем, что 1) все его компоненты – жанры речи; 2) они связаны друг с другом, в этой связи есть закономерности, категории, организующие бытование и взаимные отношения жанров, их групп и подгрупп; 3) существует динамика жанросферы, можно выявить тенденции и закономерности в ее развитии, во многом, но далеко не полностью обусловленные более общими социальными тенденциями.

Жанросфера выступает как пространство и наиболее естественного, и наиболее показательного, и наиболее яркого бытования жанров речи, при этом жанросфера не гомогенна: ее составляют жанры разных типов (с точки зрения разных классификаций), в частности:

- первичные и вторичные жанры (в разных пониманиях вторичности);
- художественные и нехудожественные жанры – «художественная» часть жанросферы, с одной стороны, лучше изучена (филологами, литературоведами, критиками), с другой, конечно, наиболее специфична;
- жанры нарождающиеся (а также заимствованные и заимствуемые) и еще не вполне вошедшие в язык, речь, речевую коммуникацию, меняющиеся (иногда – буквально на глазах исследователя); жанры устаревающие; жанры маркированные социально (присущие узким микрогруппам, в т. ч. специфическим для данного социума профессиональным и/или идеологическим сообществам, например, волонтерские) и возрастно.

Использование понятия жанросферы позволяет изучать интержанровые связи между жанрами в пределах различных жанросфер: мировой жанросферы; жанросфера современного российского (американского, англоязычного, китайского...) коммуникативного пространства; жанросфера политики и жанросфера современного (российского, американского) политического дискурса; жанросфера педагогики и жанросфера современного российского педагогического дискурса; жанросфера как часть речевого портрета (человека, социальной группы, страта / среза общества); жанросфера конкретного писателя; жанросфера конкретного персонажа романа / фильма / телесериала; жанросфера стиля (какого), жанросфера литературного направления (романтизма, реализма); жанросфера лингвокультурного типажа; жанросфера (речезанровой) теории (≈ список конкретных жанров, описываемых и упоминаемых, например, М. М. Бахтиным, Т. В. Шмелевой и т. д.); жанросфера издания (о жанрах) (например, журнала «Жанры речи») и т. п. (подробнее см.: [43]).

Сравнительные культурные характеристики СЖ₁ и СЖ₂, СК₁ и СК₂
Comparative characteristics of articles about animals and about outer space

Критерий	Статьи / книги советского периода (СЖ ₁ и СК ₁)	Публикации в Рунете (СЖ ₂ и СК ₂)
Отношение общества к животным (для СЖ)	Развиты с/х и охота; биологические знания, знания и о с/х, и о охоте активно транслируются советской печатью наравне с «интересностями»	Доля в обществе специалистов меньше. Уход за домашними животными стал бизнесом. Падение железного занавеса, массовый туризм позволили бывшим советским гражданам знакомиться с обширной информацией о животных из иностранных источников, а также – иногда – непосредственно контактировать с ними (а каких-то и заводить у себя дома)
Общее состояние общества (для СЖ)	Пропагандируются любовь к чтению, тяга к образованию (в т.ч. биологические знания; знания и о с/х, и о охоте), на это не жалеют досуга	«Буржуазность», потребительство, культ досуга, удовольствий, туризма
Общее состояние общества, господствующее представление о человеке (для СК)	Пропагандируются любовь к чтению, тяга к образованию, знаниям (в т.ч. физическим и астрономическим), на это не жалеют досуга. Официальное и неофициальное представление о «советском человеке» сильно различаются	«Буржуазность», потребительство, культ досуга, удовольствий, туризма. По этой причине иногда на себя смотрят критически и с пессимизмом. Роль официальной идеологии / пропаганды в формировании представления о человеке мала
Господствующее представление о космосе (массовая, популярная, т. е. ненаучная, картина) (для СК)	Величественный, важный для человека, опасный, очень сложный и интересный	Опасный, пустой, ограниченно (практически) полезный, малоинтересный; в целом – переориентация на земные дела; застой
Состояние словесности (для СЖ и СК)	Партийная печать, цензура	Отсутствие цензуры, тяготение к неформальности, появление Интернета с его языком, приоритетами, жанрами
Влиятельные жанры словесности (для СЖ и СК)	Энциклопедия, научная и научно-популярная книга / статья, описания путешествий	Блоги и видеоблоги, социальные сети, описания путешествий (травелог), шоу, реклама

**Интержанровые связи по другим «линиям»
(коммуникативной цели и т. д.)**

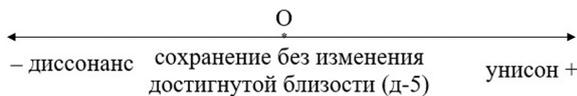
Выявление интержанровых связей разных типов непосредственно пересекается с **типологизацией** жанров, а тем самым – существующими и возможными (необходимыми) типологиями разных типов. Основы двух важнейших речежанровых типологий заложены еще Бахтиным – историко-генетический (через противопоставление первичных и вторичных РЖ) и неисторично-структурный критерии (через противопоставление жанров разной степени жесткости структуры) [25: 161–162, 181–182].

Не менее, чем при историческом и культурном изучении жанров, полезно использование интержанровой методики в случаях, когда на каком-либо существенном основании объединяются жанры, не находящиеся в отношениях генетической и/или культурной

производности (и для описания которых не может быть использовано понятие вторичного РЖ): ср. объединение очень разнородных фатических речевых жанров (ФРЖ), например, «д-4» и «д-5» по Н. Д. Арутюновой [44]: в их природе многое объясняет, в частности, использование шкалы межличностной близости.

Н. Д. Арутюнова выделяет среди ФРЖ две группы жанров: фатические, или праздноречевые, жанры, не имеющие непосредственной цели («д-5»), и жанры, имеющие целью установление или регулирование межличностных отношений («д-4»), распределенные по шкале А. Р. Балаяна (от унисона, или искренних признаний и комплиментов, до диссонанса, или ссор и выяснений отношений) [Там же: 52–56]. Мы [45] обратили внимание на то, что у жанров д-4 и д-5 много общего: все истинное содержание коммуникации составляет вступление в контакт, организация ситуации общения и личности коммуникантов (остальное можно понимать как

косвенность). Жанры д-5 так же, как д-4, направлены на межличностные отношения: они сохраняют достигнутую близость. Все ФРЖ можно расположить на шкале А. Р. Балаяна, при этом жанры д-5 занимают одну точку посередине шкалы:

Выявление значимых связей жанров, наиболее принципиальных для рассмотрения интержанрового аспекта жанров, требует самого серьезного внимания уделить тем основаниям, на которых жанры, с одной стороны, сближаются друг с другом, с другой – противопоставляются, т. е., иными словами, основаниям классификации жанров. Понятно, что такие типологические связи, существующие между жанрами, относящимися к одному типу (какие именно выделяются типы жанров, и определяется избранными основаниями классификации), наряду с отношениями исторической первичности-вторичности, культурной обусловленности, «вписанности» в ту или иную культуру, тоже относятся к важнейшим жанровым связям, составляющим интержанровость. Трудности и возможные противоречия также связаны с попытками некритично объединить принципы разных типологий, например, выделять, употреблять и оценивать в одном ряду типы РЖ, выделяемые в разных типологиях (ср. формулировку: «*императивные, художественные и вторичные РЖ»). Это выводит на первый план при разработке интержанровой методики тщательную и глубокую проработку важнейших жанровых характеристик, которые чаще всего и выступают основаниями соответствующих речевых классификаций, и прежде всего – **иллокутивно-целевой**.

Данный фактор потенциально содержится во всех описаниях РЖ, в основу которых положен фактор цели (а их большинство – и упоминавшаяся «анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой имеет цель в качестве первого из параметров, – на этом основании выделяются информативные, императивные, этикетные, оценочные РЖ [1: 91–92]), однако, как уже было сказано, до реального систематического сравнения жанров, выявления интержанровых связей дело не доходило.

Эта характеристика жанра дается через определение его отношений с ближайшими, смежными жанрами в типологии (желательно уже хорошо рассмотренными в науке, во всяком случае, лучше, чем характеризуемый жанр).

Возвращаясь к понятию жанросферы, отношение типологии речевых жанров и жанросферы может быть определено через место

на шкале: типология РЖ (наиболее структурированная сущность) ~ жанросфера (ее системность несомненна, но пока не вполне ясна) ~ антология (прикладной аспект) ~ энциклопедия ~ наконец, список / набор / совокупность РЖ (системности нет или еще не усмотрена). Жанросфера объединяет все РЖ, относящиеся к разным типам, с точки зрения разных классификаций. В результате используемые классификации где-то уточняются: жанры внутри данной жанросферы следует рассматривать с учетом категории данной жанросферы, не пытаясь приписать им свойства / положить в основу классификации свойства, противоречащие данной жанросфере или несовместимые друг с другом в пределах данной жанросферы.

Жанровый симбиоз

Предельный случай интержанровых связей – симбиоз двух или более жанров. В отношении симбиоза могут вступать как иллокутивно, генетически, культурно близкие жанры, так и неблизкие.

Примером симбиоза первого типа могут послужить *анекдот* (текст анекдота) и *рассказывание анекдота*, которые, по мнению А. Д. и Е. Я. Шмелевых, являются взаимосвязанными, но разными жанрами (первый – письменный, второй – устный) [46: 20–27].

В качестве примера второго типа приведем содержательный и иллокутивный симбиоз популярного в настоящее время в СМИ, на ТВ, интернет-ресурсах жанра *блиц-интервью* и письменного жанра *опросника*.

Как следует из названия «блиц», от интервьюируемого ожидаются быстрые, без раздумья ответы на вопросы, которые короче, чем в обычном интервью. При этом блиц-интервью практически всегда проводится с опорой на готовый или специально подготовленный список вопросов / опросник. Хотя обычному интервью также предшествует подготовка, продумывание вопросов, список этих «примерно подготовленных» вопросов нельзя считать ни отдельным жанром по отношению к интервью, ни вообще полноценным речевым жанром. В блиц-интервью же, как показывает практика, чаще всего пользуются именно готовым текстом опросника, представляющим собой полноценный письменный жанр. В результате этого симбиоза блиц-интервью представляет собой не просто «усеченный» по времени вариант обычного интервью, но довольно сильно отличается от него качественно. Так, вопросы на блиц-интервью обычно более общего характера, ёмкие, «о важном», а также несколько обезличенные, без конкретных деталей, повышенной личностности (личностной провокативности), часто присущих обычному интервью. Информация и оценка в блиц-интервью касаются более постоянного порядка вещей, чем в обычном интервью (не столько деталей, сколько закономерностей данного порядка), имеют

скорее характер выводов, чем информирования как такового. В блиц-интервью практически отсутствуют вопросы-просьбы дать оценку или прокомментировать какие-то злободневные события или поступки какого-то известного человека – из области политики, культуры, эстрады и т. д., которые составляют большую часть обычных интервью.

Заключение

Главными задачами настоящей статьи автор считает формулировку проблематики интержанровости, очерчивание круга речевых феноменов, объединяемых понятием интержанровости (и обзор работ об этих феноменах – чаще же лишь отдельных аспектах их – в современных жанроведческих исследованиях); выявление разных типов интержанровости; определение границ интержанровости, с одной стороны, с интертекстуальностью,

с другой – различными современными моделями анализа жанров речи.

Методологический пафос автора настоящей статьи – обоснование необходимости включения пункта «интержанровость» / «интержанровые связи» в качестве важнейших (причем не только для новых, формирующихся или заимствованных, очевидно вторичных или с явными признаками вторичности жанров, а для всех жанров) в претендующие на адекватность модели анализа жанров речи наряду с такими до сих пор считавшимися бесспорно важнейшими пунктами, как тема и цель жанра, образ автора, образ адресата, языковое оформление³, жанрообразующие концепты, а также такими общедискурсивными и общекультурными факторами, как «дискурсивная сфера бытования данного жанра» и «поддерживается или нет данный жанр данной национальной культурой».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
2. Лаврентьева Е. В., Стеклова Т. И. Трансформация жанра «публичное извинение» // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 244–253. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-244-253>, EDN: IUWRHG
3. Писанова Т. В. Интержанровая игра в новом латиноамериканском романе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 652. С. 194–205.
4. Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Жанры, меняющие мир и нас. Тривиальный дискурс. Ретродетектив. М. : Изд-во МГЛУ, 2018. 162 с.
5. Рабенко Т. Г. Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2018. 50 с.
6. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов : коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М. : Флинта ; Наука, 2014. 352 с.
7. Москвин В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М. : Либроком, 2011. 168 с.
8. Олизко Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертек-

стуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 43 с.

9. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. М. : КомКнига, 2006. 280 с.
10. Чернявская В. Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации (на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 448 с.
11. Barthes R. L'Aventure sémiologique. Paris : Édition Du Seuil, 1965. 368 p.
12. Kristeva J. Bachtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. [Paris]. 1967. Avril. № 23. P. 438–465.
13. Kristeva J. Semeiotike: Recherches pour une sémanalyse. Paris : Édition Du Seuil, 1969. 379 p.
14. Allen G. Intertextuality. London : Routledge, Taylor & Francis Group, 2000. 249 p.
15. Broich U. Intertextuality // International Postmodernism: Theory and literary practice / eds. Hans Bertens, Douwe Fokkema. Amsterdam : Philadelphia, 1997. P. 249–255.
16. Influence and Intertextuality in Literary History / eds. Jay Clayton, Eric Rothstein. Madison : The University of Wisconsin Press, 1991. 356 p.

³Эти пять пунктов, как известно, принадлежат «анкете речевого жанра» Т. В. Шмелевой – именно интержанровыми пунктами чаще всего предлагается «дополнять» эту «анкету» в жанроведческих исследованиях, претендующих на адекватность. В частности, неучет в «анкете» противопоставления первичных и вторичных речевых жанров (а также «риторических» и «нериторических» по О. Б. Сиротининой, «жанров риторического верха» и «жанров риторического низа» по К. Ф. Седову и подоб.) является одним из наиболее распространенных (справедливых) пунктов, по которым данную «анкету» критикуют [47–49]. Критика с этой стороны «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелевой, включающей лишь параметр «языковое воплощение РЖ», в определенном смысле совпадает с критическим замечанием Ю. М. Лотмана в адрес «семиотической модели языка» Р. Якобсона (согласно этой модели, язык тождествен «коду»). Мнение Ю. М. Лотмана таково, что язык – это код плюс его история: «Фактически подмена термина “язык” термином “код” совсем не так безопасна, как кажется. Термин “код” несет представление о структуре, только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, т. е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще» [50: 13]. Изучение одного только «языкового воплощения РЖ» в современной речи без учета исторического фактора значительно обеднило бы понимание РЖ, поскольку такое изучение по сути ориентировано на искусственный язык, идеальную модель языка.

17. Intertextuality: Theories and Practices / eds. M. Worton, J. Still. Manchester ; New York : Manchester UP, 1990. 280 p.
18. Intertextualität in der Frühen Neuzeit. Frankfurt am Mein ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien, 1994. 253 S.
19. Porter J. E. Intertextuality and the Discourse Community // *Rhetoric Review*. 1986. № 5. P. 34–47.
20. Древомень Е. А. Прецедентные феномены в постах сетевых блогов // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 196–203. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-196-203>, EDN: UHQDQV
21. Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // *Жанры речи*. 2015. № 2 (12). С. 9–26.
22. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 96–104.
23. Фортунатов А. Н. Интерсубъективность в медиареальности: ускользающий феномен или недостижимый идеал? // *Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии* : монография / под ред. чл.-корр. РАН И. Т. Касавина и Н. Н. Ворониной. Нижний Новгород : Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 269–272.
24. Степанов В. Н. Этика массовой коммуникации // *Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения* : материалы межвузовской научно-практической конференции. СПб. : Роза мира, 2006. С. 290–296.
25. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.
26. Дементьев В. В. Речежанровые пометы // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2025. № 98. С. 30–45. <https://doi.org/10.17223/19986645/98/2>
27. Рогачева Н. Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 20 с.
28. Щурина Ю. В. Вторичные комические речевые жанры интернет-коммуникации // *Коммуникация. Мышление. Личность* : материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов : ИЦ «Наука», 2012. С. 464–474.
29. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 51–56.
30. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский дом ЯСК, 2022. 832 с. (*Studia Philologica*).
31. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 465 с.
32. Белоусов А. Ф. Современный анекдот // *Современный городской фольклор*. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003. С. 581–598.
33. Дементьев В. В. Послание потомкам в капсуле времени как жанр советской словесности // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 132–149. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.1.452>
34. Казачкова Ю. В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 20 с.
35. Горбачева Е. Н. Спор как лингвокультурный концепт : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.
36. Фенина В. В. Речевые жанры *small talk* и светская беседа в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 20 с.
37. Дементьев В. В., Фенина В. В. Центробежность и центростремительность праздноречевых жанров (на материале русского и английского языков) // *Антропологическая лингвистика* : сб. науч. тр. Вып. 7. Волгоград : Колледж, 2007. С. 30–58.
38. Гаширова А. Р., Акамов А. Т. Проклятия как жанр лезгинского и кумыкского фольклора // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 4 (44). С. 318–326. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-318-326>, EDN: JOPHJU
39. Родионова И. Г., Гурьянова Л. Б. Текст почётной грамоты как жанр письменной речи // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 316–329. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-316-329>, EDN: YPLXIP
40. Рогожина Е. И. Речежанровая структура флирта у советской интеллигенции: композитные жанры и субжанры (на материале драматургических текстов Л. Зорина и В. Азерникова) // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 302–310. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-302-310>, EDN: CMXNCS
41. Колмогорова А. В., Колмогорова П. А. «У меня сдохла канарейка. Приезжай к нам на Рождество»: динамика жанрового канона сообщения в открытке в диахронии и в онтогенезе (на материале открыток, написанных детьми, из корпуса «Пишу тебе») // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 195–205. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-195-205>, EDN: VKCDQE
42. Везжицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 118–156.
43. Дементьев В. В. Нужно ли в жанроведении понятие жанросферы? // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 24–33. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-24-33>, EDN: HVEQDR
44. Арутюнова Н. Д. Жанры общения // *Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис*. М. : Наука, 1992. С. 52–56.
45. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // *Вопросы языкознания*. 1999. № 1. С. 37–55.
46. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с. (*Studia Philologica. Series minor*).
47. Данилов С. Ю. Речевой жанр *проработки* в тоталитарной культуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 15 с.
48. Ярмаркина Г. М. Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 20 с.
49. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 23–40.
50. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. 272 с.

REFERENCES

1. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts].

- Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
2. Lavrentyeva E. V., Steksova T. I. Transformation of the genre “public apology”. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 251–252 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-244-253>, EDN: IUWRHG.
 3. Pisanova T. V. Intergenre play in the new Latin American novel. *Bulletin of Moscow State Linguistic University*, 2012, no. 652, pp. 194–205 (in Russian).
 4. Guseynova I. A., Kosichenko E. F. *Zhanry, menyayushchiye mir i nas. Trivial’nyy diskurs. Retrodetektiv* [Genres that change the world and us. Trivial discourse. Retro detective]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2018. 162 p. (in Russian).
 5. Rabenko T. G. *Genres of Natural Written Russian Language in the Variantological Aspect*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2018. 356 p. (in Russian).
 6. *Intertekstual’nost’ i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov: kollektivnaya monografiya. Nauch. red. T. N. Kolokol’tseva, V. P. Moskvina* [Kolokol’tseva T. N., Moskvina V. P., scientific eds. Intertextuality and figures of intertext in discourses of different types: Collective monograph]. Moscow, Flinta, Nauka, 2014. 352 p. (in Russian).
 7. Moskvina V. P. *Intertekstual’nost’: Poniatijnyy apparat. Figuri, zhanri, stili* [Intertextuality: Conceptual apparatus. The figures, genres, styles]. Moscow, Librocom, 2011. 168 p. (in Russian).
 8. Olizko N. S. *Semiotic and Synergetic Interpretation of the Features of the Implementation of the Categories of Intertextuality and Interdiscursivity in Postmodernist Artistic Discourse*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Chelyabinsk, 2009. 43 p. (in Russian).
 9. Fateeva N. A. *Intertekst v mire tekstov: kontrapunkt intertekstual’nosti* [Intertext in the world of texts: Counterpoint of intertextuality]. Moscow, KomKniga, 2006. 280 p. (in Russian).
 10. Chernyavskaya V. E. *Intertextuality as a Text-forming Category in Scientific Communication (Based on the German Language)*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saint Petersburg, 2000. 448 p. (in Russian).
 11. Barthes R. *L’Aventure sémiologique*. Paris, Édition Du Seuil, 1965. 368 p. (in French).
 12. Kristeva J. Bachtine, le mot, le dialogue et le roman. *Critique* [Paris], 1967, avril. № 23, pp. 438–465 (in French).
 13. Kristeva J. *Séméiotiké: Recherches pour une séméiotique*. Paris, Édition Du Seuil, 1969. 379 p. (in French).
 14. Allen G. *Intertextuality*. London, Routledge, Taylor & Francis Group, 2000. 249 p. (in French).
 15. Broich U. Intertextuality. In: Hans Bertens, Douwe Fokkema, eds. *International Postmodernism: Theory and literary practice*. Amsterdam, Philadelphia, 1997, pp. 249–255.
 16. Jay Clayton, Eric Rothstein, eds. *Influence and Intertextuality in Literary History*. Madison, The University of Wisconsin Press, 1991. 356 p.
 17. Worton M., Still J., eds. *Intertextuality: Theories and Practices*. Manchester, New York, Manchester UP, 1990. 280 p.
 18. *Intertextualität in der Frühen Neuzeit*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 1994. 253 S. (in German).
 19. Porter J. E. Intertextuality and the Discourse Community. *Rhetoric Review*, 1986, no. 5, pp. 34–47.
 20. Drevoten E. A. Precedent phenomena in online blog posts. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 196–203 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-196-203>, EDN: UHQDQV
 21. Demytyev V. V. Intertextual aspect of speech genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 9–26 (in Russian).
 22. Kolokoltseva T. N. Dialogism in the genres of internet communication (chat, forum, blog). *Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 97–105 (in Russian).
 23. Fortunatov A. N. Intersubjectivity in media reality: An elusive phenomenon or an unattainable ideal? In: *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii: monografiya. Pod red. chl.-korr. RAN I. T. Kasavina i N. N. Voroninoy* [Corresponding Member RAS Kasavin I. T. and Voronina N. N., eds. Epistemology today. Ideas, problems, discussions: Monograph]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky Publ., 2018, pp. 269–272 (in Russian).
 24. Stepanov V. N. Ethics of mass communication. In: *Sredstva massovoy informatsii v sovremennom mire. Peterburgskiy chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Mass Media in the Modern World. St. Petersburg Readings: Proceedings of the interuniversity scientific and practical conference]. Saint Petersburg, Rose of the World, 2006, pp. 290–296 (in Russian).
 25. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. From archival notes for the work “The Problem of Speech Genres”. The problem of text. In: *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 5. Raboty 1940-kh nachala 1960-kh godov* [Collected works. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Yazyki russkoi kul’tury, 1996, pp. 159–206 (in Russian).
 26. Demytyev V. V. Speech-Genre Labels [Rechezhanrovyye pomety]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2025, no. 98, pp. 30–45 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/19986645/98/2>
 27. Rogachova N. B. *The Structure and Functioning of the Internet-communication Secondary Speech Genres*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2011. 252 p. (in Russian).
 28. Shchurina Yu. V. Secondary comic speech genres of Internet communication. *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost: materialy mezhdunar. nauch. konf. pamyati I. N. Gorelova i K. F. Sedova* [Communication. Thinking. Personality: Materials of international scientific conference dedicated to I. N. Gorelov and K. F. Sedov]. Saratov, ITs “Nauka”, 2012, pp. 464–474 (in Russian).
 29. Orlova N. V. Genres speaking and their “stylistic treatment”: The question of the relationship of style and genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 51–56 (in Russian).
 30. Balashova L. V., Demytyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres]. (Studia Philologica). Moscow, LRC Publishing house, 2022. 832 p. (in Russian).
 31. Bobyeva Ye. V. *Religious Discourse: Values, Genres, Strategy (based on the Orthodox Faith)*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2007. 465 p. (in Russian).
 32. Belousov A. F. Modern anecdote. In: *Sovremenyj gorodskoy fol’klor* [Modern urban folklore]. Moscow, Russian State University for Humanities Publ., 2003, pp. 581–598 (in Russian).

33. Demytyev V. V. Time capsule messages to future generations as a genre of soviet public texts. *Quaestio Rossica*, vol. 8, 2020, no. 1, pp. 132–149 (in Russian).
34. Kazachkova Yu. V. *Expression of Sympathy in Russian and English Speech Communication (Genre Aspect)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2006. 20 p. (in Russian).
35. Gorbacheva E. N. *Dispute as a Linguocultural Concept*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2006. 20 p. (in Russian).
36. Fenina V. V. *Speech Genres “Small Talk” and “Svetskaya Beseda” in the Anglo-American and Russian Cultures*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2005. 20 p. (in Russian).
37. Demytyev V. V., Fenina V. V. Centrifugality and centripetality of idle speech genres (on the material of russian and english languages). *Antropologicheskaya lingvistika* [Anthropological Linguistics]. Volgograd, College, 2007, iss. 7, pp. 30–58 (in Russian).
38. Gasharova A. R., Akamov A. T. Curses as a genre of Lezghi and Kumyk folklore. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 4 (44), pp. 318–326 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-318-326>, EDN: JOPHJU
39. Rodionova I. G., Gurjanova L. B. The text of the certificate of honour as a genre of writing. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 316–329 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-316-329>, EDN: YPLXIP
40. Rogozhina E. I. The structure of flirtation as a speech genre in dialogues of Soviet intelligentsia: Composite genres and subgenres (based on plays by L. Zorin and V. Azernikov). *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 302–310 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-302-310>, EDN: CMXNCN
41. Kolmogorova A. V., Kolmogorova P. A. “My canary died. Come to us for Christmas”: The dynamics of the genre canon of a message in a postcard in diachrony and in ontogenesis (based on postcards written by children from the corpus “I am writing to you”). *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 195–205 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-195-205>, EDN: VKCDQE
42. Wierzbicka A., Goddard K. Discourse and culture. *Zhany rech: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2002, iss. 3, pp. 118–156 (in Russian).
43. Demytyev V. V. Do Genre Studies need the concept of Genre sphere? *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 24–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-24-33>, EDN: HVEQDR
44. Arutyunova N. D. Genres of communication. In: *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal’nost’, deysis* [The human factor in language. Communication, modality, deixis]. Moscow, Nauka, 1992, pp. 52–56 (in Russian).
45. Demytyev V. V. Phatic speech genres. *Topics in the Study of Language*, 1999, no. 1, pp. 37–55 (in Russian).
46. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkiy anekdot. Tekst i rechevoy zhanr Russkiy anekdot* [Russian joke: Text and speech genre]. (Studia Philologica. Series minor). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury, 2002. 144 p. (in Russian).
47. Danilov S. Yu. *Speech Genre Elaboration in a Totalitarian Culture*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Yekaterinburg, 2001. 15 p. (in Russian).
48. Yarmarkina G. M. *Ordinary Rhetoric: Request, Order, Suggestion, Persuasion, Persuasion and Ways of Their Expression in Russian Speaking*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2001. 20 p. (in Russian).
49. Sedov K. F. Linguistics. Speech studies. Genristics. *Zhany rech: sb. nauch. st.* [Speech genres: Coll. of sci. arts, iss. 6. Genre and language]. Saratov, ITs “Nauka”, 2009, pp. 23–40 (in Russian).
50. Lotman Yu. M. *Kul’tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, Gnosis, 1992. 272 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 31.05.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 07.07.2025; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 31.05.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 07.07.2025; published 02.03.2026

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 28–39

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 28–39

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-28-39>, EDN: FBHVAZ

Научная статья

УДК 821.161.1-223:811.161.1'38'42

Карикатура как жанр поликодового текста

А. П. Чудинов¹, Е. В. Шустрова²✉

¹Уральский государственный педагогический университет, Россия, 620091, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26

²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620017, г. Екатеринбург, пр. Мира, д. 51

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, ar_chudinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Департамента лингвистики УГИ, shustrovaev2@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5923-5264>

Аннотация. В статье представлена проблема анализа такого гибридного образования, как поликодовый текст. Сложные семиотические системы, включающие одновременно различное кодирование на уровне графики, звука и традиционного текста, представляют проблему с точки зрения возможности применения сложившихся методик языкознания и литературоведения. В качестве конкретного образования такого типа была выбрана карикатура. Предпринимается попытка проанализировать трансформации карикатуры как жанра и дать определение этого феномена с точки зрения теории жанров. На основе анализа основополагающих работ М. М. Бахтина, В. В. Деметьева, В. И. Карасика, Г. Г. Молчановой, Е. И. Шейгал по теории речевых жанров, а также исследований по поликодовому тексту были выделены типологически универсальные и специфичные критерии. В качестве критериев, которые могут лечь в основу определения карикатуры как жанра, рассматриваются критерий первичности и вторичности жанра, тема, стиль (стилистика маркированный и стилистика нейтральный), композиция (с учетом линий конфликта, оппозиций и расположения объектов в пространстве), цель и условия коммуникации. Они зависят от способа оформления карикатуры, лингвокультурной отнесенности, доминирования вербального или иконического компонента, события, заказа, канала распространения информации. Также анализируются точка зрения и фокус, тон повествования, тип экспликации, культурное и/или идеологическое кодирование, критерии прагматического и аксиологического вектора. Отдельными параметрами могут стать т. н. свертывание текста, или его суггестивность, вирусность. Дополнительно можно включить критерий композитности жанра, концептуальной плотности, представленности в лингвокультуре, исторического развития, исконности и заимствования, оценочного отношения к данному жанру, критерий представления жанра в картине мира, критерий выделения ключевых фраз и иных компонентов кодирования, способов конкретной манифестации.

Ключевые слова: поликодовый текст, речезанровое пространство, типология РЖ, структурный/речезанровый анализ

Для цитирования: Чудинов А. П., Шустрова Е. В. Карикатура как жанр поликодового текста // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 28–39. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-28-39>, EDN: FBHVAZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cartoon as a polycode text genre

A. P. Chudinov¹, E. V. Shustrova²✉

¹Ural State Pedagogical University, 26 Kosmonavtov Ave., Ekaterinburg 620091, Russia

²Ural Federal University, 51 Mira Ave., Ekaterinburg 620017, Russia

Anatoly P. Chudinov, ap_chudinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

Elisaveta V. Shustrova, shustrovaev2@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5923-5264>

Abstract. The article discusses a problem of analysis of a polycode (multimodal) text as a hybrid phenomenon. Complex semiotic systems, which imply simultaneous use of codes on the levels of graphics, sound and traditional text format, present a problem for analysis on the basis of standard, traditional methods typical for linguistics, text analysis and literary criticism. The article is focused on the genre of the cartoon.

We made an attempt to trace and analyse the ways of transformation, adherent to the cartoon as a genre, and to define this phenomenon in terms of genre theory. The theoretical grounds were formed on the basis of foundational research and findings in the theory and typology of speech genres contributed by M. Bakhtin, V. Dementyev, V. Karasik, G. Molchanova, E. Sheigal as well as the research of multimodal or polycode text. All this served as the ground to formulate typologically universal and specific criteria of such a text. As the basic criteria, which can serve to define cartoon as a genre, we dwell upon the criteria of primary and secondary genres, theme or topic, style (stylistically marked and stylistically neutral), plot structure (including conflict and position of objects in space), aim and conditions of communication. All these factors depend on specific means of cartoon execution and technique, linguoculture, predominance of verbal or iconic components, event, public order, and data channel. We also discuss point of view and focus, tone of narration, type of explication, cultural and/or ideological coding, pragmatic and axiological criteria. A separate group of features typical of this genre is constituted by its folding and compression, ability to become viral. As some additional criteria we may rely on genre composition, conceptual density, presence or absence in linguoculture, historical dynamics, being native or borrowed, inner and outer attitude to this genre, realisation of it in the world outlook, key phrases and other codes, ways of manifestation.

Keywords: polycode text, speech genre space, typology of speech genres, structural/speech genre analysis

For citation: Chudinov A. P., Shustrova E. V. Cartoon as a polycode text genre. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 28–39 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-28-39>, EDN: FBHVAZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изменение условий коммуникации неизменно влечет за собой изменения в жанровых форматах. Это приводит к необходимости пересмотра определенных теоретических положений с учетом сложившейся ситуации. В статье мы обратимся к трансформациям карикатуры как жанра и сформулируем свое определение этого феномена с точки зрения теории жанров.

Первая проблема, которая возникала в этой связи, – это сама возможность определить карикатуру как речевой жанр, поскольку карикатура всегда построена на совмещении графического и вербального компонента или же только на графическом компоненте. Появление методик анализа элементов креолизации в тексте позволило анализировать карикатуру именно как тип текста [1]. Вторая проблема связана с определением набора параметров и характеристик, необходимых для определения типа жанра. В научной литературе представлен широкий спектр работ данной проблематики [ср., например, 2, 3]. В. И. Карасик выделяет семиотические, семантические, синтаксические, прагматические, аксиологические и лингвокультурные характеристики жанров. В частности, лингвокультурные характеристики

позволяют говорить о жанре как о концепте, включающем понятийную, образную и ценностную составляющие [4: 226]. Третья проблема связана с гибридностью новых форматов, которые построены на характеристиках, уже традиционно ассоциируемых с каким-то конкретным текстотипом. Остановимся на этих вопросах подробнее.

Постановка проблемы

Анализ литературы [см., например, 3–6 и многие др.] показывает, что типологии жанров, хорошо разработанные для традиционного текста, не всегда однозначно применимы в отношении т. н. креолизованного, мультимодального или поликодового текста (ПТ). В отношении карикатуры дополнительные сложности типологизации связаны с ее генезисом, лингвокультурными характеристиками, изменениями под влиянием ограничений, накладываемых государством, табуизацией определенных тем в обществе (ср. запрет на изображение религиозных составляющих в странах, исповедующих ислам). Появление новых тем, цифровых форматов и искусственного интеллекта (ИИ), трансформации медиа, большая доступность для создания карикатуры любым пользователем и ее подгрузки в свое собственное интер-

нет-пространство – вот тот небольшой список условий, которые влияют на жанровые характеристики.

Одновременно происходят изменения и в смеховой культуре, восприятии реалий как смешных или наоборот. Отсюда возникает проблема определения и развития карикатуры как жанра, трансформации ее лингвокультурных характеристик, генезис ее основных компонентов.

Цель статьи – сформулировать определение карикатуры с точки зрения теории жанров речи и определить основные параметры, необходимые для комплексного лингвистического исследования карикатуры с учетом современных методов.

Методология исследования

При анализе жанра принято обращаться к теории жанров М. М. Бахтина, где одними из основных параметров при определении первичного и вторичного жанра становятся тематическое содержание, стиль, композиционное строение, условия коммуникации и цели [7]. Прагматика высказывания – это один из ключевых параметров у Т. В. Шмелевой, что на основе цели, образа автора и адресата позволяет выделить информативные, оценочные, этикетные, императивные, перформативные речевые жанры [8]. В исследованиях А. Вежбицкой представлено сопоставление отдельных национальных культур, в том числе через описание универсальных и национально специфичных речевых жанров [9].

В широком круге исследований В. В. Дементьева [ср., например, 2, 10, 11] дано подробное описание следующих критериев: прагматики (целей); ролевой структуры и отдельных (локальных) целей каждого из коммуникантов); сфер; лексики; композитности жанра, включая стратегии и тактики; когнитивного аспекта, под которым понимаются коммуникативные концепты и их компоненты; культуры, которая определяет поддерживаемые и неподдерживаемые РЖ; истории, что дает основания для выделения первичных и вторичных РЖ, речевых жанровых заимствований; внутреннего и внешнего оценочного отношения к данному жанру; способов представления жанра в национальных картинах мира; ключевых фраз жанров и их актуализации [11].

И. А. Тарасова, определяя задачи когнитивной жанрологии, говорит о жанре как форме ментальной репрезентации, ментальном шаблоне, который позволяет «отождествлять с жанровым образцом новые литературные произведения, появляющиеся в зоне читательского опыта» [12]. Это сближает трактовку жанра с его пониманием как концепта в исследованиях В. И. Карасика [4]. В. И. Ка-

расик отмечает такие жанровые критерии, как этнонейтральность и этномаркированность, историческую динамику (исчезнувшие и сохранившиеся жанры, новые сетевые жанры), дискурсивную специфику (монологичность и полидискурсивность), наличие вербального выражения или невербальной экспликации [4: 226]. Тема и содержание (установление предмета речи, обсуждение его причинно-следственных характеристик, выражение оценочной позиции по отношению к нему) также могут стать одним из ключевых факторов, особенно в отношении новых жанров [13]. Отдельную ценность приобретают способы кодирования аксиологических ценностей в содержании языковых единиц и речевых жанров [14: 145].

В отношении поликодовых систем интерес представляет определение РЖ К. Ф. Семенова, где РЖ понимается как «вербально-знаковое оформление типичных ситуаций социального взаимодействия людей» [15: 163]. Карикатуру как жанр политического дискурса анализирует Е. А. Артемова [16]. В качестве основных критериев автор опирается на такие функции карикатуры, как сатирическая, эмотивная, регулятивная, креативная, иллюстративная и функция культурной памяти [16]. Е. А. Артемова считает, что «языковой и визуальной коды (технический, репрезентативный, иконический и иконографический) пересекаются с социальным, культурным, стилистическим и идеологическим кодами» [16: 4–5]. С этой точки зрения, политическая карикатура определяется как вторичный «смеховой жанр, основная интенция которого – критика актуальных политических событий и политических деятелей» [16: 4]. Также одной из главных характеристик становится институциональность и неинституциональность дискурса. В этом отношении Е. А. Артемова следует за типологией жанров политического дискурса Е. И. Шейгал [17], где критериями становятся характер ведущей интенции (ритуальные, ориентационные, агональные жанры); институциональность, субъектно-адресатные отношения; социокультурная дифференциация, событийная локализация; степень центральности (протипичности) и маргинальности (периферийности) в полевой структуре дискурса. Поликодовый текст и проблема трансформаций жанров в цифровой среде регулярно становятся объектом анализа [5, 6, 18–23]. Учитывая эти признаки и гипотезы, мы представим наш опыт работы с поликодовым текстом, в частности карикатурой как одним из его жанров.

Результаты и их обсуждение

Суммируя анализ лингвистических работ по карикатуре как жанру, можно увидеть несоответствие критериев, предложенных на сегодня

для традиционных жанров и карикатуры. Так, для карикатуры основными критериями становятся: первичность или вторичность жанра; функции (безотносительно темы и времени создания); код, в котором, с нашей точки зрения, неоправданно совмещаются языковые, визуальные, социальные, культурные, стилистические и идеологические коды; точка зрения, где присутствует только точка зрения автора карикатуры, что также неоправданно; тема; процент соотношения текста и графики, где текст занимает небольшую часть и предположительно мало влияет на графику; использование шрифта, подписей и заголовков; использование цвета и его символики; использование символов; использование отдельных (женских) образов. Очевидно, что на основании этих критериев сложно сформулировать единые жанровые параметры и встроить карикатуру в существующие типологии жанров.

Определяя карикатуру как вторичный жанр, авторы делают основной акцент на то, что карикатура производна по отношению к другим речевым жанрам. Е. И. Шейгал под вторичностью понимает цитатность, появление текста как интертекстуального образования [17]. В этом отношении карикатура будет носить преимущественно вторичный характер. Однако при определении жанра М. М. Бахтин считал необходимым учитывать такие параметры, как тема, стиль и композиция. Также первостепенными в его концепции были цель и условия коммуникации. Основные тематические группировки карикатур включают бытовую, социальную и политическую, в рамках которых могут выделяться отдельные подтипы [см., например, 16, 21], связанные с конкретным лицом или событием. Это направление хорошо разработано и не нуждается в особых пояснениях. Параметр стиля действительно сложно наложить на поликодовый текст, поскольку неустойчивы сами основания для стилистической дифференциации, и карикатура может меняться с течением времени. В отношении ПТ отмечается [21], что в карикатуре отдельных стран преобладает разговорно-бытовая лексика и синтаксические конструкции, присущие разговорному стилю. Но это не всегда так. То, что справедливо в отношении современного материала, не отвечает реалиям прошлого. Иногда высокий стиль в английской и французской карикатуре использовался или как социальный маркер чуждости, или был неотъемлемой частью карикатурного текста, например в карикатурах Дж. Гилрея. Также английская карикатура могла использоваться как своеобразная иллюстрация, оставаясь, по сути, карикатурой. Таковы, например, карикатуры У. М. Теккеря. Наконец, пользуясь самыми общими терминами, высокий, стилистически-

нейтральный и разговорно-бытовой стили могли совмещаться в вербальном компоненте карикатуры. Другая проблема встанет с типологией иконического компонента. Учитывая, сколько карикатур построено на использовании аллегорий высокого стиля, отсылках к сложной интертекстуальности, будет очень сложно однозначно определить карикатуру как разговорно-бытовой жанр. В этом отношении оптимальным будет описание конкретного материала и фиксация элементов определенного стиля, если это входит в задачи исследования и влияет на общую прагматику изучаемого текста. Второй возможный вариант – воспользоваться классификацией сем в лексикологии и выделять стилистически маркированный и стилистически немаркированный (стилистически нейтральный) ПТ.

Композиция, как она понимается в литературоведении, вообще не указана в жанрообразующих критериях для поликодового текста, и карикатуры в частности. Конечно, это зависит от типа поликодового текста. Так, в динамичных разновидностях (экранизация, постановка и т. д.) гораздо проще выделить такие традиционные составляющие, как завязка, усложнение и развитие конфликта, кризисная часть и точка невозврата, кульминация, развязка, потому что они могут следовать за аналогичными составляющими основного текста или сценария. Для статичных разновидностей поликодового текста это сделать сложнее. Тем не менее, если учесть, что основным для превращения текста в художественное произведение считается наличие конфликта, то можно начать отсчет от этого параметра. В этом отношении в статичных разновидностях поликодового текста, включая карикатуру, можно легко выделить эту базовую составляющую. Более того, как и в традиционном художественном произведении, конфликтов в карикатуре может быть несколько. В то время как агональность, иногда указываемая как необходимая составляющая карикатуры, с нашей точки зрения, может быть не выражена (ср. карикатуры Х. Бицтрупа). Учитывая, что иногда карикатура делалась по заказу именно высмеиваемого лица (например, в Англии Ч. Фокса, Георга III, Георга IV), кажущаяся агональность может не быть таковой. В этом случае необходимо анализировать дискурсивные факторы и историю создания карикатуры. Поэтому агональность мы бы предложили исключить из необходимых характеристик карикатуры.

Многое в отношении статичного ПТ решает монокадровость или поликадровость, что начинает проявляться чаще при введении в карикатуру элементов анимации. Поэтому для ряда карикатур (особенно их серий) вполне возможно выделение всех вышеназванных со-

ставляющих композиции. Если учесть, что отдельные произведения Леонардо да Винчи, А. Дюрера, Брейгелей, И. Босха и У. Хогарта рассматриваются как своеобразные карикатуры, то необходимость и возможность выделения этих составляющих композиции станет очевидна. В отношении графического компонента в описание композиции карикатуры можно ввести расположение объектов в пространстве. Это позволит соотнести анализ с понятием главного персонажа и второстепенных действующих лиц, а также оппозиционными парами «верх – низ», «внутреннее пространство – внешнее пространство», часто имеющими аксиологические маркеры.

Цель и условия коммуникации будут варьироваться в зависимости от времени создания карикатуры и ее этноспецифичных черт. Если под условиями коммуникации понимать прямую или опосредованную коммуникацию, то карикатура будет определяться как жанр опосредованной коммуникации. Канал и формат общения предполагают выделение устной и письменной разновидности. Если понимать карикатуру как поликодовый текст, то это письменная разновидность, но мы предлагаем ввести еще цифровой канал. В отношении органов перцепции можно отдельно выделить визуальный, в ряде случаев слуховой, канал восприятия, поскольку преобразование буквенного и иконического кода происходит по несколько отличным схемам. С точки зрения количества участников выделяют монологические и диалогические жанры [24]. В отношении карикатуры это будет зависеть от того, кого считать участниками коммуникации. Если это коммуникация между издательством, включая автора карикатуры, и читателями, то это обычно полилог. Если учитывать действующих лиц карикатуры, то это может быть жанр монолога, диалога и полилога.

При анализе художественного текста одним из основных параметров становится точка зрения. В отношении карикатуры этот параметр неоправданно сужается только до автора карикатуры. Мы считаем, что в этом случае происходит неоправданное смешение, подобно тому, как в анализе текста недопустимо путать автора произведения и авторский голос. Безусловно, есть личностные особенности, в том числе в выборе тем и стилистических решениях, но есть и такая реалья, как заказ общества, издательства, конкретного лица. Мы предлагаем применить в отношении такого ПТ традиционные термины «повествование от первого, второго, третьего лица» (с соответствующими вариациями) и «авторский голос». Очень часто в карикатуре мы имеем дело

с наложением разных точек зрения. Также в ряде случаев можно применить критерий фокуса. В этом случае карикатура может быть либо монофокусной, т. е. с фиксацией на одном конкретном событии или лице, или многофокусной.

Тон повествования становится одним из ключевых параметров при описании карикатуры. Как правило, карикатура предполагает использование иронии разных типов (ситуативной, горькой, судьбы и т. д.), сатиры, что часто проявляется в гротеске, гипертрофированном или искаженном изображении фактов и черт в графическом и вербальном компоненте. Ироничный тон может дополняться нейтральным и/или трагическим.

Если характеризовать карикатуру с точки зрения ее соотнесенности с одним или разными видами дискурса, то логичнее отнести ее к полидискурсивным жанровым образованиям, поскольку она соотносима с разными видами дискурса, часто построена на блендовом характере, предполагает смешение речевых и художественных жанров, например исторической, портретной и бытовой живописи, гравюры, а также может напоминать плакат, (анимированную) открытку, мем, мотиватор или демотиватор. Иногда это делается специально для усиления пародийного эффекта, например такой эффект дает использование образов винтажной рекламы, открыток и плакатов. Ниже приведены примеры смешанных форматов (рис. 1–3), где американские реалии накладываются на образы советских открыток и плакатов.

Рис. 1. Карикатура-демотиватор «Спасибо, товарищ Обама, за спасение детей от угрозы оружия, семьи, свободы, работы и других устаревших ценностей»¹

Fig. 1. Cartoon-demotivator “Thank you, Comrade Obama, for saving the children from the menace of guns, family, liberty, work, and other outdated values”

¹<https://i.huffpost.com/gen/1586427/thumbs/o-BARACK-OBAMA-STALIN-570.jpg>

Рис. 2. Карикатура-плакат с пародией на Б. Обаму «Нет! Хотя давай!»²

Fig. 2. Cartoon-poster making parody of B. Obama “No! On second thought... yes!”

Рис. 3. Карикатура-демотиватор на Б. Обаму «...а еще, дяденька Президент, спасибо за Крым»³

Fig. 3. Cartoon-demotivator making parody of B. Obama “...and one more thing, Uncle President, thank you for the Crimea”

С точки зрения параметра вербальной и невербальной экспликации, карикатура не всегда может иметь вербальный компонент, но у нее всегда есть иконический. Вербальная и поликодовая составляющие могут находиться в отношениях взаимодополнения, контраста, частичного совпадения, что определяет достаточно высокую степень креолизации.

²<https://sun9-70.userapi.com/imp/g/c622620/v622620573/23f29/xHMN8Snqd28.jpg?size=604x450&quality=96&sign=024cf97ad7c45e67893e318946af7580&type=album>

³https://demotivatorium.ru/sstorage/3/2014/03/12233119588847/demotivatorium_ru__a_eshe_djadenka_prezident_spasi_bo_zh_krim_43523.jpg

⁴Здесь сохранена авторская орфография.

Такой параметр, как этнонейтральность и этномаркированность речевого жанра [ср. 13, 14, 24] должен быть наложен и на карикатуру. Карикатура предполагает широкое использование системы культурного и/или идеологического кодирования, которое может носить универсальный и культурно-специфичный характер. К универсальным примерам кодирования относятся примеры изображения врага или чужого в образе зверя или демоноида, бед, проблем, несчастий – в образе стихий, женщины, ребенка, слабого животного – в качестве невинной жертвы. К национально и культурно-специфичным относятся характерные образы еды, одежды, географических и исторических реалий, высказываний конкретных лиц и т. д. В определенной степени это соотносимо с явлением лакунарности, когда далеко не все реалии лингвокультуры-источника имеют точное название в принимающей лингвокультуре. В основном карикатура этномаркирована. К таким маркерам можно отнести особые проявления аллюзивности, аллегоричности, интертекстуальности, символизма, включая цветовые решения, прецедентности, использования конкретных лингвокультурных типажей, архетипов, исторических параллелей, культурно и идеологически маркированных кодов, лингвокультурной аксиологии. В частности, во французской и английской карикатуре XVIII в. особенно часто делаются отсылки к текстам Библии и мифологии. Высокую частотность демонстрируют образы Пандоры, царя Мидаса, Харона, Икара и Дедала, Трои и героев Троянской войны. Из аллюзий в английской карикатуре этого периода часто используются тексты В. Шекспира. Один из наиболее частотных в политической карикатуре Великобритании XVIII в. это образ странных сестер или, проще, ведьм из пьесы «Макбет» (Wierd Sisters)⁴. Приведем один из таких примеров (рис. 4).

Карикатура Дж. Гилрея называется «Charon’s boat – or – the ghost’s of “All the Talents” taking their last voyage» (см. рис. 4). Она создана 16 июля 1807 г., когда в очередной раз встал вопрос об эмансипации католиков. Если бы это произошло, то одним из последствий могло бы стать признание в качестве законной супруги принца Уэльского Мэри Энн Фицджерберт и их предполагаемых совместных детей в качестве наследников. Одновременно это означало усиление политического влияния шотландских и ирландских кланов. Поэтому не случайно на мачте реют перья плюмажа принца и красуется его

Рис. 4. Фрагмент карикатуры «Charon's boat – or – the ghost's of “All the Talents” taking their last voyage», Дж. Гилрей. 16 июля 1807 г.⁵

Fig. 4. “Charon's boat – or – the ghost's of “All the Talents” taking their last voyage”. Fragment. J. Gillray. June 16, 1807

девиз «Ich Dien» (букв. «Я служу»). В лодке Харона оказывается кабинет т. н. «Министерства всех талантов», во многом, состоявшего из представителей клана барона Гренвиля с его многочисленной родней. Политика этого кабинета действительно оказалась провальной и привела к огромным растратам, в том числе в угоду личных и политических страстей политиков, входивших в этот кабинет. Странные Сестры изображены вверху слева над Цербером, и здесь их роль больше напоминает роль Парок, обрезавших нить жизни, в данном случае злополучного министерства, которое должно отправиться в отставку. В образе сестры слева представлен будущий премьер-министр, а на тот момент министр иностранных дел Дж. Каннинг. Вторая сестра в центре – это С. Персиваль, который в 1807 г. занимал пост канцлера казначейства. Позднее он сменит Дж. Каннинга на посту. Еще один возможный вариант трактовки того, кто мог быть второй ведьмой, следующий – Р. Стюарт, виконт Каслри, министр по военным и колониальным делам. Третья ведьма это Р. Дженкинсон, барон Хоксбери. После поста министра иностранных дел он получил портфель министра внутренних дел. Все эти политики занимали резко оппозиционную сторону и выступали против действий кабинета. Учитывая их влияние, в том числе в парламенте, очевидно, что нить судьбы министерства всех талантов будет очень короткой. Рисунок

построен на сложных интертекстуальных связях с античной мифологией, политическими документами и пародиями тех лет, произведениями Данте и В. Шекспира. В данном случае перед нами высоко этномаркированный поликодовый текст.

При определении жанра очень важен критерий прагматики. Прагматика карикатуры варьируется в зависимости от ее конкретной жанровой разновидности и, как правило, предполагает смеховой, пародийный или сатирический характер. Она также может носить аттрактивный или рекламный характер. Конкретная цель, ролевая структура и отдельные (локальные) цели каждого из коммуникантов [ср. 10, 11] зависят от темы, структуры, времени создания и иных факторов и должны описываться применительно к отдельному ПТ или группе ПТ. Эти составляющие прагматики могут лечь в основу группировки выборки карикатур для конкретного исследования. Например, в отношении англосаксонской карикатуры последних лет особенно заметна прагматика т. н. «shame & blame», предполагающая создание для конкретного лица прецедентной ситуации, обычно сексуального характера, за которую это лицо должно быть осуждено и наказано. Множество таких карикатур создавалось на Д. Трампа в период предвыборной кампании 2024 г.

В. В. Дементьев также вводит в критерии композитность жанра, включая речевые

⁵<https://www.james-gillray.org/pop/charon2.html>

акты, стратегии, тактики и т. д., и когнитивный аспект (коммуникативные концепты и их компоненты) [10, 11]. Это действительно очень важно при анализе поликодового текста. В нем, как и в традиционном художественном тексте, могут присутствовать универсальные концептуальные метафорические модели, например «Жизнь – Это Путь». Одновременно текст может быть оформлен через модели, наиболее частотные для такой жанровой разновидности. Например, в англосаксонской карикатуре доминируют физиологическая, морбиальная, спортивная, милитарная, гастрономическая концептуальные метафорические модели. Иногда может обнаруживаться какая-то уникальная модель, но чаще это касается способов авторского оформления универсальных и частотных концептуальных метафорических моделей.

Отдельным параметром может стать т. н. свертывание текста [25, 26] или его суггестивность [27], выделяемые в отношении иных жанров. Мы считаем, что можно говорить о высокой, средней и низкой свертываемости ПТ, что должно анализироваться применительно к каждому конкретному случаю, авторскому идиостилю, возможно эпохе. Еще одним критерием может стать степень вирусности карикатуры. С одной стороны, это соотносимо с интертекстуальностью, а с другой – это явление в современных условиях часто не предполагает таких сложных связей, определяется каналом и целью создания и распространения в сети, передачей ПТ через боты. Мы считаем, что в самых общих чертах можно говорить о высокой, средней и низкой вирусности карикатуры. В зависимости от цели и задач исследования на конкретном материале можно установить точные процентные соотношения. В качестве примера одновременного проявления высокой свертываемости и вирусности в карикатуре приведем использование прецедентной ситуации с вынужденной отставкой Р. Никсона. Она была продиктована т. н. «Watergate Scandal» (Уотергейтским скандалом), когда Р. Никсону пришлось оправдываться в связи с установкой прослушивающих устройств в штаб-квартире Демократической партии. В одном из своих обращений к нации (пресс-конференция 17 ноября 1973 г.) он использовал фразу «I am not a crook» – «Я не обманщик (мошенник)», которая потом подкреплялась характерным жестом (рис. 5, ср. карикатуру Л. Херблока рис. 6). На рис. 7, 8 и 9 эта ситуация наложена уже на Дж. Буша, мл., Б. Обаму и Д. Трампа. Одновременно может продолжаться использо-

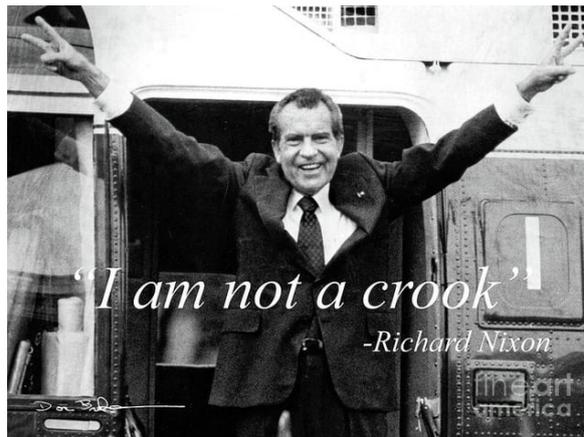

Рис. 5. Архивная фотография Р. Никсона с характерным жестом ⁶

Fig. 5. Presidential archive photo portraying R. Nixon with his recognisable gesture “I am not a crook”

Рис. 6. Карикатура на Р. Никсона. Л. Херблок. 1974 г.⁷

Fig. 6. R. Nixon cartoon. L. Herblock. 1974

ваться исходный образ Р. Никсона, но уже с положительной прагматикой (рис. 10, 11). Примеры высокой вирусности в англосаксонской политической карикатуре последних лет

⁶https://www.reddit.com/r/Presidents/comments/16s4o7w/i_am_not_a_crook_no_new_taxes_what_other/

⁷<https://www.loc.gov/exhibits/herblocks-history/crook.html>

Рис. 7. Карикатура на Дж. У. Буша «Мы не, мы пытаем!»⁸
 Fig. 7. G. W. Bush cartoon “We don’t do torture!”

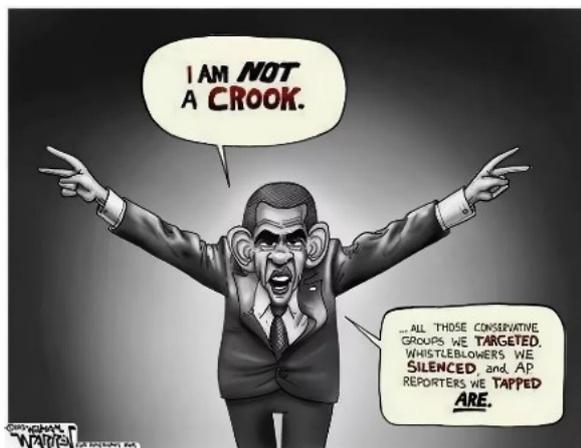

Рис. 8. Карикатура на Б. Обаму «Я не мошенник!»⁹
 Fig. 8. B. Obama cartoon “I am not a crook!”

также дают отсылки к Дж. Оруэллу и образу Джоконды.

В. В. Дементьев предлагает ввести критерии культуры, истории, внутреннего и внешнего оценочного отношения к тому или иному жанру [10, 11]. В отношении карикатуры это, безусловно, важные составляющие, но они могут быть настолько зависимы от эпохи и общества, что в случае карикатуры их стоит отнести не к универсальным типологическим,

Рис. 9. Карикатура на Р. Никсона и Д. Трампа «Я не мошенник!.. А если и так, то это не преступление»¹⁰
 Fig. 9. R. Nixon and D. Trump cartoon “I am not a crook!.. and if I am, it’s NOT a crime”. J. Cole

а к частным критериям. До проведения исследования нельзя быть точно уверенным, что карикатура (или ее отдельные разновидности и темы) относится к поддерживаемому и неподдерживаемому РЖ в той или иной лингвокультуре. Это же касается заимствований. Так, для русской среды образы европейской карикатуры относятся к заимствованиям, но нельзя забывать о национальных особенностях смеховой культуры. Кстати, это направление способно дать очень интересные результаты, например, в отношении интертекстуальных связей и заимствований между

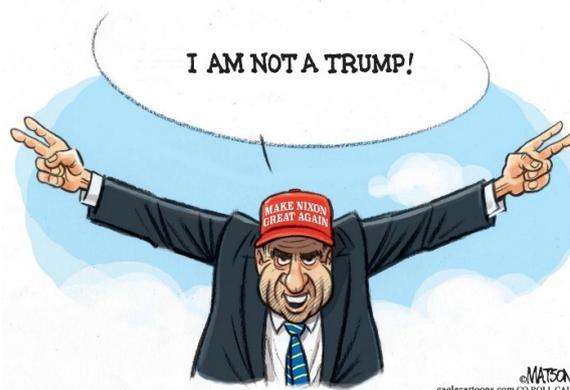

Рис. 10. Карикатура «Сделаем Никсона снова великим или я не Трамп!»¹¹
 Fig. 10. Cartoon “Make Nixon great again. I am not a Trump!”. Matson

⁸<https://islamicjusticeanddevelopment.blogspot.com/2017/05/12-eylul-itiraf-lar-iskencede-olenlere.html?view=magazine>

⁹<https://avatars.mds.yandex.net/i?id=281430bed378b792dcc2aecdd16bc9da-5434353-images-thumbs&n=13>

¹⁰<https://theweek.com/cartoons/789646/political-cartoon-richard-nixon-trump-crook-crime-collusion-watergate-2016-election>

¹¹<https://theweek.com/cartoons/846570/political-cartoon-nixon-trump-crook-maga-impeachment-crime>

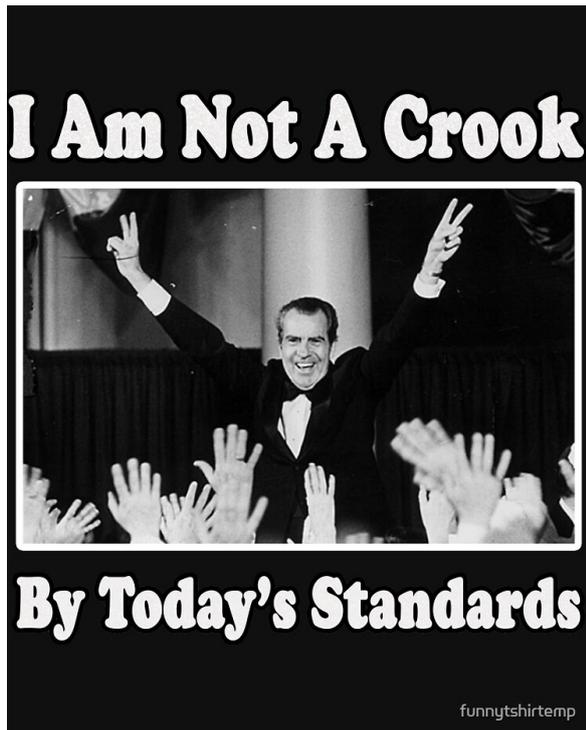

Рис. 11. Демотиватор с образом Р. Никсона «Я не мошенник! По сегодняшним стандартам»¹²

Fig. 11. R. Nixon demotivator “I am not a crook! By Today’s Standards”

французской и английской карикатурой. Эпоха, заказ, тип издания, таргетирование, система ценностей и убеждений и другие факторы будут определять внутреннее и внешнее оценочное отношение к данному жанру. Поэтому их тоже стоит сделать отдельным направлением в исследовании.

Безусловно, очень важны описания конкретных способов представления жанра, ключевые фразы жанров и их актуализация в лингвокультуре [11: 16–17]. В отношении карикатуры это должно становиться отдельным направлением исследования. Также к ключевым фразам, относимым к вербальным способам, стоит добавить ключевые иконические образы и доминирующий тип семиотического кодирования. В самых общих чертах можно говорить о некоторых жанровых разновидностях карикатуры: политической и социальной, бытовой, редакторской. Предположительно, политическая карикатура вторична по отношению к бытовой и социальной. Эти разновидности будут влиять на реализацию конкретных способов представления, ключевые единицы и модели вербального и иконического компонента, тип кода.

¹²https://www.google.com/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Fwww.redbubble.com%2F%2Ft-shirt%2FRichard-Nixon-I-am-not-a-Crook-by-Today-s-Standards-Political-Meme-by-funnytshirtemp%2F39414798.FB110&psig=AOvVaw0IWET_-GwgbL3YWH8b7_P-v&ust=1748789394741000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=2ahUKEwi338ams2NAxVRUVUIHUKENq4QjRx6BAgAEBk

Заключение

Подводя итог, еще раз вернемся к возможным составляющим карикатуры как жанра. Карикатура обычно создается как производное от уже известного события, факта, цитаты, и в этом отношении важен критерий первичности и вторичности жанра. Учитывая высокую интертекстуальность большинства карикатур, своеобразную цитатность, карикатуру стоит отнести к вторичным жанрам. Тема, стиль (как минимум, стилистически маркированный и стилистически нейтральный), композиция (с учетом линий конфликта, оппозиций и расположения объектов в пространстве), цель и условия коммуникации могут зависеть от способа оформления карикатуры, лингвокультуры, доминирования вербального компонента или иных семиотических кодов, повода создания карикатуры, общественного и коммерческого заказа, канала распространения информации. Точка зрения и фокус тесно связаны с тоном повествования, типом экспликации (вербальной и невербальной), особенностями культурного и/или идеологического кодирования, необходимостью создания прагматического и аксиологического вектора. Отдельными параметрами могут стать т. н. свертывание текста, или его суггестивность, и вирусность.

Также необходимо включить критерий композитности жанра, в том числе речевые акты, стратегии, тактики, и концептуальную плотность лингвокультурных концептов и их компонентов. В отношении присутствия в той или иной лингвокультуре и отнесения к поддерживаемым или неподдерживаемым РЖ, истории и диахронического анализа карикатура должна определяться уже в конкретной эпохе, стране, режиме. Это замечание справедливо и в отношении критерия внутреннего и внешнего оценочного отношения к данному жанру; критерия представления жанра в картине мира и критерия выделения ключевых фраз и иных компонентов кодирования, способов конкретной манифестации.

На основе вышесказанного определим карикатуру с точки зрения теории жанров речи. Карикатура – это вторичный поликодовый полидискурсивный этномаркированный речевой жанр гипертекста, построенный на гротеске, предполагающий высокую степень креолизации и свертывания (суггестивности) текста, соотносимый с определенной темой, обычно стилистически-маркированный, обладающий отдельными элементами структуры текста с обязательным присутствием конфликта, имеющий фокус, прагматику и аксиологические доми-

нанты. Последние находят отражение в конкретных речевых актах, стратегиях и тактиках, иконических образах, типе семиотического ко-

дирования, а также концептах или когнитивных метафорических моделях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Креолизованный текст. Смысловое восприятие : коллективная монография / отв. ред. И. В. Вашунина. М. : Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
2. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский дом ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica).
3. Кантурова М. А., Стеклова Т. И. Производность и вариативность речевых жанров. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2019. 128 с.
4. Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики речевого жанра «пожелание» // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 225–232. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-225-232>, EDN: CLRCIP
5. Коммуникации в условиях цифровой трансформации современного российского общества : монография / под ред. В. В. Кафтана. М. : Русайнс, 2023. 446 с.
6. Полонский А. В. Язык в контексте новых медийных технологий // Медиалогия современного языкознания – 3 : сб. статей в честь юбилея В. А. Пищальниковой / отв. ред. К. С. Карданова-Бирюкова. М. : П. Валент, 2021. С. 187–199.
7. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. С. 159–206.
8. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
9. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
10. Дементьев В. В. Речевые жанры коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи : монография. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2016. 396 с.
11. Дементьев В. В. К проблеме интегрального описания речевых жанров // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 6–22. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>, EDN: SEOJBY
12. Тарасова И. А. Литературный жанр в сознании читателя: эмпирический подход // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 23–28. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-23-28>, EDN: RNBWXI
13. Карасик В. И. Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 79–89. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89>, EDN: ETEOVH
14. Карасик В. И. Аксиологические характеристики сюжетов в армянских литературных сказках // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 144–155. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-144-155>, EDN: ETMDCI
15. Седов К. Ф. Общая и антропологическая лингвистика. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. 440 с.
16. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 237 с.
17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 324 с.

18. Фурсова Т. Г., Коцеева О. В. Жанровое своеобразие официальных телеграм-каналов высших учебных заведений // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 4 (44). С. 368–384. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-368-384>, EDN: WOEMIR

19. Бабук А. В. Речевой жанр криминальной угрозы в интернет-коммуникации // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 174–182. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-174-182>, EDN: ZIVPLQ

20. Кожмякин Е. А., Дубровская Т. В. Жанр научной статьи в Интернете: структурно-семиотическая трансформация // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 66–78. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-66-78>, EDN: BZOWWQ

21. Dugalich N. M. Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 3. С. 479–495. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495>

22. Twenge J. M., Martin G. N., Spitzberg B. H. Trends in U. S. Adolescents' media use. 1976–2016: The rise of digital media, the decline of TV, and the (near) demise of print // Psychology of Popular Media Culture. 2019. Vol. 8, № 4. P. 329–345. <https://doi.org/10.1037/ppm0000203>

23. Zarifian M. Literary studies of political caricature: A quantitative analysis of publications indexed in the Scopus // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28, № 1. С. 146–156. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-1-146-156>

24. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49–55. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>

25. Молчанова Г. Г. Искусственный интеллект как вызов и как проблема (аналитический обзор) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27, № 2. С. 9–17. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-1>

26. Молчанова Г. Г. Роль когнитивной интертекстности в метафорической деривации древних мифов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27, № 4. С. 9–20. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-1>

27. Постникова Е. Г. Архетипическое начало женских образов в видеопоззии // Libri Magistri. 2024. № 1 (27). С. 78–91.

REFERENCES

1. *Kreolizovannij tekst. Smyslovoe vospriyatie: kollektivnaya monografiya*. Otv. red. I. V. Vashunina [Vashunina I. V., ed. Creolised Text. Semantic perception: Coll. monograph]. Moscow, Institute of linguistics RAS Publ., 2020. 206 p. (in Russian).
2. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres] (Studia Philologica). Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).
3. Kanturova M. A., Steksova T. I. *Proizvodnost' i variativnost' rechevykh zhanrov* [Productivity and vari-

ability of speech genres]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2019. 128 p. (in Russian).

4. Karasik V. I. Linguistic and cultural characteristics of the speech genre “wish”. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 225–232 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-225-232>, EDN: CLRCIP

5. *Kommunikatsii v usloviyakh tsifrovoy transformatsii sovremennogo rossijskogo obshchestva*. Pod. red. V. V. Kaftana [Kaftan V. V., ed. Communications in the Context of Digital Transformation of Modern Russian Society : A monograph]. Moscow, Rusayns, 2023. 446 p. (in Russian).

6. Polonskij A. V. The language in the context of new media technologies. *Medialogiya sovremennogo yazy'koznaniya – 3: sb. statei v chest' yubileya V. A. Pishchal'nikovoi*. Otv. red. K. S. Kardanova-Biryukova [Kardanova-Biryukova K. S., ed. Mediology of modern language of knowledge – 3: Coll. of art. in honor of V. A. Pishchalnikova anniversary]. Moscow, R. Valent, 2021, pp. 187–199 (in Russian).

7. Bakhtin M. M. Problem of speech genres. From archival recordings to the work “The Problem of Speech Genres”. Text problem. In: *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960 godov* [Collected works: in 5 vols. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1996, pp. 159–206 (in Russian).

8. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

9. Wiezhbicka A. Speech genres. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).

10. Dementyev V. V. *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech]. Saratov, Saratov State University Publ., 2016. 396 p. (in Russian).

11. Dementyev V. V. On the problem of integral description of speech genres. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 6–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>, EDN: SEOJBY

12. Tarasova I. A. Literary genre in the mind of the reader: Empirical approach. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 23–28 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-23-28>, EDN: RNBWXI

13. Karasik V. I. Reader's comment as a genre of the modern Russian blog sphere. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 79–89 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89>, EDN: ETEOBH

14. Karasik V. I. Axiological characteristics of subject plots in Armenian literary fairy tales. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 144–155 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-144-155>, EDN: ETMDIC

15. Sedov K. F. *Obshchaya i antropologicheskaya lingvistika* [General and anthropological linguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2016. 440 p. (in Russian).

16. Artemova Y. A. *Cartoon as a Genre of Political Discourse*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2002. 237 p. (in Russian).

17. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Gnosis, 2004. 324 p. (in Russian).

18. Firsova T. G., Koshcheeva O. V. Genre diversity of official Telegram channels of higher educational institutions. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 4 (44), pp. 368–384 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-4-44-368-384>, EDN: WOEMIR

19. Babuk A. V. The speech genre of a criminal threat in online-communication. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 174–182 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-174-182>, EDN: ZIVPLQ

20. Kozhemyakin E. A., Dubrovskaya T. V. Genre of a scientific article on the Internet: Structural and semiotic transformation. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 66–78 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-66-78>, EDN: BZOWWQ

21. Dugalich N. M. Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 479–495 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495>

22. Twenge J. M., Martin G. N., Spitzberg B. H. Trends in U. S. Adolescents' media use. 1976–2016: The rise of digital media, the decline of TV, and the (near) demise of print. *Psychology of Popular Media Culture*, 2019, vol. 8, no. 4, pp. 329–345. <https://doi.org/10.1037/ppm0000203>

23. Zarifian M. Literary studies of political caricature: A quantitative analysis of publications indexed in the Scopus. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2023, vol. 28, no. 1, pp. 146–156. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-1-146-156>

24. Karasik V. I. Genres of network discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 49–55 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>

25. Molchanova G. G. Artificial intelligence as challenge and problem (analytical review). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2024, vol. 27, no. 2, pp. 9–17 (in Russian). <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-1>

26. Molchanova G. G. Cognitive metaphorical intertextuality as a key means of old myth renovation. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2024, vol. 27, no. 4, pp. 9–20 (in Russian). <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-1>

27. Postnikova Y. G. The archetypal origin of female images in video poetry. *Libri Magistri*, 2024, no. 1 (27), pp. 78–91 (in Russian).

Поступила в редакцию 31.05.2025; одобрена после рецензирования 25.07.2025; принята к публикации 25.07.2025; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 31.05.2025; approved after reviewing 25.07.2025; accepted for publication 25.07.2025; published 02.03.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 40–49

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 40–49

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-40-49>, EDN: GHWVKF

Научная статья

УДК 725.945.5:811.161.1'38'42

Тексты на мемориальных досках как речевой жанр

И. Г. Родионова[✉], Л. Б. Гурьянова

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Родионова Инесса Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка», Inessa96@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8735-0040>

Гурьянова Людмила Борисовна, старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка», lyudmila010159@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4265-6625>

Аннотация. Статья посвящена анализу текстов персональных мемориальных досок (МД), размещённых в административных центрах Приволжского федерального округа Российской Федерации. Её актуальность обусловлена усилением внимания общества к проблемам исторической памяти, распространённостью использования МД как важнейшего средства коммеморации, а также незначительным количеством работ, посвящённых лингвистическому исследованию текстов названных памятных знаков. Цель статьи состоит в описании структуры, содержания и стилистических особенностей текстов персональных МД. В ходе работы были использованы следующие методы: наблюдение, функциональный анализ языковых единиц, описание. С семиотической точки зрения в статье противопоставлены МД-оценки и МД-индексы. Делается вывод о том, что тексты МД представляют собой самостоятельный речевой жанр: они характеризуются: 1) единой целью создания – увековечить память о выдающихся личностях, 2) сходством структуры и содержания – тексты персональных МД включают именование человека, даты его жизни, указание на звание, должность, награды, описание заслуг, 3) принадлежностью к официально-деловому стилю, от которого, однако, возможны отступления в виде лирических размышлений, стихотворных фрагментов, прецедентных высказываний, цитат, вносящих в текст оттенок экспрессивности.

Ключевые слова: мемориальная доска, текст, жанр, коммеморация, выдающаяся личность, тема, структура, официально-деловой стиль, Приволжский федеральный округ

Для цитирования: Родионова И. Г., Гурьянова Л. Б. Тексты на мемориальных досках как речевой жанр // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 40–49. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-40-49>, EDN: GHWVKF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Texts on memorial plaques as a speech genre

I. G. Rodionova[✉], L. B. Guryanova

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Inessa G. Rodionova, Inessa96@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8735-0040>

Lyudmila B. Guryanova, lyudmila010159@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4265-6625>

Abstract. The article presents the analysis of the texts of personal memorial plaques placed in the administrative centers of the Volga Federal District of the Russian Federation. The relevance of the paper is determined by the increased attention of society to the problems of historical memory, the widespread use of memorial plaques as an important means of commemoration, as well as a small number of linguistic studies of these memorial signs. The purpose of the article is to describe the structure, content and stylistic features of the texts of personal memorial plaques. The research is based on the following methods: observation, functional analysis of linguistic units, and description. From a semiotic point of view, the article contrasts memorial plaques-evaluations and memorial plaques-indexes. It is concluded that the texts of memorial plaques represent an independent speech genre. They are characterized by 1) a single goal of creation – to perpetuate the

memory of outstanding personalities; 2) similarity of structure and content (the texts of personal memorial plaques include the name of the person, the dates of his life, indication of title, position, awards, description of merits); 3) belonging to the official business style, from which, however, deviations are possible in the form of lyrical reflections, poetic fragments, precedent statements, quotations that bring a touch of expressiveness to the text.

Keywords: memorial plaque, text, genre, commemoration, outstanding personality, theme, structure, official business style, Volga Federal District

For citation: Rodionova I. G., Guryanova L. B. Texts on memorial plaques as a speech genre. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 40–49 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-40-49>, EDN: GHVVKF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение. Мемориальные доски в системе коммеморативных практик

В последнее время в обществе активно обсуждаются проблемы коммеморации, под которой понимается «сознательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации её) путём увековечения определённых лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры» [1: 4]. Учёные говорят о возникновении целого научного направления, которое занимается изучением коллективной памяти, – «*memory studies*». В центре внимания представителей данного направления находятся объекты, связанные с увековечиванием памяти об исторических событиях и выдающихся людях. По словам Е. А. Бесединой и Т. В. Бурковой, к таким объектам, «наравне с архитектурно-скульптурными мемориальными сооружениями, памятниками, знаками, храмами, часовнями, некрополями, музеями, мемориальными комплексами», относятся мемориальные доски [2: 151].

Мемориальная доска (от лат. *memorialis* – памятный) – это «плита (чаще всего из мрамора, гранита и т. п.) с надписью (иногда с изображением), увековечивающая память о к.-л. лице или событии; обычно устанавливается на стене здания, связанного с этим лицом или событием» [3: 716]. «Мемориальные доски как наиболее массовая форма увековечивания исторической памяти художественными средствами, наряду с памятниками архитектуры и скульптурными сооружениями, являются неотъемлемой частью истории и материальной культуры общества», – утверждает С. Ф. Рысаева [4: 3].

Считается, что первые МД появились в России после победы в Отечественной войне 1812 года. Большая значимость придавалась данной форме сохранения исторической памяти после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. Именно в это время были сформулированы и закреп-

лены декретом «О памятниках республики» правила, регламентирующие установку памятных знаков.

МД являлись важнейшим средством сохранения исторической памяти на протяжении всего периода существования Советского государства. Данная форма коммеморации активно реализуется в настоящее время. При этом в каждом субъекте Российской Федерации существуют свои правила, определяющие порядок создания, установки, демонтажа и восстановления МД.

«Все мемориальные доски условно можно отнести к четырём категориям: персональные, посвящённые какому-либо лицу; доски в составе мемориальных комплексов (общие доски); событийные, отражающие дату какого-либо события; охранные» [5: 3].

Коммеморативные практики показывают, что МД могут быть размещены как на внешней стороне здания, так и внутри него. Их установка инициируется органами власти, трудовыми коллективами, представителями общественных объединений или родственниками выдающихся людей. Наличие памятного знака повышает статус здания, на котором он установлен.

Часто факт создания МД анонсируется в средствах массовой информации; при этом он может вызвать неоднозначную реакцию в обществе, обусловленную недостаточно взвешенным подходом «к выбору имён, определению заслуг личности» [6: 17], не устоявшимся в обществе отношением к ней или переосмыслением ценностных, идеологических, политических ориентиров в социуме.

Учёными выделены следующие функции МД: 1) историко-мемориальная, посредством которой происходит «очеловечивание» истории, 2) художественно-эстетическая, связанная с отражением художественных особенностей определённого периода развития русского искусства, 3) информационно-коммуникативная, благодаря которой становится возможным сочетание вербальных и невербальных способов воздействия на человека [2: 157, 158, 160].

Таким образом, одним из важнейших компонентов содержания МД является помещённый на ней текст. От степени его объективности, логичности, точности зависит, насколько полно данный коммеморативный знак реализует все названные выше функции.

МД как важнейшее средство коммеморации не раз становились объектом исследования учёных: историков, культурологов, географов, социологов. Однако тексты на памятных знаках до сих пор не подвергались комплексному лингвистическому анализу, «хотя они представляют интерес с точки зрения использования в них средств языка» [7: 175].

Структура и содержание текстов персональных мемориальных досок

В центре внимания в настоящей статье находятся тексты персональных МД, установленных в административных центрах Приволжского федерального округа Российской Федерации, включающего 14 субъектов. Выбор материала исследования обусловлен наибольшей распространённостью персональных МД по сравнению с другими видами памятных знаков. Кроме того, учёт факторов территориальной близости регионов, входящих в Приволжский федеральный округ, с одной стороны, и разнообразия форм субъектов федерации (республики, край, области) – с другой, на наш взгляд, будет способствовать объективному описанию жанровых особенностей текстов МД.

При передаче текстов нами сохранены оригинальная орфография и пунктуация, графическое оформление прописными и строчными буквами и особенности начертания буквы Ё (с точками и без точек).

Значительная часть персональных памятных знаков, размещённых в субъектах Приволжского федерального округа, посвящена **одному человеку**:

*В этом доме с 1988 г. по 2000 г. жил бригадир комплексной бригады трест Металлургстрой, Герой Социалистического Труда **Иван Тимофеевич Хабаров** (г. Самара, ул. Свободы, 105);*

*В ЭТОМ ДОМЕ С 1962 ПО 1969 ГОД ЖИЛ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ **ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ** (г. Пермь, ул. Ленина, 84);*

*В ЭТОМ ДОМЕ С 1945 Г. ПО 1984 Г. ЖИЛ АКАДЕМИК ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ГОСПИТАЛЬНОЙ ХИРУРГИИ САМГМУ, ПРОФЕССОР **АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ АМИНЕВ** (1904–1984 гг.) (г. Самара, ул. Галактионовская, 189 / ул. Самарская, 188Б).*

Реже в текстах МД увековечивается память о **группе лиц**:

*Улица названа в честь **братьев Башиловых Ефима Андриановича** (1895–1970 гг.) и **Марка Андриановича** (1898–1967 гг.) – активных участников гражданской войны в Оренбуржье (г. Оренбург, ул. Братьев Башиловых, 3);*

*В этом доме жили выдающиеся деятели театра: ветеран Великой Отечественной войны, народный артист РСФСР **Георгий Константинов** и народная артистка Российской Федерации **Нинель Константинова** (г. Йошкар-Ола, ул. Вознесенская, 108).*

С семиотической точки зрения оказалось возможным противопоставить МД-оценки и МД-индексы. **МД-оценки** являются показателем признания обществом заслуг выдающегося человека. Основная функция таких памятных знаков – оценочная:

*Губернатор Кировской области 2004–2009 Директор Волго-Вятского института (МГЮА) 2012–2019 **Николай Иванович Шаклин** (г. Киров, ул. Ленина, 99);*

***БАУЛИН НИКОЛАЙ АФАНАСЬЕВИЧ** (05.02.1932–09.01.2016) Заслуженный врач РФ, профессор, д. м.н. зав.кафедрой хирургии ПИУВ (1985–2008), основатель Пензенской научной хирургической школы. (г. Пенза, ул. Стасова, 7).*

МД-индексы не только подтверждают признание обществом заслуг личности, но и фиксируют а) ритуальное действие, увековечивающее память о ней в конкретном населённом пункте, б) факт биографии личности, связанный с тем зданием, на котором размещена МД. Основная функция памятных знаков данной группы – информативная.

Ритуальное действие, увековечивающее память о выдающемся человеке, – это, как правило, присвоение его имени улице или организации:

*Улица названа в честь Героя Советского Союза **Николая Дмитриевича ФИЛЬЧЕНКОВА** нижегородца, политрука батальона морской пехоты Черноморского флота 7 ноября 1941 года при героической обороне Севастополя отряд из пяти морских пехотинцев под командованием политрука Фильченкова ценой своей жизни остановил наступление 22 фашистских танков (г. Нижний Новгород, ул. Фильченкова, 10);*

*Улица носит имя **Сергея Михайловича Тамарова**, члена КПСС с 1903 года, руководителя Оренбургских большевиков в годы реакции. Расстрелян колчаковцами в 1919 году. (г. Оренбург, ул. Тамарова, 14) (рис. 1);*

Школе № 58 в 2021 году присвоено имя МЯСНИКОВА ГЕОРГА ВАСИЛЬЕВИЧА выдающегося партийного и государственного деятеля 1926–1996 (г. Пенза, ул. Ворошилова, 9).

Рис. 1 / Fig. 1

Факт биографии выдающейся личности может быть связан с её проживанием, учёбой, работой, пребыванием в здании, на котором установлена МД:

В этом доме с 8.05.1958 г. по 24.11.2002 г. жил легендарный летчик Герой Советского Союза Михаил Петрович Девятаев (г. Казань, ул. Сеченова, 5) (рис. 2);

Рис. 2 / Fig. 2

В этом здании **учился** Герой Советского Союза Кудашкин И. С. командир звена ПЕ-2 повторивший 31 марта 1944 года подвиг Н. Гастелло (г. Саранск, пр-кт Ленина, 24);

В КИРОВСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ НА КАФЕДРЕ СПОРТИВНЫХ ДИСЦИПЛИН С 1963 ПО 1994 ГОД РАБОТАЛ ЧАЙКИН ВАЛЕНТИН АФАНАСЬЕВИЧ КОНЬКОБЕЖЕЦ – РЕКОРДСМЕН МИРА ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА РОССИИ ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР РСФСР ПОЧЕТНЫЙ

ГРАЖДАНИН ГОРОДА КИРОВА (г. Киров, ул. Орловская, 12) (рис. 3);

Рис. 3 / Fig. 3

В гостинице при Благородном собрании в 1902 году **останавливался** писатель Антон Павлович ЧЕХОВ ... Действие пьесы «Три сестры» происходит в провинциальном городе вроде Перми... А. П. Чехов (г. Пермь, ул. Сибирская, 20);

В этом спортивно-оздоровительном комплексе с 1983 по 1986 г. г. в секции бокса **занимался** почётный гражданин города Ульяновска, Герой России, подполковник ЦСН ФСБ России Дмитрий Александрович Разумовский, героически погибший 3 сентября 2004 г. при выполнении служебного долга в ходе проведения контртеррористической операции по освобождению заложников в школе № 1 города Беслана Он был одним из тех, кто при жизни считался легендой (г. Ульяновск, ул. Луначарского, 21).

Обязательным компонентом текстов, посвящённых жизни и деятельности человека, является указание его фамилии, имени и отчества. Порядок следования и состав элементов именованного лица на МД может быть различным:

– имя, отчество, фамилия:

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЮБИЩЕВ, ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ-БИОЛОГ, МАТЕМАТИК, ФИЛОСОФ, РАБОТАЛ В ЭТОМ ЗДАНИИ С 1950 ГОДА ПО 1955 ГОД (г. Ульяновск, ул. Карамзина, 2);

БОРИС ПЕТРОВИЧ САРЦЕДОТОВ 1898–1966 Геоботаник-лесовод, кандидат биологических наук, научный сотрудник ботанического сада с 1926 по 1949 гг. (г. Пенза, ул. Карла Маркса, 2А);

В годы Великой Отечественной войны в этом здании жил и работал выдающийся композитор XX века **Дмитрий Дмитриевич Шостакович** Здесь в 1942 году им была

завершена работа над *Седьмой (Ленинградской) симфонией* (г. Самара, ул. Фрунзе, 146);

– фамилия, имя, отчество:

В ЭТОМ ДОМЕ ЖИЛ И РАБОТАЛ НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ **НИКОЛАЕВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ** ПОЧЁТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА ЙОШКАР-ОЛА (г. Йошкар-Ола, ул. Пушкина, 8 / ул. Советская, 45);

ПОПОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ (1924–2001) ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ЖИЛ В ЭТОМ ДОМЕ С 23 СЕНТЯБРЯ 1988 Г. ПО 19 НОЯБРЯ 2000 Г. (г. Пермь, ул. Кирсанова, 26Б);

– имя, фамилия:

В ЭТОМ ДОМЕ ЖИЛА НАРОДНАЯ АРТИСТКА РОССИИ И МОРДОВИИ, КАВАЛЕР ОРДЕНА СЛАВЫ, ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ **АЛЕКСАНДРА КУЛИКОВА** 06.03.1943–16.08.2021 (г. Саранск, ул. Советская, 61);

В этом доме 1980–1993 г. г. жил народный артист СССР, композитор **Рустем Яхин** (г. Казань, ул. Татарстан, 7).

Отметим, что чаще всего отчество отсутствует на памятных знаках, посвящённых творческим личностям.

В некоторых случаях в тексте МД, наряду с официальным именованием человека, указывается его **псевдоним**, который может быть заключён в скобки и представлен как дополнительный способ именованья выдающейся личности:

Здесь с 1890 по 1918 год жил известный татарский поэт **ЗАКИР САДЫКОВИЧ РАМИЕВ (ДЭРДМЕНД)** 1859–1921 (г. Оренбург, ул. Ленинская, 31);

Здесь, в железнодорожной школе, с 1935 по 1936 гг. учился Владимир Кибальчич (**Владу**) – выдающийся российско-французско-мексиканский художник, Почетный член Российской Академии художеств (г. Оренбург, ул. Комсомольская, 45).

Псевдоним может быть вынесен на первое место, а в скобки заключены элементы официального именованья человека:

В этом доме в 1954–1999 гг. жил видный татарский поэт, заслуженный работник культуры РСФСР **Мухамед Садри** (Садретдинов Мухамед Хабибуллович) (г. Казань, ул. Сибирский тракт, 9/5);

В ЭТОМ ДОМЕ С 1957 ПО 1977 ГОД ЖИЛ НАРОДНЫЙ ПОЭТ ЧУВАШСКОЙ АССР **АЛЕКСАНДР АЛГА** (АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ БАЧКОВ) (г. Чебоксары, пр-кт Ленина, 11).

Примечательно, что только на МД города Оренбурга можно одновременно увидеть **настоящее имя** человека (как правило, иностранного происхождения) и **указание на то, как его называли в этом городе**:

С 1830 по 1837 годы в Неплюевском военном училище, располагавшемся в этом здании, работал **Томаш (Фома Карлович) Зан** – естествоиспытатель и исследователь Оренбургского края, «устроитель и смотритель» первого оренбургского музея (г. Оренбург, ул. Ленинская, 25);

В этом здании, где с 1897 по 1918 гг. располагалась Оренбургская учёная архивная комиссия, с 1902 по 1912 гг. работал **Жозеф-Антуан (Иосиф Антонович) КАСТАНЬЕ** (1875–1958) российский археолог и востоковед, фигурирующий в романе Юрия Домбровского «Хранитель древностей», французский политический историк, кавалер ордена Почётного Легиона (г. Оренбург, ул. Набережная, 29).

Лексемы, называющие человека, могут находиться в разных частях текста – в начале, в середине, в конце:

Федорова Ольга Александровна (1935–2008). Потомственная оренбургская мастерица пуховых платков, член Союза художников России, первый преподаватель пуховязания в Оренбургском областном художественном училище (г. Оренбург, ул. 8-го Марта, 24);

В этом здании Кировской средней школы № 1 учился и закончил ее в 1938 г. выдающийся организатор Атомной промышленности СССР, Герой Социалистического Труда генерал-лейтенант **Леонид Андреевич Петухов** (1920–2002) (г. Киров, ул. Ленина, 16).

Важнейшим компонентом текстов МД, посвящённых выдающимся личностям, является указание на даты их жизни. Как правило, на памятных знаках представлена полная информация, включающая **число, месяц и год** рождения и смерти человека:

В ЭТОМ ДОМЕ ЖИЛ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА **АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ ЧЕРНЫШОВ** 10.03.1922–11.02.1995 (г. Саранск, ул. Советская, 31А);

В ЭТОМ ДОМЕ С 1950 Г. ПО 1998 Г. ЖИЛ КАВАЛЕР ОРДЕНОВ СЛАВЫ I, II И III СТЕПЕНИ **КОРИНСКИЙ ЛЕОНТИЙ НАЗАРОВИЧ**. 16.06.1916–02.10.1998 г. (г. Нижний Новгород, ул. Грачевская, 30);

В этом доме жил и работал известный русский писатель Сазонов Александр Александрович 10.04.1932–16.12.1992 (г. Пенза, ул. Суворова, 129).

Однако сведения могут ограничиваться указанием только на **годы** жизни:

Анненков Олег Петрович 1975–1994 В 1994 году окончил Пензенский совхоз-техникум. Героически погиб 23 декабря 1994 года, участвуя в восстановлении конституционного порядка в Чеченской Республике. Награжден орденом Мужества (посмертно) (г. Пенза, ул. Совхоз-техникум, 47);

В этом доме жили Герои Советского Союза **Николай Михайлович Дмитриев (1917–1981)** и **Борис Михайлович Зайцев (1921–1983)** (г. Саранск, ул. Пролетарская, 77);

В этом доме в 1963–1994 годах жил видный писатель, инженер-изобретатель **Михаил Воловик 1917–1994** (г. Уфа, ул. Сельская Богородская, 13).

В нашей картотеке имеются единичные примеры МД, в которых сведения о годах жизни выдающихся личностей отсутствуют, что, безусловно, снижает информативную ценность памятного знака:

САЛАМАТОВ АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВИЧ Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Начальник финансового отдела Управления охраны общественного порядка Кировского облисполкома полковник внутренней службы (г. Киров, ул. Ленина, 179Б);

В этом доме жил Герой Советского Союза генерал-лейтенант **Гани Бекинович Сафиуллин** (г. Казань, ул. Адамюк, 4);

В этом доме жил **Швам Зиновий Семенович Заслуженный тренер СССР** Основатель пензенского баскетбола (г. Пенза, ул. Урицкого, 44).

Поскольку личности, которым установлены МД, имели заслуги в определённой сфере деятельности, важной составляющей памятного знака является указание на их **звание** – научное, почётное, творческое, спортивное. Такая информация, с одной стороны, даёт полное представление о степени признания заслуг выдающегося человека, с другой – вызывает у жителей населённого пункта чувство гордости за известную личность, свидетельствует о проявлении потомками уважения к ней.

В Приволжском федеральном округе установлены МД, посвящённые людям науки и, как следствие, содержащие указание на **учёную степень** и/или **учёное звание** личности:

Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор филологических наук, профессор Бондалетов Василий Данилович работал в университете с 1952 по 2018 гг. (г. Пенза, ул. Лермонтова, 37);

В ЭТОМ ЗДАНИИ УЧИЛСЯ И РАБОТАЛ (1955–2020) **ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ РЕКТОР САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1994–2003) ЗАВ. КАФЕДРОЙ ЭЛЕКТРОНИКИ, КОЛЕБАНИЙ И ВОЛН (1981–2020) ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН САРАТОВА ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ТРУБЕЦКОВ** (г. Саратов, ул. Университетская, 40).

На некоторых МД отмечены **почётные звания** человека:

В этом здании с 1972 по 1984 годы работала **Заслуженный врач РСФСР, Главный врач Оренбургской областной санитарно-эпидемиологической станции Коровина Капитолина Филипповна, награжденная Орденом Знак почета за большой вклад в обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия региона** (г. Оренбург, ул. 60 лет Октября, 2/1);

В этом здании с 1996 по 2005 годы работал профессор главный хирург г. Перми, **заслуженный врач России ПЕРЕПЕЛИЦЫН Владимир Николаевич (1946–2005)**, внёсший большой вклад в развитие малоинвазивной хирургии Прикамья (г. Пермь, ул. Луначарского, 72).

В текстах МД указываются **творческие звания** выдающихся личностей:

В этом доме с 1992 г. по 2023 г. жил и работал **Заслуженный артист РФ, Народный артист УР Романов Петр Михайлович** (г. Ижевск, ул. Удмуртская, 263);

В этом доме в 1981–2001 гг. жил выдающийся режиссер, **народный артист Татарстана, заслуженный деятель искусств России Празат Исанбет** (г. Казань, ул. Татарстан, 7);

В ЭТОМ ЗДАНИИ ЖИЛ И ТВОРИЛ **НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ВЕЛИКИЙ КОМПОЗИТОР АРАМ ИЛЬИЧ ХАЧАТУРЯН** (г. Пермь, ул. Сибирская 9 / ул. Советская, 29);

В этом доме жил **заслуженный артист Российской Федерации, советский и российский актер, режиссер театра и кино Пускепалис Сергей Витауто** (г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 45).

Если МД посвящена выдающемуся спортсмену, то её текст содержит указание на его **спортивное звание**:

В этой спортивной школе с 1976 по 1991 год тренировался **мастер спорта СССР международного класса по борьбе САМБО депутат Государственного Совета Чувашской Республики Трофимов Александр**

Иванович (г. Чебоксары, ул. Ленинградская, 32).

Одним из почётных званий, которое присваивается человеку в знак признания его заслуг перед городским сообществом в области экономики, политики, науки, образования, культуры, спорта и т. п., является **звание «Почётный гражданин города»**. Информация о данном статусе личности также содержится в текстах МД:

В этом доме с 1982 г. по 2020 г. жил доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, **Почетный гражданин города Йошкар-Олы Сануков Ксенофонт Никанорович** (г. Йошкар-Ола, ул. Вашская, 7);

Карпов Николай Дмитриевич 24.01.1932–09.07.2008 Заслуженный тренер Российской Федерации Мастер Спорта **Почетный гражданин города Ульяновска** Основатель школы марафонского бега (г. Ульяновск, ул. Карла Либкнехта, 24).

В тексте МД указывается **воинское** или **специальное звание** человека:

ЗДЕСЬ, В ЗДАНИИ БЫВШЕЙ ЕДИНОЙ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ, УЧИЛСЯ **ГЕНЕРАЛ-МАЙОР, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ, РУКОВОДИТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ** 1953–1955 **АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ПАНЮШКИН** 1905–1974 (г. Самара, ул. Галактионовская, 68);

В этом здании в 1980–1989 гг. работал заслуженный юрист Российской Федерации и Республики Татарстан, **прокурор Республики Татарстан** в 2000–2013 гг., профессор Камиль Фахразеевич Амиров (г. Казань, ул. Карла Маркса, 61);

В этом здании в период с 1970 г. по 1974 г. учился Сергеев Александр Алексеевич **майор внутренней службы – командир отряда специального назначения УВД Пензенского облисполкома**, ценой своей жизни 17.06.1994 г. спасший заложников в исправительно-трудовой колонии № 5 (г. Пенза, ул. Пушкина, 137).

МД являются средством увековечивания памяти о людях, занимавших **руководящие должности** на предприятиях, в организациях и т. п. Данный факт также находит отражение в текстах памятных знаков:

ОСНОВАТЕЛЮ ПЕРВОГО В УДМУРТИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА Трапезникову Виктору Александровичу ДИРЕКТОРУ ФТИ С СКБ И ОПЫТНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ УНЦ АН СССР, ДОКТОРУ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ, ЗАСЛУЖЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ

НАУКИ И ТЕХНИКИ РФ, ЛАУРЕАТУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ СССР И УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, ВЕТЕРАНУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (г. Ижевск, ул. Кирова, 132) (рис. 4);

Рис. 4 / Fig. 4

Веревский Владимир Васильевич 1937–2001 **Начальник пожарной охраны Мордовской АССР** 1970–1990 Внёс значительный вклад в развитие пожарной охраны Мордовии (г. Саранск, ул. Фурманова, 15Б);

В этом здании в 1999–2018 гг. работал **Генеральный директор ОАО «Трастовая компания «Татмелиорация»**, заслуженный работник сельского хозяйства ТАСС и РФ, кавалер орденов «Знак Почета», «Дружбы» и «За заслуги перед Республикой Татарстан» Анвар Махмутович Залаков (г. Казань, ул. Гвардейская, 15);

В этом здании с 1978 по 2005 годы работала Протопопова Татьяна Николаевна, **генеральный директор ОАО «Весна»**, заслуженный работник текстильной и легкой промышленности Российской Федерации, депутат Законодательного Собрания Кировской области. Внесла значительный вклад в развитие российского производства товаров для детей (г. Киров, ул. Карла Либкнехта, 129).

В тексте МД может быть указана **партийная принадлежность** человека:

КУРАЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ 1892–1938 **ЧЛЕН ПАРТИИ С 1912 Г. РУКОВОДИТЕЛЬ ПЕНЗЕНСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ** В 1917–1918 **ОРГАНИЗАТОР СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ УРОЖЕНЕЦ Г. ПЕНЗЫ** (г. Пенза, ул. Кураева, 51);

П. И. Зенцов (1889–1921) – рабочий уфимских ж. д. мастерских, **революционер-большевик**, один из организаторов Советской власти в Башкирии (г. Уфа, ул. Свердлова, 51);

УЛИЦА ИМЕНИ ПОСТАНОГОВА АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВИЧА 1889–1929 Названа

в честь **члена РСДРП/б/ с 1905 года, подпольщика, активного участника и организатора рабочих кружков, забастовок, вооруженного восстания в Мотовилихе в 1905 г.** (г. Пермь, ул. Постановова, 32).

Тексты МД могут содержать указание на **награды** выдающейся личности. Известно, что в советское время важнейшими из них являлись звание Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. Информация о данных наградах свидетельствует о высокой значимости боевого подвига или трудовых успехов человека:

В этом доме с 1960 по 1965 год жил **Герой Советского Союза Яшин Иван Васильевич** (г. Чебоксары, пр-кт Ленина, 11);

На станции Уфа Самаро-Златоустовской железной дороги с 15 мая 1920 года по 15 июня 1921 года работал легендарный военный разведчик – нелегал, **Герой Советского Союза ПОЛКОВНИК МАНЕВИЧ ЛЕВ ЕФИМОВИЧ (1898–1945)** (г. Уфа, Привокзальная пл., 3);

В ЭТОМ ДОМЕ 1915–1925 ГОДАХ ЖИЛ **ГЕНЕРАЛЬНЫЙ АВИАКОНСТРУКТОР ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ АНТОНОВ** (г. Саратов, ул. Дзержинского, 39).

В настоящее время высшей государственной наградой в нашей стране является присвоение звания Героя Российской Федерации (Героя России):

ЗДЕСЬ В 2000–2007 ГГ. НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ПГПУ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО УЧИЛСЯ **ГЕРОЙ РОССИИ КОМАНДИР ГРУППЫ СПЕЦНАЗА, ЛЕЙТЕНАНТ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РФ ПЕТРАЧКОВ ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ 1979–2010 ПОГИБ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ВОИНСКОГО ДОЛГА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ** (г. Пенза, ул. Карла Маркса, 4).

В текстах содержится указание на другие государственные награды личности, в том числе на награды других государств:

В этой школе учился **Рядовой ВДВ Барышкин Михаил Александрович 07.02.1965–06.07.1984 Погиб при выполнении воинского долга в Афганистане Награжден орденом Красного знамени, медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа» (посмертно)** (г. Самара, ул. Гайдара, 9).

Часто вместе с указанием награды помещены сведения о боевом подвиге человека:

В ЭТОМ ЗДАНИИ С 1935 ПО 1937 Г. Г. РАБОТАЛ **ПИСЛЕГИН ВИКТОР КУЗЬМИЧ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЛЕЙТЕНАНТ КОМАНДИР ТАНКОВОЙ РОТЫ ПОГИБ НА ЛУЖСКОМ РУБЕЖЕ ОБОРОНЫ 24 ИЮНЯ 1941 Г.** (г. Ижевск, ул. Карла Маркса, 206);

В 1934–1937 гг. в Казанском речном техникуме учился **Герой Советского Союза Михаил Петрович Девятаев, совершивший легендарный побег из фашистского концлагеря на вражеском самолете** (г. Казань, ул. Несмелова, 7);

Улица названа именем **Героя Советского Союза Прохорова Зинова Филипповича /1909–1944/. Закрыв своим телом амбразуру вражеского дзота** (г. Йошкар-Ола, ул. Прохорова, 14);

В ШКОЛЕ № 46 В 1998–2002 ГГ. УЧИЛСЯ **УРОЖЕНЕЦ ГОРОДА ПЕНЗЫ, КАПИТАН ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ, КАВАЛЕР ОРДЕНА МУЖЕСТВА ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ КАЗАЧЕНКОВ 1985–2017 ПОГИБ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ВОИНСКОГО ДОЛГА В СИРИИ** (г. Пенза, ул. Российская, 53).

Иногда тексты МД включают информацию об организации, инициировавшей установку памятного знака:

В ЭТОМ ДОМЕ ЖИЛА ПОЧЕТНАЯ ГРАЖДАНКА ГОРОДА ПЕНЗЫ, КАВАЛЕРСТВЕННАЯ ДАМА **МАРИЯ МИХАЙЛОВНА КИСЕЛОВА 1798–1887 ЩЕДРАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦА, ЧЛЕН ПЕНЗЕНСКОГО СОВЕТА, ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦА БЕДНЫХ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА от ПЕНЗЕНСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ** (г. Пенза, ул. Красная, 38) (рис. 5).

Рис. 5 / Fig. 5

Таким образом, тексты МД характеризуются единой целью создания, сходством структуры и содержания; подчеркнутая официальность, точность, лаконичность, отсутствие эмоциональности, стремление к стандарту позволяют отнести их к официально-деловому стилю. На основании вышесказанного оказывается возможным квалифицировать текст МД как самостоятельный речевой жанр, т. е. как относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания [8: 237] или как «вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [9: 164].

Отступления от канонов официально-делового стиля в текстах мемориальных досок

Несмотря на официальность и стандартизированность текстов МД, в них могут наблюдаться отступления от канонов официально-делового стиля. Так, некоторые тексты содержат **лирическое размышление**, связанное с человеком, имя которого увековечено:

*В память о настоящем человеке и большом друге. Алексей Опарин. 31.05.1980 г.–14.09.2008 г. Авиакатастрофа в Перми несправедливо унесла жизнь этого молодого и талантливого человека. Память о нем навсегда останется в наших сердцах. **Плачут небеса... О тебе...** (г. Пермь, ул. Революции, 3).*

В тексты МД могут включаться **стихотворные фрагменты**:

*В этом здании в период жизни в Саратове (1905 г.–1915 г.), работал Иван Васильевич Панфилов, Герой Советского Союза, генерал-майор. Погиб в боях за Москву 19 ноября 1941 г. **Не забудет родная держава Тех, кто пал у московских ворот И отважных панфиловцев слава, Поколения переживет.** Николай Палькин (г. Саратов, ул. Московская, 59);*

*Генерал-лейтенант Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) Музей носит имя прославленного русского генерала героя боёв за Севастополь (1853–1855) покорителя средней Азии (1864–1865) главнокомандующего сербской армии (1877–1878) туркестанского генерал-губернатора (1882–1884) **Архистратиг славянской рати, Безукоризненный герой! Под кровом божьей благодати Да совершится подвиг твой! Да сохранит в борьбе кровавой Тебя Всевышнего рука, И память дел твоих со славою Пойдет в далекие века! Звание Почётного гражданина города Оренбурга было Высочайше пожаловано в 1882 году,***

как военному герою России (г. Оренбург, ул. Цвиллинга, 92).

Тексты МД могут содержать **цитаты** человека, имя которого увековечено, или **прецедентные высказывания**:

СИМОНОВ Константин Михайлович «Саратов – город моей юности, Любил его и люблю» (подпись К. М. Симонова) (г. Саратов, ул. Мичурина, 86) (рис. 6);

Рис. 6 / Fig. 6

*Командир парашютно-десантного взвода гвардии лейтенант ШПАК ОЛЕГ ГЕОРГИЕВИЧ 04.09.1972–29.03.1995 Погиб при выполнении воинского долга **НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО** (г. Самара, ул. Степана Разина, 49).*

Отметим, что тексты некоторых МД представляются отнюдь не лаконичными, содержащими избыточную для данного жанра информацию, что также противоречит канонам официально-делового стиля:

*Сергей Калмыков 6 окт. 1891–27 апр. 1967. В этом доме до переезда в Алма-Ату в 1937 г. прошли оренбургские годы жизни выдающегося представителя русского авангардного искусства – живописца, графика, театрального оформителя, иллюстратора, автора философских текстов. Певец Оренбурга. **Легко быть линией, трудно быть точкой, ибо в нашем мире все движется** (г. Оренбург, ул. Ленинская, 5).*

Заключение

Анализ текстов персональных МД, размещённых в административных центрах Приволжского федерального округа Российской Федерации, показал, что они представляют собой самостоятельный речевой жанр: характеризуются единой целью, сходством структуры и содержания, принадлежностью к одному стилю.

Цель создания таких текстов заключается в увековечивании памяти о выдающихся людях. В плане содержания они представляют собой краткое описание человека и его заслуг.

С семиотической точки зрения противопоставляются МД-оценки и МД-индексы. Первые являются показателем признания обществом заслуг выдающегося человека; их основная функция – оценочная. Вторые фиксируют ритуальное действие, увековечивающее память о личности в конкретном населённом пункте или факт её биографии, связанный с тем зданием, на котором размещена МД. Основная функция таких памятных знаков – информативная.

Тексты МД, посвящённых выдающимся личностям, включают именование челове-

ка, даты его жизни, указание на звание, должность, награды, описание заслуг. Официальность, точность, лаконичность, отсутствие эмоциональности, стремление к стандарту позволяют отнести тексты МД к официально-деловому стилю, от которого, однако, возможны отступления в виде лирических размышлений, стихотворных фрагментов, цитат, прецедентных высказываний, вносящих в текст оттенок эмоциональности и экспрессивности.

Перспективы исследования видятся в описании жанровых и языковых особенностей текстов МД, находящихся в составе мемориальных комплексов, а также событийных и охранных памятных знаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Святославский А. В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011. 53 с.
2. *Беседина Е. А., Буркова Т. В.* «Город должен говорить...»: мемориальная доска как знак коммеморации и коммуникации в социокультурном пространстве // *Люди и тексты. Исторический альманах*. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 150–174.
3. *Большой энциклопедический словарь*. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 1456 с.
4. *Рысаева С. Ф.* Мемориальные доски как художественно-историческое наследие города Кемерово : вторая половина XX – начало XXI в. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Барнаул, 2013. 27 с.
5. *Субботин Е. П., Семьяников В. В., Серов М. И.* Мемориальные доски Перми : справочник. Пермь : Арабеск, 2008. 212 с.
6. *Мемориальные доски Санкт-Петербурга : справочник*. СПб. : Артбюро, 1999. 607 с.
7. *Гурьянова Л. Б., Родионова И. Г.* Мемориальная эпиграфика как составляющая лингвокультурного пространства российской провинции (на материале Пензенского региона) // *Жизнь провинции: История и современность : сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием (Н. Новгород, 19–21 марта 2015 г.)*. Нижний Новгород : Книги, 2015. С. 175–179.
8. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // *Эстетика словесного творчества*. М. : Искусство, 1979. С. 237–280.
9. *Седов К. Ф.* Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 439 с.

REFERENCES

1. *Svyatoslavskiy A. V.* *Habitat as a Memory Environment: On the History of Domestic Memorial Culture*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Cultur.). Moscow, 2011. 53 p. (in Russian).

2. *Besedina Ye. A., Burkova T. V.* “The city should speak...”: memorial plaque as a sign of commemoration and communication in the socio-cultural space. In: *Lyudi i teksty. Istoricheskii al'manakh* [People and texts. Historical almanac]. Moscow, Institute of Word History, Russian Academy of Science Publ., 2014, pp. 150–174 (in Russian).

3. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Great encyclopedic dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998. 1456 p. (in Russian).

4. *Rysayeva S. F.* *Memorial Plaques as an Artistic and Historical Heritage of the City of Kemerovo : Second Half of the 20th – early 21st Centuries*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Art History). Barnaul, 2013. 27 p. (in Russian).

5. *Subbotin Ye. P., Semyannikov V. V., Serov M. I.* *Memorial'nyye doski Permi: spravochnik* [Memorial plaques of Perm : Handbook]. Perm, Arabesk, 2008. 212 p. (in Russian).

6. *Memorial'nyye doski Sankt-Peterburga: spravochnik* [Memorial plaques of St. Petersburg : Handbook]. St. Petersburg, Artbyuro, 1999. 607 p. (in Russian).

7. *Guryanova L. B., Rodionova I. G.* Memorial epigraphy as a component of the linguocultural space of the Russian provinces (based on the Penza region). In: *Zhizn' provintsi: Istoriya i sovremennost' : sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (N. Novgorod, 19–21 marta 2015 g.)* [Life of the Province: History and Modernity: Collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific conference with international participation (N. Novgorod, March 19–21, 2015)]. Nizhny Novgorod, Knigi, 2015, pp. 175–179 (in Russian).

8. *Bakhtin M. M.* The Problem of Speech Genres. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1979, pp. 237–280 (in Russian).

9. *Sedov K. F.* *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and Anthropocentric Linguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2016. 439 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 06.12.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 28.01.2025; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 06.12.2024; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 28.01.2025; published 02.03.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 50–59

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 50–59

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-50-59>, EDN: PODOPB

Научная статья

УДК 574:81'38'42

Жанр «экологические дебаты»

С. В. Первухина[✉], И. Г. Рябцева

Донской государственный технический университет, Россия, 344003, г. Ростов-на-Дону,
пл. Гагарина, д. 1

Первухина Светлана Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры
«Мировые языки и культуры», s_pervuhina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5475-8384>

Рябцева Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Мировые языки
и культуры», irina-17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3131-4198>

Аннотация. В связи с серьезными глобальными климатическими изменениями наблюдается увеличение количества речевых актов в рамках экологического дискурса. Проанализированный материал позволяет говорить о появлении нового типа речевого жанра дебатов – экологические дебаты (ЭД). Телекомпании организуют проведение ЭД как в рамках предвыборных гонок, так и с целью получения информации о происходящих процессах от специалистов смежных областей. ЭД отличаются от классических дебатов по ряду своих характеристик. Особые композиционные, языковые и прагматические характеристики ЭД позволяют выделить их в самостоятельный жанр речи. Статья ставит своей целью раскрыть характеристики жанра ЭД, описав их конститутивные черты. Для этого были проанализированы дебаты об экологии в нескольких странах, проведен корпусный анализ дебатов для выявления некоторых прагматических и темпоральных характеристик, выполнен лингвостилистический анализ. Коммуникативный анализ выявил такие тактики, как аргументация, анализ ситуации, разъяснение, уточнение, прогнозирование наиболее вероятных путей развития ситуации и т. д. Обнаружен аргументативный и экспрессивный тип коммуникации. ЭД в плане темпоральных характеристик предполагают совершенную, настоящую и футуральную перспективу. Были выявлены следующие тематические блоки в рамках проанализированных ЭД: признание наличия кризисной экологической ситуации, гордость и выражение любви к своей стране и желание сохранить ее природу, критика тех, кто пренебрегает этими ценностями, изложение комплекса мер по охране природы. ЭД актуализируют общенациональную и глобальную ценность сохранности природы как путь к самосохранению человечества.

Ключевые слова: дебаты, экологические дебаты, коммуникативное событие, микрофрейм, экологический дискурс, речевые акты, прагмалингвистика, аргументация, экспрессивность

Для цитирования: Первухина С. В., Рябцева И. Г. Жанр «экологические дебаты» // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 50–59. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-50-59>, EDN: PODOPB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The “Environmental Debate” Genre

S. V. Pervukhina[✉], I. G. Ryabtseva

Don State Technical University, 1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don 344003, Russia

Svetlana V. Pervukhina, s_pervuhina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5475-8384>

Irina G. Ryabtseva, irina-17@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3131-4198>

Abstract. In relation to serious global climatic changes, there is an activation of speech acts within the framework of ecological discourse. The analyzed material allows discussing the emergence of a new type of speech genre of debates, such as environmental debates (ED). TV companies organize ED as part of election campaigns and for the purpose of obtaining information about the current processes from specialists of related fields. ED differ from classical debates in a number of their characteristics. The special compositional, linguistic and

pragmatic characteristics of ecological debates allow them to be identified as an independent genre of speech. The article aims to reveal the characteristics of the ED genre by describing their constitutive features. For this purpose, we analyzed ED in several countries, conducted corpus analysis of the ED to identify some pragmatic and temporal characteristics, and performed linguistic analysis. Communicative analysis revealed such tactics as argumentation, analyzing the situation, explanation, clarification, predicting the most probable ways of developing the situation, etc. As a result, argumentative and expressive types of communication were found. ED in terms of temporal characteristics assume a perfunctory, present and futural perspective. The following thematic blocks were identified within the analyzed debates: recognition of the existence of the environmental crisis situation, pride and expression of love for one's country and the desire to preserve its nature, criticism of those who neglect these values, and presentation of a set of measures to protect nature. ED actualize the national and global value of nature conservation as a way to self-preservation of mankind.

Keywords: debate, environmental debate, communicative event, microframe, ecological discourse, speech acts, pragmalinguistics, argumentation, expressivity

For citation: Pervukhina S. V., Ryabtseva I. G. The "Environmental Debate" Genre. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 50–59 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-50-59>, EDN: PODOPB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В 2024 г. зафиксировано огромное число температурных рекордов во всем мире, которые касались как низких, так и высоких температур. Мы наблюдаем изменения климата, которые влияют на глобальные экономики, торгово-экономическую политику государств и на частную жизнь людей. Обсуждение темы экологии, изменения климата, экологических катастроф все чаще появляется в СМИ, а также присутствует в личных беседах [1]. Так, лингвистами выделяется экологический дискурс, который представляет собой текст на экологическую тему, рассматриваемый в ситуации общения [2]. Отмечается, что экологический дискурс находится на пересечении научного дискурса, политического дискурса, медийного дискурса [2: 98, 3] и бытового дискурса.

Данное исследование основано на анкете речевого жанра, разработанной Т. В. Шмелевой [4], и интегральном подходе, разработанном В. В. Дементьевым [5]. Целью данной статьи является выделение конститутивных признаков особого жанра экологического дискурса – экологических дебатов (ЭД) в интегральном аспекте, а именно рассмотреть типологические черты жанра ЭД, его прагматику, его диктумное и языковое воплощение, стратегии и тактики жанра ЭД (т. е. композиционность [5: 16]), а также тональность.

Примечательно, что актуальность экологического вопроса обуславливает трансляцию ЭД по телевидению. Это позволяет считать его одним из медийных жанров, объединяющих научную, политическую и бытовую сферы [6: 29]. Поскольку одним из жизненно важных вопросов стал вопрос об изменении климата, наблюдается увеличение количества ЭД на разных языках в разных странах. В Канаде

телекомпания Rogers TV запустила программу «100 дебатов об экологии», в которой депутаты разных партий обсуждали вопросы воздействия на окружающую среду. Мы проанализировали 4 ЭД, общей длительностью 7 часов 25 минут. Анализируемые дебаты транслировались на английском языке, что позволяет выделить жанр ЭД в канадской лингвокультуре.

Мало кто сейчас отрицает важность экологических проблем – они затрагивают как большие экономики стран (снижение урожая и угроза продовольственного кризиса, сокращение потенциального экспорта продовольствия и рост цен на продукты и т. д.), так и частную жизнь граждан (сильная жара и необходимость работы кондиционеров, изменение ритма жизни, связанное с климатом – отказ от прогулок в жаркую погоду, или, наоборот, зимой при усилении холодов необходимость оплаты дополнительного обогрева и т. д.). Мы предлагаем выделить отдельный жанр ЭД в силу его специфики. *Экологические дебаты (ЭД), являясь частью экологического дискурса, представляют собой организованную дискуссию в присутствии модератора, посвященную экологической тематике, состоянию природных ресурсов и охраны окружающей среды, и имеющую цель проинформировать адресата о критическом состоянии экологической ситуации на планете, подкрепленную убедительными аргументами, а также изменить его мировоззрение в нужном для организатора дебатов направлении.*

Отличие жанра «ЭД» от других типов дебатов

Дебаты – это речевой жанр, который представляет собой разновидность спора с четким

регламентом. В переводе с французского, дебаты – это словесный поединок. Во время дебатов один собеседник старается убедить другого в своей правоте, изменить установки слушателя или добиться определенных действий [7]. Как правило, дебаты касаются столкновения двух противоположных мнений или позиций. Дебаты часто используются для выяснения политической позиции и создания политического имиджа [8,9], для выявления позиции депутатов относительно острых социальных вопросов [10,11]. Отметим и широкое использование дебатов в образовательной сфере для интегрирования информации в определенной сфере и получения умений и навыков. Таким образом, среди дебатов выделяются типы, которые имеют свою специфику. Приведем различие учебных, политических и экологических дебатов в табл. 1.

Существенным признаком, который позволяет выделить ЭД в отдельный жанр, является отсутствие противоборства мнений, в отли-

чие от других типов дебатов. Все стороны, принимающие участие в ЭД, единодушно в том, что экологические проблемы важны, единогласно высказывают повышенную обеспокоенность этими вопросами, выражают тревогу и предлагают свои способы решения экологических проблем и устранения их последствий. Соответственно, это находит отражение в языковом оформлении речевых высказываний данного жанра, которое будет подробно описано далее.

Лояльное и доброжелательное отношение к участникам ЭД изначально регламентируется модератором и дается установка на конструктивное отношение к происходящему. Покажем это на примере.

«In order for everyone at this event to be safe and inclusive, we are setting some community ground rules. Firstly, there is absolutely no tolerance for hate speech or personal attacks towards candidates or other participants or anything of the like. Secondly,

Таблица 1 / Table 1

Различия учебных, политических и экологических дебатов
Differences between educational, political and ecological debates

Параметр	Учебные дебаты	Политические дебаты	Экологические дебаты
Коммуникативная цель	Информативная	Информативная и оценочная	Информативная и оценочная
Концепция автора	Ученик, подготовивший речь в соответствии с академическими требованиями и ожиданиями преподавателя	Политик, подготовивший речь в соответствии с ожиданиями своей аудитории и осуществляющий манипулятивные стратегии для «уничтожения» риторического соперника	Экоактивист, подготовивший речь о природоохранных мероприятиях в соответствии с ожиданиями эко-настроенной аудитории
Концепция адресата	Учитель, оценивающий ответ ученика	Избиратель, голосующий за того или иного депутата	Избиратель, голосующий за того или иного депутата (экоактивиста)
Социальный контекст дебатов «Пропозиция содержания»	Образовательная среда, обучающая определенным умениям и навыкам	Политические гонки с борьбой за голоса избирателей	Кризисная ситуация экологической катастрофы
Конечная прагматическая цель оппонента	Получить оценку	Победить на выборах	Найти выход из экологического кризиса
Стратегия оппозиции	Противопоставление моделируется, может не присутствовать по факту	Наличие противоборствующих позиций	Отсутствие противоборствующих позиций
Отношение к оппоненту	Лояльное и доброжелательное	Возможно агрессивное	Лояльное и доброжелательное
Тональность	Информативная Гипотетическая	Агрессивная Манипулятивная Идеологическая	Информативная Фатическая
Уровень манипуляции	Нет	Есть, высокий	Есть, низкий
Типаж	Ученик	Политик	Экоактивист

while disagreement is inevitable and healthy discourse is encouraged, our debate is structured for verbal discussion between the candidates and the community. Various forms of protest will not be permitted».

Выступающие (адресанты) стараются соответствовать установке на доброжелательность, избегание нападок и оскорблений оппонентов, что является значительным отличием от политических дебатов. Покажем это на примере. На реплику модератора (***And now we have a rebuttal period***) представитель от Либеральной партии отвечает:

«I don't know if I necessarily want to rebut anything that has been said. The notion of water as a human right, of course, makes ... perfect sense. We all have to have it. We die without it. I do want to just kind of take some small issue with the notion that....»

В своей речи адресант использует языковые приемы дистанцирования, смягчая при этом градус противостояния.

Четкая и недвусмысленная установка обуславливает и выбор тональности происходящего – в большей степени информативная и фатическая. Участники ЭД фактически выступают со своими предвыборными платформами, снабжая аудиторию большим количеством интересной, фактологической инфор-

мации. Фатическая тональность выражается в стремлении модератора и выступающих установить контакт с аудиторией, придать общению некоторую неформальность. Это достигается соответствующими языковыми средствами такими, как инклюзивное «*we*», «*you*», риторическими вопросами, ссылкой на прецедентные феномены, примеры из личной жизни и т. д.

Низкая степень манипулятивности ЭД объясняется прагматической установкой на прояснение существа дела, направленностью на воздействие на сознание адресата через максимальное информирование и аргументацию, что находит выражение в преобладании прямых речевых актов в речах выступающих.

Участники ЭД соответствуют характерному типу *экоактивиста*, который представляет собой человека, заботящегося о судьбе планеты, признающего кризисную ситуацию на планете, любящего свою страну и заботящегося о ее благополучии. Он проявляет единение с другими гражданами страны, что отражается в более частотном употреблении местоимений 1-го лица мн. ч., по сравнению с местоимениями 1-го лица ед. ч. (табл. 2).

В табл. 3 проанализирован параметр речевого действия, связанного с настоящими мерами, о которых говорят экоактивисты,

Таблица 2 / Table 2

Употребление местоимений

Use of pronouns

Личные местоимения (им. падеж)	Количество употреблений	Личные местоимения (косвенный падеж)	Количество употреблений	Притяжательные местоимения	Количество употреблений
we	1471	us	142	our	545
I	1154	me	73	my	153
you	885	–	–	your	131

Таблица 3 / Table 3

Употребление видо-временных глагольных форм

Use of tense aspects forms

Перфектность	Количество употреблений	Настоящее время	Количество употреблений	Глаголы футуральности	Количество употреблений
have	602	'm	160	will	416
've	138	am	40	'll	83
has	162	is	819	would	229
–	–	's	550	'd	51
–	–	are	506	going	216
–	–	're	150	–	–
Итого:	902	–	2235	–	995

а также с будущими действиями, направленными на улучшение экологической обстановки. Глаголы были выбраны по частотному принципу в результате корпусного анализа (использовалась программа AntConc 4.2.0).

Участников ЭД объединяет консенсус в решении проблем окружающей среды, они нацелены на повышение осведомленности широких масс населения о реальном состоянии дел, о том, что окружающая среда является источником природной красоты, а также необходима для сохранения физического и психического здоровья людей. Все участники анализируемых ЭД едины в своей обеспокоенности по поводу будущего их страны и всей планеты. Другим фактором, обуславливающим специфику данного типа коммуникативного события, является свойственная ему повышенная «оценочная акцентированность, пристрастность, аффективность» [12]. На обеспокоенность участников ЭД в значительной мере влияет вертикальный контекст ситуации коммуникации и фоновые знания участников [13, 14], т. е. осознание участниками негативных последствий климатических изменений в последнее время. Отличительной чертой экологических дебатов является обсуждение будущих процессов в природе, которые невозможно просчитать и предугадать, используя современные методы, поэтому в ЭД есть много прогностичного и приблизительного. Победу в дебатах одерживает участник, имеющий наиболее выгодную речевую стратегию, который может завоевать внимание и симпатии слушателей.

Структурно-ролевые характеристики жанра ЭД

Как и в других типах дебатов, ЭД проводятся при участии модератора, участников дебатов, которые в случае экологической тематики предъявляют лишь относительно противоположные точки зрения на проблему, а также зрителей, которые принимают решение, кто выйдет победителем из спора. Участники сообщают о своем выборе победителя разными способами. Например, зрители голосуют на выборах за того или иного кандидата, который принял участие в дебатах и чья позиция оказалась созвучнее зрителю. Модератор в дебатах выполняет несколько функций. Во-первых, это предъявление темы, которая видится как актуальная для всех участников диалога. Во-вторых, это объявление вопросов для участников. Сами спорящие стороны напрямую друг к другу обращаться не могут. В-третьих, это организация регламента проведения дебатов. По регламенту участникам дается возможность отреагировать на некоторые тезисы друг друга, но в условиях

ограниченного времени. В-четвертых, подведение итогов и заключительные слова для аудитории.

Дебаты предполагают равное количество времени для каждого из участников на изложение своей точки зрения, участники при этом не имеют возможности перебивать друг друга и находятся в коммуникативно равных положениях. Но при равенстве условий, очевидно, существует возможное неравенство в ораторских способностях участников дебатов, в их умении почувствовать аудиторию, уложиться в положенное время для изложения своей точки зрения и т. д.

Описанные типы коммуникации и жанровая характеристика исследуемых ЭД предопределяет выбор языковых средств и их коммуникативно-прагматические параметры. В учении о речевых жанрах М. М. Бахтина [15], ЭД также предстают как «относительно устойчивые типы высказывания», обладающие тремя основными параметрами жанра: тематическое, композиционное построение и стиль.

Диктумное содержание и языковое воплощение жанра ЭД

Диктумное содержание представлено тематическими блоками, которые прослеживаются в речи всех участников ЭД. Обращение к данным тематическим блокам характеризует участников ЭД как экоактивистов, чья позиция по отношению к экологическому кризису прослеживается на информационном и аксиологическом уровнях. Проанализируем эти блоки, раскрывая их языковое воплощение:

Первый тематический блок «признание наличия кризисной экологической ситуации» выражает состояние тревоги, опасения и шока. Он сосредоточен вокруг постановки базовых национальных вопросов:

- (1) *In my view, the environment should be a non-partisan priority. There is, after all, only one winner, all of us. And there's only one loser, all of us. **We are in a crisis. We don't have climate change. We have climate chaos. It's affecting our lives as we speak through flooding, drought, wildfires, hurricanes, extreme fluctuations of temperature, and so on.***
- (2) *Climate change is real. I believe science. I stand with the world to say we must do everything in our power **to avert crisis.***
- (3) *We have a very **small window of opportunity, and it is up to us to clean up our own mess.***
- (4) *We see extreme weather events across the country, including wildfires, flooding, and droughts. **These are causing anxiety and worry given their enormous financial and environmental impact.***

Второй тематический блок «гордость и выражение любви к своей стране» наблюдается в выступлениях всех участников:

- (5) *We are all here for the good of Canada. Every one of us. There's **no one** here that is **out to sabotage the country. We love it. We want to keep it.***
- (6) *We are all here because we **love** Canada. <.....> The way I see it is we are here **as part of what we sing in our national anthem, which is, this is part of, we stand on guard for thee. And that's what I truly believe.***
- (7) *This is something that I think every person in this riding is agreed on. **We love our North country, don't we? Absolutely.***
- (8) *When asked about what they **love most about our country, Canadians often point to natural beauty, wildlife and spectacular wilderness areas.***

Третий блок состоит из критических высказываний о недостаточном внимании к базовым ценностям и практическим нуждам коренных народов, а также малообеспеченной части населения страны. Говоря, например, о качестве питьевой воды, выступающие рассматривают это как право, которое должно быть включено в Устав о Правах. Вместе с тем, участники ЭД высказывают чувства благодарности коренным народам, которые их многому научили:

- (9) *We can install into our Charter of Rights ensuring access to clean, safe drinking water for all Canadians, which naturally includes **our Indigenous peoples.***
- (10) *The notion of water as **a human right, of course, makes perfect sense. We all have to have it. We die without it. I do want to just kind of take some small issue with the notion that **there is indifference to the plate of First Nations communities which have boiled water advisories. In fact, you should know that there is a program in place and we're working on it very, very diligently to make sure that every First Nations community has safe drinking water by the year 2021.*****
- (11) *I don't think that it's acceptable for our indigenous people to have to wait another year, 2 years to get clean drinking water. **I believe that they have waited for hundreds of years for us to treat them with the respect that they deserve. And that is our responsibility to make sure that we are doing everything we can right now to protect those people and their drinking water.***
- (12) *We lost our connection to ecology and to the rhythms of nature. And it is important for us to be able to restore those so that we can feel responsible for our environment again so we connect with our environment. And so **we feel like we are obligated to take care of it. Indigenous people never lost that***

connection. And as a result, we have to look to them for guidance on how to recover it for ourselves.

- (13) *As settlers, **we're grateful for the opportunity to meet here. And we thank all the generations of people who have taken care of this land thousands of years. We recognize and deeply appreciate their historic connection to this place.***

Четвертый тематический блок ЭД, а именно, изложение соответствующего комплекса мер, заверения, обещания выступающих улучшить ситуацию, является самым важным и, в языковом отношении, самым репрезентативным. На наш взгляд, это объясняется тем, что именно в нем ярко проявляется **прагматическая составляющая** речевого жанра ЭД. Именно в нем на первый план выходят аргументативный и экспрессивный типы коммуникации, а также речевые стратегии типичные для дискуссий. Этот блок характеризует экоактивистов как людей, готовых к действию.

Рассмотрим вначале подробнее природу лексических единиц, грамматических средств и синтаксических конструкций, определяющих их специфику в исследуемом жанре ЭД.

Абсолютное большинство участников ЭД в своих выступлениях пользуются значительным корпусом существительных, прилагательных, причастий, глаголов с положительной и отрицательной коннотацией, что позволяет им в полной мере выражать свои эмоциональные состояния.

К **лексическим** средствам выражения относятся:

- существительные с конкретной, абстрактной, положительной и отрицательной семантикой, лексемы с семантикой достоверности, (не)обоснованности, (не)согласия; тревожности, озабоченности, шока, вызванные наблюдениями за явлениями окружающей среды;
- перформативные глаголы, глаголы речевой и интеллектуальной деятельности;
- модальные слова со значением уверенности/сомнения (*indeed, really, obviously, definitely, surely, naturally, virtually, clearly*); предположения (*probably, perhaps, maybe, evidently, apparently*);

Данные лексические средства характеризуют экоактивиста как человека, который обеспокоен вопросами экологии, а также подчеркивают прогностический характер темы.

Анализ синтагматики приводимых выступлений показывает, что в них представлены основные структурные типы словосочетаний английского языка: атрибутивные словосочетания (ADJ+N), адвербиальные словосочетания

типа (ADV+ADJ), глагольные словосочетания типа (V+N, V+ADV). Приведем примеры.

(ADJ+N) *Climate change, climate emergency, collapsing ecosystems, vulnerable population, existential threats, ambitious plans, a clean and safe environment, environmental challenges, a sustainable healthy and viable future, incredible advocates for the environment, economic recovery, national healing and reconciliation.*

Среди атрибутивных словосочетаний выделяется подгруппа, в которой один из компонентов представлен нейтральной лексемой, а аксиологическую нагрузку несет прилагательное или существительное: *climate chaos, climate accountability, ecological treasures, willful thinking, wishful thinking, obscure aspects*

(V+ADV, ADV+ADJ) *to actively legislate, significantly strengthened, rigorously tested, to work diligently, critically important, precariously housed and the economically disadvantaged, morally wrong, ruthlessly violated, remarkably weak.*

Синтагматика выступлений содержит экспрессивный аспект, который подчеркивает серьезность экологической ситуации. Также она имеет аксиологическую составляющую.

К **грамматическим** средствам выражения относятся видо-временные формы глаголов, формы сослагательного наклонения, инвертированный порядок слов, конструкции с эксплицитно/имплицитно выраженным лексико-грамматическим отрицанием, различные структурные типы предложений (простые/сложные), различные типы синтаксической связи, вопросительные и восклицательные предложения, синтаксическая конструкция волитивного характера (*It is important we state frankly*), риторический вопрос.

Значительная часть исследуемых примеров содержит синтаксическую конструкцию, где существительное, прилагательное или причастие употребляется в предикативной функции:

to be distraught, to be (absolutely) delighted, to be wrong, to be in danger, to be in trouble, to be out of date, to be (totally) fair/unfair, to be in favour, to be horrific, anxious, committed, to be debatable, to be at fault, to be potentially dangerous, to be increasingly skewed, to be faced with evidence.

Грамматические средства языкового выражения также содержат экспрессивный компонент значения и отражают прогностичность данного дискурса.

Широкое использование лексем с дополнительным экспрессивно-эмоционально-оценочным значением в текстах выступлений обусловлено наличием в них прагматического компонента значения, который позволяет эксплицитно выражать позицию адресанта, его психологическое состояние и, тем самым,

выполнять свою основную функциональную задачу по убеждению адресата в правильности занимаемой позиции.

Жанровая принадлежность текстов выступлений в ЭД, ориентированных не столько на информирование адресата, как на создание комментария, мнения, оценки, обуславливает преобладание в этих текстах слов с модальным значением, модальных глаголов и структур с сослагательным наклонением. Интенсивное использование этих слов и конструкций составляет основу четвертого тематического блока, так как именно в нем происходит процесс аргументации и ориентации адресата в пространстве.

Этот факт объясняется также тем, что лингвистическая категория оценки напрямую связана с категорией модальности (объективной и, особенно, субъективной). Понятие оценки составляет смысловую основу субъективной модальности, включающей не только логическую квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной реакции [16: 303–304].

В анализируемых выступлениях нами было зафиксировано интенсивное использование широкого спектра модальных слов и глаголов (*shall/will, would, should, have to, need(to), must do, can do, might do, to be to*), модальные конструкции *to compelled to, to bound to* и др. Покажем это на примерах.

(14) *I want to develop new national parks and protect the ones we already have. I would ban all culling of animals, which exists for the purpose of satisfying the needs of industry or recreation, and let nature take her course. I will stiffen the laws for dumping garbage into our lakes and rivers and leaving garbage in the forests.*

Начало одного из выступлений окрашено модальностью, начиная с выражения желания (*want to develop*), которое сменяется мягким выражением намерения (*would ban*), и завершается убедительным обещанием ужесточить законы. Заметим, что экспрессивность высказывания нарастает за счет градуального расположения этих форм, которое подчеркивает отрицательную оценку говорящего существующего положения дел.

(15) *I feel that water is a public resource and not a commodity. Therefore, I would ban the export of water. We can ban all development on our wetlands and protect our watershed system from aggregate development. We can set up a process to clean up all of our lakes and rivers. We can install into our Charter of Rights ensuring access to clean, safe drinking water for all Canadians, which naturally includes our Indigenous peoples. I would pass legislation that all industry that uses water as part of their manufacturing*

process must recycle all water instead of dumping it.

В приведенном примере цепочка модальных глаголов **would – can** помогает выразить психологическое состояние говорящего, его поиски путей решения вопроса и, на наш взгляд, уверенность в своих возможностях.

Не менее существенной предстает и временная перспектива обсуждаемых действий и событий, которые предполагают обязательную совершенную, настоящую и футуральную перспективу. В выступлениях участников ЭД анализу подвергаются уже имевшие место действия и события, существующее положение дел. При этом ораторы определяют свою позицию, дают им оценку, подкрепляют их прогнозами на будущее, что находит выражение в соответствующих временных формах (Present Perfect, Present Simple, Future Simple). В целом категория темпоральности представлена в речевом жанре ЭД целым спектром грамматических времен, отражающих логическую связанность происходящего в действительности. В этом плане показателен следующий пример.

(16) *I'm very proud to stand here and represent a government that has done some really good things. It's the government that has done the most for the environment in the history of Canada. <.....> We're phasing out coal and investing in renewables like wind and solar, and ensuring that the transition is fair for workers and communities. We're banning single-use plastics and we're moving to a net zero economy. We're cutting corporate tax rates in half for the production and manufacture of zero emission technologies. <.....> Those are all things that I believe in that have been or are being or will be implemented by a Liberal government.*

Гордость оратора-экоактивиста за предпринятые действия реализуется при помощи форм *Present Perfect* и усиливается за счет категоричной констатации факта предпринимаемых шагов в *Present Simple*, что придает высказыванию статический характер. Оптимистичный прогноз, завершающий высказывание, реализуется в *Future Simple (will be implemented)* и носит промиссивный характер.

Как отмечалось выше, **главной стратегией** данного речевого жанра является стремление адресанта привлечь адресата на свою сторону, ориентируя его на осознание исключительной важности принятия решений, что и формирует нужное адресанту видение мира. При этом выступающие используют такие **тактики**, как аргументация, анализ ситуации, разъяснения, уточнения, прогнозирования наиболее вероятных путей развития ситуации и т. д. Данные тактики находят языковое воплощение

в конкретных разновидностях речевых актов (ассертивы, директивы, комиссивы, декларативы, экспрессивы) [17: 12–20]. Прагматическая направленность перечисленных речевых актов заключается в их иллокутивной силе что-либо утверждать, советовать, предлагать, предостерегать, угрожать, выражать психологическое состояние адресанта и т. д.

Поясним сказанное следующим примером.

(17) (1) *I don't think that it's acceptable for our indigenous people to have to wait another year, 2 years to get clean drinking water.* (2) *I believe that they have waited for hundreds of years for us to treat them with the respect that they deserve.* (3) *And that is our responsibility to make sure that we are doing everything we can right now to protect those people and their drinking water.* (4) *Unfortunately, you can go to any store and you can buy a filter that will filter just about any quality of water into clean drinking water.* (5) *And I don't know why in the meantime we haven't provided every community with that because how do you tell a child who is 6 or 10 years old that they're going to have to wait a few years before the water they drink is clean?* (6) *That is unacceptable.*

Данная цепочка речевых актов объединена единым иллокутивным намерением – выразить отрицательное отношение к факту снабжения питьевой водой коренных народов Канады. Ассертивы (1, 2, 3, 4) содержат категоричное утверждение и выполняют функцию аргумента-обоснования для последующего отрицательного прогноза через экспрессив (риторический вопрос 5) и категоричное отрицание в завершающем ассертиве (6).

В выступлениях ораторов весьма важной и частотной является **тактика самопрезентации**, что подтверждается данными корпусного анализа (совокупное использование 1-го лица ед. и мн. числа составило 2625; притяжательных местоимений *I* и *our* – 698). В контексте конкретной коммуникативной ситуации (ЭД) мы понимаем тактику самопрезентации как речевой прием, нацеленный на создание положительного образа адресанта или партии, которую он представляет, на оказание воздействия на адресата с целью привлечения его на свою сторону. В анализируемых ЭД данный речевой прием имеет форму ассертивной самопрезентации [18], характеризующейся выражением благодарности и уважения своих соратников, конструктивной критикой оппонентов и правительства, опорой на статистику и авторитетные мнения, демонстрацией собственных возможностей с целью самовыдвижения и победы на выборах. Это подтверждается следующими примерами.

- (18) *I'm very proud to stand here and represent a government that has done some really good things. It's the government that has done the most for the environment in the history of Canada. It's done investments in 1200 public transit systems,*
- (19) *The environment will be a large part of every trade agreement we sign. That's what we'll fight for in Ottawa. No matter what happens, this election. A strong team of new Democrats can make all the difference for you and your family on the issues that matter. That's why I'm asking you to send me there to fight for you.*

В данном примере содержится как консолидирующее *we*, так и индивидуализирующее *I'm asking you*. В выступлении представительницы Партии Зеленых мы находим часто повторяющиеся словосочетания, свидетельствующие об идентификации ее личной позиции: *I don't have to vote with my party. I can vote for what you want. I will advocate for... I will support, I will cancel, I will advocate, And I will work, I will legislate, I will also work with.*

Итак, преследуя главную стратегию в ЭД, выступающие используют такие тактики, как аргументация, анализ ситуации, разъяснения, уточнения, прогнозирования наиболее вероятных путей развития ситуации, самопрезентацию. Как правило, они представляют собой последовательность иллокутивно связанных речевых актов, передаваемых с помощью различных иллокутивных типов высказываний, при этом доминирующими являются ассертивы, директивы, экспрессивы, промиссивы, что позволяет ораторам достигать перлокутивного эффекта.

Выводы

Исследуемый в настоящей статье вопрос относится к проблеме вариантологии, которая остается актуальной проблемой теории речевых жанров. Дебаты как разновидность спора могут тематически касаться самых разных сфер жизни, но в вопросах экологии они приобретают ряд отличительных черт, которые позволяют говорить о самостоятельном типе речевого жанра ЭД в канадской лингвокультуре. Полагаем, что указанный тип речевого жанра ЭД возможен и в других культурах, поскольку типаж эоактивиста становится глобальным трендом, который маркирует такое поведение как положительное и предпочтительное. Забота о природе как часть самосохранения человечества становится неоспоримой глобальной ценностью. Исследования жанра ЭД в сопоставительном аспекте видятся перспективными.

Жанр ЭД отличается от других типов дебатов тем, что коммуниканты не представляют

совершенно противоборствующие мнения, так как все согласны, что экологические вопросы важны, предлагаются лишь разные варианты для решения экологических проблем. Типаж в ЭД – это эоактивист, который имеет активную жизненную позицию, направленную на сохранение окружающей среды и вдумчивое потребление. Любовь к природе и своей стране являются ценностями для него.

В данном типе дебатов преобладают аргументативный и экспрессивный типы коммуникации, как показывает языковое воплощение жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баркович А. А., Рипинская О. А. Лингвистический потенциал корпусного исследования англоязычного экологического дискурса // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2023. № 2 (116). С. 84–88. EDN: QJTKWN
2. Филиппова Т. А. Понятие и основные характеристики экологического дискурса (на материале англоязычных СМИ) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2018. № 2 (125). С. 97–101.
3. Немцева К. Д. Англоязычные тексты политических дебатов как речевой жанр // Поволжский педагогический вестник. 2020. Т. 8, № 2 (27) С. 36–40.
4. Дементьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелевой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 252–262. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>
5. Дементьев В. В. К проблеме интегрального описания речевых жанров // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 6–22. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>
6. Шмелева Т. В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 26–37. EDN: YNVTOP
7. Леммерман Х. Уроки риторики и дебатов. М. : Уникум Пресс, 2002. 336 с.
8. Головина Н. М. Медиатизация политических дебатов PMQS: трансформация саморепрезентативной модели I + verb в институциональном дискурсе британских политических дебатов // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 2. С. 467–481.
9. Колмогорова А. В., Козачина А. В. Жанр речи в динамике дискурса // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 4. С. 79–94. <https://doi.org/10.18721/JHSS.14406>
10. Гусакова Т. И. Некоторые особенности речевых тактик политических лидеров: предвыборные дебаты в США // Инновационность и мультикомпетентность в преподавании и изучении иностранных языков : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. М. Мемко. М. : РУДН, 2017. С. 149–157. EDN: YSFZRL
11. Джиоева В. П. Парламентские дебаты как жанр политического дискурса в Республике Южная Осетия // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 31–38. <https://doi.org/10.29025/2076-6021-2019-1-31-38>

12. Романов А. А. Оценка как способ фиксации конфликтности речевого поведения политика // Политический дискурс в России–4 : материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000 г.). М. : Диалог-МГУ, 2000. С. 83–84.

13. Первухина С. В. Осознанность контекста в электронном формате диалога // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 181–187. <https://doi.org/10.18287/25420445-2023-29-1-181-187>

14. Первухина С. В., Топоркова О. В. Текст и контекст // Актуальные проблемы науки и техники. 2023 : материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (Ростов н/Д, 15–17 марта 2023 г.) / отв. ред. Н. А. Шевченко. Ростов н/Д : ДГТУ, 2023. С. 452–453.

15. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 423 с.

16. Ляпон М. В. Модальность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 303–304.

17. Searle J. R., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge University Press, 1985. 227 p.

18. Schutz A. Self-presentational tactics of talk-show guests: A comparison of politicians, experts and entertainers // Journal of Psychology. 1998. Vol. 132, № 6. P. 611–628. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1997.tb01633.x>

REFERENCES

1. Barkovich A. A., Ripinskaya O. A. Linguistic potential of corpus research of English-language environmental discourse. *BSPU Bulletin. Series 1, Pedagogic. Psychology. Philology*, 2023, no. 2 (116), pp. 84–88 (in Russian). EDN: QJTKWH

2. Filippova T. A. The concept and main characteristics of environmental discourse (on the material of English-language media). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philology*, 2018, no. 2 (125), pp. 97–101 (in Russian).

3. Nemeceva K. D. English texts of political debates as a speech genre. *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik*, 2020, vol. 8, no. 2 (27), pp. 36–40 (in Russian).

4. Demytyev V. V. “Questionnaire of speech genre” by T. V. Shmeleva: Past, present, future (to the 30th anniversary of the genre model). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 252–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

5. Demytyev V. V. On the problem of integral description of speech genres. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 6–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

6. Genre in the modern media sphere. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Вып. 8. Pamyati K. F. Sedova* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 8. In Memory of K. F. Sedov]. Saratov, Moscow, Labirint, 2012, pp. 26–37 (in Russian).

7. Lemmerman H. *Uroki ritoriki i debatov* [Lessons of rhetoric and debates]. Moscow, Unikum Press, 2002. 336 p. (in Russian).

8. Golovina N. M. Mediatization of PMQS political debates: Transformation of the self-representational model I + verb in the institutional discourse of British political debates. *Communication Studies*, 2019, vol. 6, no. 2, pp. 467–481 (in Russian).

9. Kolmogorova A. V., Kozachina A. V. Speech genre in the dynamics of discourse. *Terra Linguistica*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 79–94 (in Russian). <https://doi.org/10.18721/JHSS.14406>

10. Gusakova T. I. Some features of speech tactics of political leaders: Pre-election debates in the USA. *Innovacionnost' i mul'tikompetentnost' v prepodavanii i izuchenii inostrannyh yazykov: sb. nauch. st. Otv. red. N. M. Memeko* [Memeko N. M., ed. Innovation and multicompetence in teaching and foreign languages: Coll. of sci. arts]. Moscow, RUDN University Publ., 2017, pp. 149–157 (in Russian).

11. Jioeva V. P. Parliamentary debates as a genre of political discourse in the Republic of South Ossetia. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2019, no. 1, pp. 31–38 (in Russian). <https://doi.org/10.29025/2076-6021-2019-1-31-38>

12. Romanov A. A. Evaluation as a way of fixing the conflictuality of a politician's speech behavior. *Politicheskij diskurs v Rossii–4: materialy rabocheho soveshchaniya (Moskva, 22 aprelya 2000 g.)* [Political Discourse in Russia–4: Materials of the working meeting (Moscow, April 22, 2000)]. Moscow, Dialog-MGU, 2000, pp. 83–84 (in Russian).

13. Pervukhina S. V. Context awareness in the electronic dialog format. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 181–187 (in Russian). <https://doi.org/10.18287/25420445-2023-29-1-181-187>

14. Pervukhina S. V., Toporkova O. V. Text and context. *Aktual'nye problemy nauki i tekhniki: materialy Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii (Rostov n/D, 15–17 marta 2023 g.)*. Otv. red. N. A. Shevchenko [Shevchenko N. A., ed. Current Issues of Science and Technology: Materials of the All-Russian national sci. and pract. conf. (Rostov-on-Don, March 15–17, 2023)]. Rostov-on-Don, Don State Technical University Publ., 2023, pp. 452–453 (in Russian).

15. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1986. 423 p. (in Russian).

16. Lyapon M. V. Modality. In: *Yazykoznanie. Bol'shoj entsiklopedicheskij slovar'. Gl. red. V. N. Yartseva* [Yartseva V. N., ed. Linguistics Large Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya entsiklopediya, 1998, pp. 303–304 (in Russian).

17. Searle J. R., Vanderveken D. *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge University Press, 1985. 227 p.

18. Schutz A. Self-presentational tactics of talk-show guests: A comparison of politicians, experts and entertainers. *Journal of Psychology*, 1998, vol. 132, no. 6, pp. 611–628. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1997.tb01633.x>

Поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 20.10.2024; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication 20.10.2024; published 02.03.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 60–67

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 60–67

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-60-67>, EDN: QQMZZO

Научная статья

УДК 001:811.161.1'38'42

Хеджирование в точных и гуманитарных дисциплинах: корпусный анализ научных статей

Е. А. Смирнова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 614070, г. Пермь, ул. Студенческая, д. 38

Смирнова Елизавета Александровна, кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков, cmelizaveta@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9307-6773>

Аннотация. Статья посвящена количественному анализу использования средств снижения категоричности высказывания (хеджей) в корпусе научных статей по четырем точным (химия, физика, математика, машиностроение) и четырем гуманитарным (лингвистика, история, менеджмент, политология) наукам, объемом приблизительно 1,6 млн слов. Выдвигается гипотеза о том, что существуют значимые различия в употреблении хеджей между двумя группами дисциплин. Анализ основан на изучении 81 языковой единицы, которые, согласно предыдущим исследованиям, являются частотными в академическом дискурсе. Данные языковые единицы были разделены на шесть групп по морфосинтаксическому признаку: модальные глаголы, лексические глаголы, именные конструкции, конструкции с предлогами, прилагательные и наречия. Статистическое моделирование данных подтвердило выдвинутую гипотезу, выявив значимые различия в использовании всех рассмотренных видов хеджей в статьях по точным и гуманитарным наукам. Также было показано, что наибольший вклад в междисциплинарные различия вносят такие виды хеджей, как наречия, лексические глаголы и именные конструкции. Все эти средства снижения категоричности высказывания более частотны в гуманитарных науках. Применение алгоритма иерархической кластеризации выявило два устойчивых кластера, которые практически полностью соответствуют двум категориям изучаемых дисциплин (за исключением математики и политологии), тем самым демонстрируя, что хеджирование может быть использовано в качестве средства дифференциации между двумя группами дисциплин.

Ключевые слова: средства снижения категоричности высказывания, хеджи, корпусный анализ, академический дискурс, точные науки, гуманитарные науки, дисциплинарная вариативность, статистическое моделирование

Для цитирования: Смирнова Е. А. Хеджирование в точных и гуманитарных дисциплинах: корпусный анализ научных статей // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 60–67. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-60-67>, EDN: QQMZZO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Hedging in hard and soft disciplines: A corpus-based analysis of research articles

E. A. Smirnova

HSE University, 38 Studencheskaya St., Perm 614070, Russia

Elizaveta A. Smirnova, cmelizaveta@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9307-6773>

Abstract. The article is focused on a quantitative analysis of the use of hedges in a 1.6-million-word corpus of academic articles in four hard sciences (chemistry, physics, mathematics, engineering) and four soft sciences (linguistics, history, management, political science). It is hypothesised that there are significant differences in the use of hedges between the two groups of disciplines. The analysis is based on an examination of 81 language units which previous studies have found to be frequent in academic discourse. These language units were divided into six groups based on their morphosyntactic features: modal verbs, lexical verbs, noun

phrases, prepositional phrases, adjectives and adverbs. Statistical modelling of the data confirmed the hypothesis, revealing significant differences in the use of all the considered types of hedges in hard and soft science articles. It was also shown that the types of hedges such as adverbs, lexical verbs and noun phrases contributed the most to the interdisciplinary differences. All these hedges are more frequent in soft sciences. The application of the hierarchical clustering algorithm revealed two stable clusters that correspond almost entirely to the two categories of disciplines under study (with the exception of mathematics and political science), thus demonstrating that hedges can be used as a means of differentiation between the two groups of sciences.

Keywords: hedges, corpus analysis, academic discourse, hard sciences, soft sciences, disciplinary variation, statistical modelling

For citation: Smirnova E. A. Hedging in hard and soft disciplines: A corpus-based analysis of research articles. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 60–67 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-60-67>, EDN: QQMZZO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Английский язык является *lingua franca* научного сообщества (см., например, [1, 2]), и изучение лингвистического репертуара различных дисциплин имеет важное теоретическое и практическое значение. С одной стороны, исследование дисциплинарных различий внесит значимый вклад в описание особенностей академического дискурса в целом и жанра научной статьи в частности. С другой стороны, выявленные особенности могут быть использованы в преподавании английского языка для академических и специальных целей, позволяя создавать специализированные учебные материалы для учащихся, изучающих различные науки.

Средства снижения категоричности высказывания (хеджи) являются важным маркером академического дискурса и рассматриваются как метадискурсивная стратегия выражения сомнения, применяемая авторами для смягчения своих заявлений, которые потенциально могут вызвать споры [3], а также для трансляции честности, скромности и осторожности при высказывании своих идей [4]. Хеджирование может быть реализовано в тексте различными лексическими и синтаксическими средствами, которые объединяет общая семантика, а именно – добавление высказыванию оттенка неясности, неточности, некатегоричности [5], что подчеркивает субъективность позиции автора, позволяя представлять информацию скорее как мнение, чем как факт, и, таким образом, открывая поле для обсуждения [6]. Сравните примеры 1a и 1b:

(1) (a) *The results show that land seizures are in general not correlated with a significant increase in collective petitioning* (WP-2016-1).

(1) (b) *The results show that land seizures are not correlated with a significant increase in collective petitioning.*

В первом примере из статьи по политологии использована конструкция *in general*, которая функционирует как средство снижения категоричности, смягчая заявления авторов и давая возможность вступить с ними в дискуссию, относительно полученных ими результатов, в то время как второе предложение (1b) воспринимается как факт, который сложно подвергнуть сомнению.

Лингвистическая репрезентация хеджирования в академическом дискурсе – достаточно широко изученная тема. Использование хеджей рассматривалось с точки зрения кросс-культурных различий [7], сопоставления с риторическими функциями различных разделов научной статьи [8], сравнения текстов, написанных профессиональными авторами и студентами [9, 10], а также носителями и неносителями языка [11, 12]. Однако дисциплинарные различия в выборе средств снижения категоричности высказывания остаются малоизученными.

Дисциплинарные различия в использовании хеджей

Дисциплинарные различия в использовании хеджей были исследованы К. Хайлэндом [13]. Его анализ хеджей и бустеров (средств повышения категоричности высказывания) был основан на корпусе научных статей по восьми дисциплинам: машиностроению, электротехнике, маркетингу, философии, социологии, прикладной лингвистике, физике и микробиологии. Результаты исследования показали, что количество хеджей превысило количество бустеров почти в три раза. Наиболее частотными средствами снижения категоричности высказывания оказались модальные глаголы *may*, *would* и прилагательное *possible*. Автором были выявлены междисциплинарные различия в использовании хеджей. В частности, подавляющее большинство случаев употребления средств снижения категоричности высказыва-

ния (более 70%) было обнаружено в гуманитарных науках, таких как философии, маркетинге, прикладной лингвистике и социологии, где они встречались более чем в два раза чаще, чем в машиностроении, электротехнике и физике. Аналогичным образом М. Такимото изучил использование хеджирования и бустинга в восьми науках [14]. Результаты данного исследования совпали с выводами Хайленда и показали, что хеджи используются в академических текстах почти в два раза чаще, чем бустеры, а 70% всех хеджей и бустеров используются в гуманитарных науках.

В настоящем исследовании проводится количественный анализ использования средств снижения категоричности высказывания в корпусе статей по точным и гуманитарным наукам с целью, во-первых, описать, как хеджирование реализуется в различных дисциплинах, а во-вторых, проверить гипотезу о том, что существуют статистически значимые различия в употреблении хеджей между точными и гуманитарными науками, то есть могут ли хеджи служить основанием для дифференциации двух групп дисциплин.

Методология исследования

Дихотомия «точные – гуманитарные» (hard vs. soft) дисциплины была предложена Н. Сторером в работе «The hard sciences and the soft: Some sociological observations», где автор предлагает относить прикладные, эмпирические, экспериментальные и естественные дисциплины (например, астрономию, биологию, математику, физику) к категории точных (hard), а социальные науки (например, историю, лингвистику, литературу, социологию, политологию) – к категории гуманитарных (soft) [15]. Несмотря на то что данная классификация подвергалась критике (см., например, [16]), представляется, что такой подход может быть эффективным для описания разнообразия академического дискурса [17].

Данное исследование основано на корпусе англоязычных статей из ведущих научных журналах, входящих в первый квартиль базы цитирования Scopus, опубликованных в период с 2016 по 2020 г. Методом случайной выборки были отобраны тексты по 8 дисциплинам: четырем точным (химии, физике, математике и машиностроению) и четырем гуманитарным (истории, политологии, лингвистике и менеджменту) наукам. Общий объем корпуса составил примерно 1,6 млн слов. Анализу подвергались полные тексты статей, из которых предварительно были удалены таблицы, схемы, формулы, примечания и список литературы. Количественный состав корпуса представлен в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Размер корпуса

Corpus size

Дисциплина	Количество текстов	Количество токенов
Точные науки		
Химия	34	197806
Физика	44	200206
Математика	28	199380
Машиностроение	34	198926
Итого	140	796318
Гуманитарные науки		
Менеджмент	20	197956
Лингвистика	22	200997
История	21	199394
Политология	25	202040
Итого	88	800387

Средства снижения категоричности высказывания, рассматриваемые в данной работе, были взяты из предыдущих исследований по хеджированию в академическом дискурсе [14, 18, 19]. Анализ проводился на 81 языковой единице, которые были разделены нами на шесть групп:

- именные конструкции, например, *certain amount, kind of*;
- конструкции с предлогами, например, *from our perspective, in my view*;
- прилагательные, например, *possible, unclear*;
- наречия, например, *likely, relatively*;
- модальные глаголы, например, *might, should*;
- лексические глаголы, например, *assume, seem*.

Полный список исследуемых хеджей представлен в приложении.

Корпус обрабатывался при помощи корпусного менеджера AntConc [20]. Так при помощи функций Concordance и Concordance plot была определена частотность каждого вида хеджей в каждом тексте корпуса, затем полученные данные были подвергнуты статистической обработке. Лексические глаголы рассматривались во всех формах, например, *assume, assumes, assumed, assuming*. Следует отметить, что в некоторых случаях выдача анализировалась вручную, чтобы исключить нерелевантные примеры. Например, слово *estimate* рассматривалось как глагол, поэтому примеры его употребления в качестве существительного исключались из дальнейшего анализа (2).

(2) *As one can see, constraints on cosmological constant from orbital precession of bright stars near*

the Galactic Center are much weaker than not only its cosmological estimates but also than its estimates from Solar system data (EPJ-2018-1).

Статистическая значимость различий в употреблении хеджей между точными и гуманитарными науками проверялась с использованием тестов хи-квадрат. Проверка статистической значимости играет важную роль в корпусной лингвистике, так как она позволяет утверждать, что выявленные различия неслучайны и полученные результаты могут быть экстраполированы на все тексты того или иного типа дискурса [21]. Тест хи-квадрат наиболее часто применяется лингвистами для определения статистической значимости, поскольку он считается более чувствительным, чем, например, Т-тест, и не требует проверки данных на нормальность распределения. Чем больше значение хи-квадрат, тем меньше значение p , тем выше статистическая значимость. Статистическая значимость условно обозначена следующим образом: '***', когда $p \leq 0,001$ – значимо на уровне 0,1% (то есть существует вероятность 0,1%, что различия случайны); '**', когда $p \leq 0,01$ – значимо на уровне 1%; '*', когда $p \leq 0,05$ – значимо на уровне 5%. Если $p > 0,05$, разница считается статистически незначимой.

Также для проверки выдвинутых гипотез использовались такие статистические методы, как регрессионное моделирование данных и алгоритм иерархической кластеризации. Они позволили подтвердить результаты, полученные на первом этапе исследования, и сформировать более полное представление о том, какие виды хеджей вносят наибольший вклад в междисциплинарные различия.

Результаты исследования

На первом этапе исследования был проведен количественный анализ распределения хеджей в корпусе. Результаты представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, в целом хеджирование чаще используется в гуманитарных науках. Данный факт можно объяснить тем, что в гуманитарных науках авторы склонны полагаться на личную проекцию, в то время как исследователи, работающие в области точных наук, обычно выражают свою оценку в более безличной форме, создавая контекст, в котором их утверждения вытекают из самого исследования [13, 14]. Были выявлены статистически значимые различия в употреблении всех рассмотренных типов хеджей. Самыми частотными средствами снижения категоричности высказывания являются модальные глаголы, за которыми следуют лексические глаголы, что совпадает с результатами, полученными в предыдущих исследованиях (см. [13]). Прилагательные и конструкции с предлогами чаще употребляются в точных науках.

Если рассмотреть отдельные дисциплины, чаще всего модальные глаголы встречаются в текстах по менеджменту, где они используются авторами для снижения категоричности умозаключений при изучении кейсов, например (3).

(3) *Divergent interpretations may lead to disagreements about the best course of action or the evaluation of alternatives. For example, it might shape whether new opportunities are viewed as threats or opportunities (AMA-2020-3).*

Лексические глаголы, которые также чаще используются в гуманитарных науках, особен-

Таблица 2 / Table 2

Нормализованная частотность хеджей в корпусе на 100.000 слов

Normalised frequency (per 100,000 words) of hedges in the corpus

Хеджи	Химия	Машиностроение	Математика	Физика	Точные всего	Менеджмент	История	Лингвистика	Политология	Гуманитарные всего	Хи-квадрат	Значение p	Статистическая значимость
Именные конструкции	0.5	4.5	1.0	9.0	3.8	12.1	16.0	23.9	5.9	14.5	49.5	< 0.0001	***
Конструкции с предлогами	10.6	25.1	19.6	25.0	20.1	9.6	17.6	16.9	18.3	15.6	4.2	0.039	*
Прилагательные	71.8	63.3	38.6	117.4	72.8	39.4	69.7	70.6	65.8	61.5	7.5	0.006	**
Наречия	190.6	136.7	90.8	128.4	136.5	282.9	297.4	307.0	332.1	305.0	510.9	< 0.0001	***
Модальные глаголы	583.9	634.9	493.5	819.2	633.2	849.2	611.4	731.4	838.0	757.5	87.9	< 0.0001	***
Лексические глаголы	180.0	143.7	301.9	172.3	199.5	308.7	186.1	310.5	311.3	279.2	105.3	< 0.0001	***

но частотны в статьях по лингвистике, где они, как показано в примере (4), используются в разделах статьи, где представлена интерпретация языковых явлений.

(4) *Specifically, the particle suggests that its speaker has undergone a change-of-state in terms of informedness. Thus ah-prefaced repeats differ from repair-initiating repeats by indicating that the producer is, at least tentatively, taking in or accepting the repeated talk (LS-2020-1).*

Прилагательные же чаще встречаются в точных науках. Самое частотное прилагательное из рассмотренных в настоящем исследовании – это прилагательное *possible*, что совпадает с результатами, полученными ранее К. Хайлендом [13]. Абсолютным лидером по его использованию является физика, где оно встречается в клишированных фразах в комментариях к расчетам (пример 5) или как синоним слову *существующий* (*existing*), например, *all possible values*.

(5) *Even if one is not dealing with mass eigenstates, it is possible to consider the perturbation again as function of momentum and energy ratio. Using the chirality projectors, it is possible to define, in the usual way, the left and right-hand component for every particle field (EPJ-2019-1).*

Вторым типом хеджей, который чаще используется в точных науках, являются конструкции с предлогами. Самой частотной конструкцией оказалась *in general*, которая чаще всего встречается в статьях по машиностроению (пример 6).

(6) *This is, in fact, in general a non-trivial problem due to the non-linearity of the dynamics (Auto-2017-2).*

На следующем этапе исследования была построена модель, включающая переменные, которые лучше всего описывают различия между двумя группами дисциплин. Изначально в модель вошли все шесть рассматриваемых типов хеджей в качестве независимых

переменных и переменная *hardsoft* (точные/гуманитарные) – в качестве зависимой переменной. Для определения относительных весов числовых предикторов в многомерной модели в наборе данных был применен биномиальный регрессионный анализ: модель с фиксированными эффектами с использованием функций 'glm' из пакета 'stats' [22] и 'lrm' из пакета 'rms' [23] в R¹. Отсутствие сильной коллинеарности между предикторами было выявлено по их значениям 'vif' (Variance Inflation Factor, пакет 'car'; [24]), которые во всех случаях были ниже 3,8. Для поиска модели, наилучшим образом описывающей вариативность данных, было использовано обратное пошаговое исключение² (функция 'step' из пакета 'MASS'; [25]), которое показало, что сокращенная модель, включающая только факторы 'n_phr' (именные конструкции), 'lexical_vbs' (лексические глаголы) и 'adv' (наречия), объясняет вариативность без существенных статистических потерь, что определяется сравнением по AIC (Akaike Information Criterion – информационному критерию Акаике) (AIC полной модели = 155,74 по сравнению с AIC сокращенной модели = 152,43; ANOVA $p = .4417$). Оценка сокращенной модели подтвердила ее высокую точность распознавания и классификации (С-индекс = 0,940) и объясняющую способность (Nagelkerke R² = 0,684). В табл. 3 представлены результаты модели с предсказанными коэффициентами.

Для того чтобы ранжировать вошедшие в модель независимые переменные по значимости для объяснения вариативности между точными и гуманитарными дисциплинами, был использован метод случайных лесов, который впервые был применен для лингвистического анализа С. Таглиамонте и Р. Баайеном [26].

Как показывает диаграмма, наибольшей значимостью для объяснения вариативности между двумя группами дисциплин обладают наречия, в то время как лексические глаголы

Таблица 3 / Table 3

Результаты регрессионной модели (показатели значимости: 0 '***'; 0.001 '**'; 0.01 '*'; 0.05 '.'; 0.1 ' ')

Output of the regression model (significance codes: 0 '***'; 0.001 '**'; 0.01 '*'; 0.05 '.'; 0.1 ' ')

Coefficients	Estimate Std.	Error	z value	Pr(> z)	Статистическая значимость
(Intercept)	-4.25018	0.54137	-7.851	4.14e-15	***
n_phr	0.65814	0.22327	2.948	0.00320	**
adv	0.17104	0.02658	6.435	1.23e-10	***
lexical_vbs	0.04973	0.01540	3.229	0.00124	**

¹data_glm <- glm(hardsoft ~ n_phr + prep_phr + adj + adv + modal_vbs + lexical_vbs, data = data, family=binomial)

²glm_step <- step(data_glm, direction="backward")

и именные конструкции вносят меньший вклад (рис. 1).

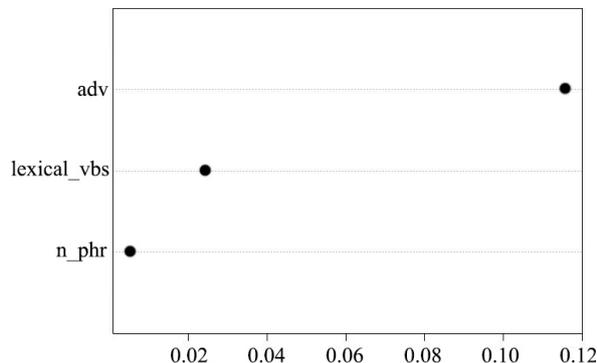

Рис. 1. Условная значимость переменных, вошедших в итоговую регрессионную модель

Fig. 1. Dot chart of conditional variable importance

На заключительном этапе исследования для более подробного анализа стратегий снижения категоричности высказывания в восьми дисциплинах был применен алгоритм иерархической кластеризации (функция 'hclust', метод 'ward.D2', пакет 'pvclust'; [27]), основанный на всех переменных, вошедших в сокращенную регрессионную модель, для выявления подгрупп дисциплин в соответствии с распространенностью средств хеджирования (рис. 2).

Статистический анализ данных выявил два устойчивых кластера, которые практически полностью соответствуют двум категориям изу-

чаемых дисциплин, а именно точным и гуманитарным (исключение составляют математика и политология), тем самым демонстрируя, что хеджирование может быть использовано в качестве средства для характеристики двух групп дисциплин.

Математика оказалась ближе к гуманитарным наукам за счет частого употребления лексических глаголов (рис. 3), которые функционируют в данной дисциплине, скорее, как термины, как показано в примере 7.

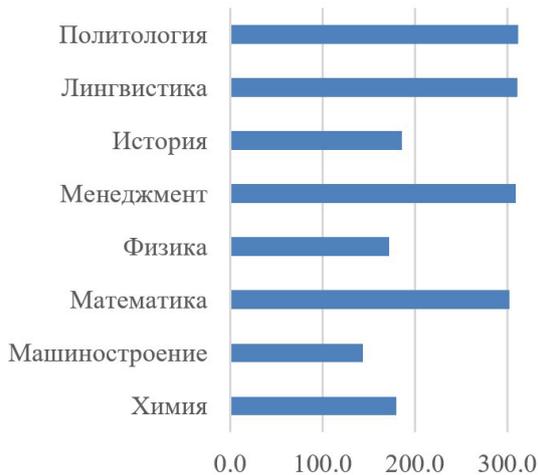

Рис. 3. Нормализованная частотность лексических глаголов в корпусе (на 100.000 слов)

Fig. 3. Normalised frequency (per 100,000 words) of lexical verbs in the corpus

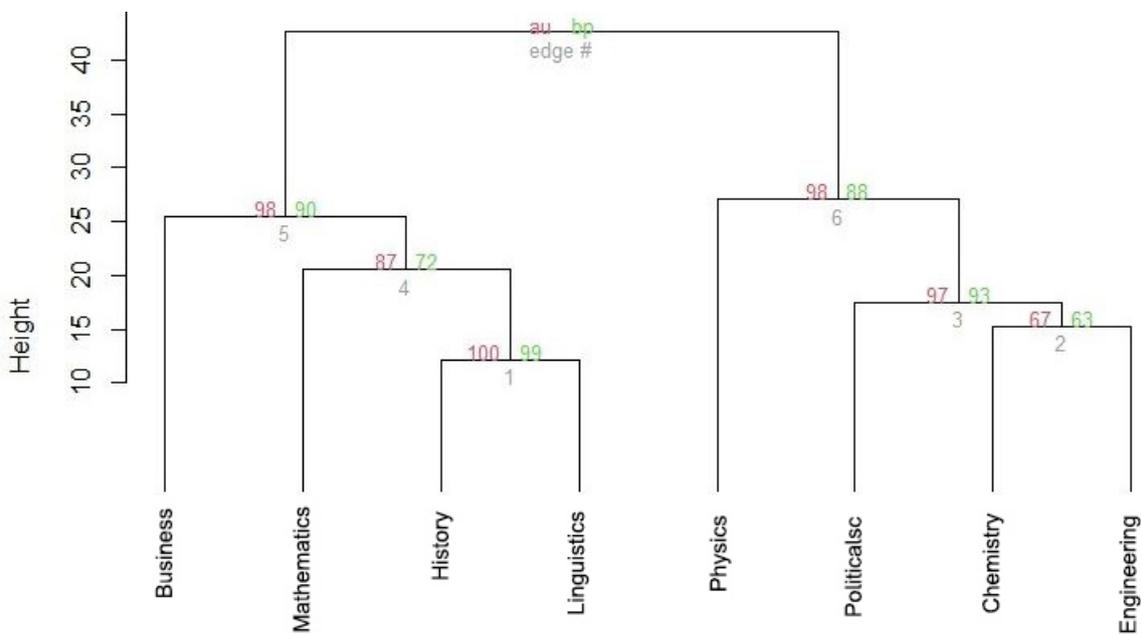

Рис. 2. Кластеризация дисциплин

Fig. 2. Clustering of disciplines

(7) *Assume (C1-C4), and consider the inhomogeneous linear delay functional differential system... Assume further that and all solutions of the homogeneous differential equations tend to zero at infinity (AMC-2020–2).*

Политология оказалась в одном кластере с точными науками, поскольку там в качестве средств снижения категоричности высказывания значительно реже, чем в других гуманитарных науках, используются именные конструкции (рис. 4).

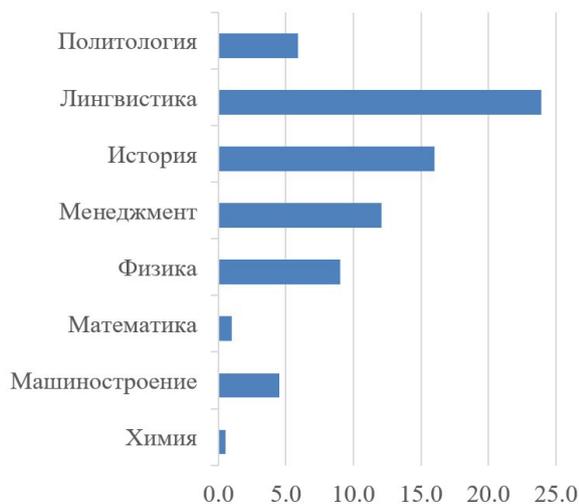

Рис. 4. Нормализованная частотность именных конструкций в корпусе (на 100.000 слов)

Fig. 4. Normalised frequency (per 100,000 words) of nominal phrases in the corpus

Заключение

Целью настоящего исследования было сравнение использования средств снижения категоричности высказывания в научных статьях по точным и гуманитарным дисциплинам для выявления междисциплинарной специфики.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Анализ данных корпуса статей показал, что в целом средства снижения категоричности высказывания чаще употребляются в гуманитарных науках. Были выявлены статистически значимые различия в использовании всех видов хеджей между двумя группами дисциплин. Три вида хеджей, которые лучше всего описывают дисциплинарную вариативность – это именные конструкции, лексические глаголы и наречия. Статистическое моделирование данных выявило два оптимальных кластера, которые практически полностью совпадают с двумя категориями анализируемых дисциплин, что доказывает, что хеджирование может служить основой для дифференциации между двумя дисциплинарными группами.

Несмотря на то что все представленные в настоящей работе результаты были верифицированы при помощи статистических методов, сравнительно небольшой размер корпуса может рассматриваться как ограничение данного исследования.

В качестве перспективы исследования предполагается изучить междисциплинарные различия в реализации других метадискурсивных средств в письменном академическом дискурсе, а также сопоставить использование хеджей в устном и письменном жанрах.

Приложение. Список анализируемых хеджей

Appendix. List of hedges analyzed

Группа	Языковые единицы
Именные конструкции	<i>certain amount, certain extent, certain level, certain degree, kind of</i>
Конструкции с предложениями	<i>from my point of view, from our perspective, from our point of view, from this perspective, in general, in most cases, in most instances, in my opinion, in my view, in our opinion, in our view, on the whole, to certain extent, to my knowledge, to our knowledge, to some extent</i>
Прилагательные	<i>doubtful, plausible, possible, presumable, probable, typical, uncertain, unclear</i>
Наречия	<i>broadly, especially, essentially, fairly, frequently, generally, largely, likely, mainly, maybe, mostly, often, particularly, perhaps, plausibly, possibly, probably, properly, quite, rather, relatively, roughly, simply, sometimes, somewhat, typically, uncertainly, unclearly, unlikely, usually</i>
Модальные глаголы	<i>can, could, may, might, ought, should, would</i>
Лексические глаголы	<i>assume, attempt, claim, doubt, estimate, feel, guess, indicate, postulate, seem, suggest, suppose, suspect, tend to</i>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Tardy C. The role of English in scientific communication: Lingua franca or tyrannosaurus Rex? *Journal of English for Academic Purposes*, 2004, vol. 3, no. 3, pp. 247–269. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2003.10.001>
2. Van Weijen D. The language of (future) scientific communication. *Research Trends*, 2012, iss. 31. Available at: <https://www.researchtrends.com/issue-31-november-2012/the-language-of-future-scientific-communication>
3. Hyland K. *Disciplinary discourses: Social Interactions in Academic Writing*. Harlow, Pearson Education, 2000. 211 p.
4. Swales J. M. *Genre analysis: English in academic and research settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 260 p.
5. Prince E. F. On hedging in physician discourse. In: Frader J., Bosk C., Di Pietro R. J., eds. *Linguistics and the Professions*. New Jersey, Albex Publishing Corporation, 1982, pp. 83–97.
6. Clemen G. The concept of hedging: Origins, approaches and definitions. In: Markkanen R., Schröder H., eds. *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. Berlin, New York, De Gruyter, 1997, pp. 235–248. <https://doi.org/10.1515/9783110807332.235>
7. Yang Y. Exploring linguistic and cultural variations in the use of hedges in English and Chinese scientific discourse. *Journal of Pragmatics*, 2013, vol. 50, no. 1, pp. 23–36. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2013.01.008>
8. Salager-Meyer F. Hedges and textual communicative function in medical English written discourse. *English for Specific Purposes*, 1994, vol. 13, no. 2, pp. 149–170. [https://doi.org/10.1016/0889-4906\(94\)90013-2](https://doi.org/10.1016/0889-4906(94)90013-2)
9. Aull L. L., Bandarage D., Miller M. R. Generality in student and expert epistemic stance: A corpus analysis of first-year, upper-level, and published academic writing. *Journal of English for Academic Purposes*, 2017, vol. 26, pp. 29–41. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2017.01.005>
10. Smirnova E., Strinyuk S. Hedges in Russian EAP writing: A corpus-based study of research papers in management. *Journal of English as a Lingua Franca*, 2020, vol. 9, no. 1, pp. 81–101. <https://doi.org/10.1515/jelf-2020-2033>
11. Rezanejad A., Lari Z., Mosalli Z. A cross-cultural analysis of the use of hedging devices in scientific research articles. *Journal of Language Teaching and Research*, 2015, vol. 6, no. 6, pp. 1384–1392. <https://doi.org/10.17507/jltr.0606.29>
12. Mikolaychik M. V. Lexical hedging in English abstracts of Russian economics research articles: A corpus-based study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 38–47 (in Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.4>
13. Hyland K. *Hedging in scientific research articles*. Amsterdam, John Benjamins, 1998. 317 p.
14. Takimoto M. A corpus-based analysis of hedges and boosters in English academic articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 2015, vol. 5, no. 1, pp. 95–105. <https://doi.org/10.17509/ijal.v5i1.836>
15. Storer N. W. The hard sciences and the soft: Some sociological observations. *Bulletin of the Medical Library Association*, 1967, vol. 55, no. 1, pp. 75–84.
16. Thompson P., Hunston S. *Interdisciplinary research discourse: Corpus investigations into environment journals*. London, Routledge, 2019. 280 p.
17. Dang T. N. Y. The nature of vocabulary in academic speech of hard and soft-sciences. *English for Specific Purposes*, 2018, vol. 51, pp. 69–83. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2018.03.004>
18. Hyland K. Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*, 2005, vol. 7, no. 2, pp. 173–192. <https://doi.org/10.1177/1461445605050365>
19. Wang F., Pramoolsook I. Attitude in abstracts: Stance expression in translation practice reports and interpretation practice reports by Chinese students. *Discourse and Interaction*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 100–123. <https://doi.org/10.5817/DI2021-1-100>
20. Anthony L. *AntConc 3.4.4*. Waseda University, 2014.
21. McEnery T., Wilson A. *Corpus Linguistics*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2001. 235 p.
22. R Core Team. *R: A language and environment for statistical computing*. R Foundation for Statistical Computing, 2019. Available at: <https://www.R-project.org>
23. Harrell Jr., Frank E. *rms: Regression modeling strategies*. R package version 6.3–0. 2022. Available at: <https://CRAN.R-project.org/package=rms>
24. Fox J., Weisberg S. Visualizing fit and lack of fit in complex regression models with predictor effect plots and partial residuals. *Journal of Statistical Software*, 2018, vol. 87, no. 9, pp. 1–27. <https://doi.org/10.18637/jss.v087.i09>
25. Venables W. N., Ripley B. D. *Modern applied statistics with S-PLUS*. New York, Springer, 2002. 501 p.
26. Tagliamonte S. A., Baayen R. H. Models, forests, and trees of York English: Was/were variation as a case study for statistical practice. *Language Variation and Change*, 2012, vol. 24, no. 2, pp. 135–178. <https://doi.org/10.1017/S0954394512000129>
27. Suzuki, R., Terada Y., Shimodaira H. *pvclust: Hierarchical clustering with p-values via multiscale bootstrap resampling*. R package version 2.2–0. Cambridge University Press, 2019. 260 p. Available at: <http://stat.sys.i.kyoto-u.ac.jp/prog/pvclust/> (accessed February 3, 2024).

Поступила в редакцию 20.04.2024; одобрена после рецензирования 03.07.2024; принята к публикации 03.07.2024; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 20.04.2024; approved after reviewing 03.07.2024; accepted for publication 03.07.2024; published 02.03.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 68–77

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 68–77

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-68-77>, EDN: VBIAIW

Научная статья

УДК 811.161.1'282.3'38'42

Жанры похвала и осуждение в диалектной коммуникации (на материале Саратовского диалектологического корпуса)

Ю. В. Каменская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Каменская Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории
языка и прикладной лингвистики, kamenskayajv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8430>

Аннотация. Статья посвящена структурным и функциональным параметрам жанров *похвала* и *осуждение* в диалектном дискурсе. Значимость данных жанров в структуре диалектных текстов, записанных в ходе диалектологических экспедиций, обусловлена тем, что они актуализируются, как правило, диалектоносителями, то есть максимально приближены к диалектной коммуникации в естественных условиях. Материал, на котором проводится исследование – два подкорпуса Саратовского диалектологического корпуса (говор с. Белогорное и говор с. Земляные хутора) – позволяет сделать объективные выводы, которые могут быть распространены на диалектную коммуникацию в целом. В ходе исследования удалось установить специфику основных компонентов анализируемых оппозитивных жанров. Так, было выявлено, что субъектом оценки в жанрах *похвала* и *осуждение* является сам диалектоноситель; в жанре *осуждение* частотны случаи совпадения субъекта и объекта оценки, а в жанре *похвалы* такие совпадения единичны. Была определена зависимость объекта отрицательной и положительной оценки от референтной ситуации. Анализ основания оценки в исследуемых жанрах показал многоаспектность факторов – моральные и нравственные качества, особенности поведения, нормы речевого этикета. При рассмотрении многочисленных случаев одновременной реализации жанров *похвала* и *осуждение* было выявлено, что это обусловлено актуализацией концептуальной оппозиции «свой-чужой», причем основным проявлением данной оппозиции для анализируемых жанров явились поколенческие различия в восприятии социальных, моральных и этических норм. В заключении сделан вывод о значимости жанров *похвала* и *осуждение* для реконструкции современной диалектной системы ценностей.

Ключевые слова: коммуникативная диалектология, речевые жанры *похвала* и *осуждение*, Саратовский диалектологический корпус

Для цитирования: Каменская Ю. В. Жанры похвала и осуждение в диалектной коммуникации (на материале Саратовского диалектологического корпуса) // Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 68–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-68-77>, EDN: VBIAIW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genres of praise and condemnation in dialect communication (based on Saratov Dialectological Corpus)

Ju. V. Kamenskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Julia V. Kamenskaya, kamenskayajv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8430>

Abstract. The article with the structural and functional parameters of the genres of praise and condemnation in dialectal discourse. The importance of these genres in the structure of dialect texts recorded during dialectological expeditions is determined by the fact that they are actualized, as a rule, by dialect speakers, that is, they are as close as possible to dialect communication in natural conditions. The basis of the research is two subcorpora of Saratov Dialectological Corpus (the dialect of the village Belogornoe and the dialect of the village

Earthen farms) which allows us to draw objective conclusions that can be extended to dialect communication in general. In the course of the research, it was possible to establish the specifics of the main components of the analyzed oppositional genres. Thus, it was revealed that the subject of evaluation in the genres of praise and condemnation is the dialect speaker himself; in the genre of condemnation, cases of coincidence of the subject and the object of evaluation are frequent, and in the genre of praise such coincidences are rare. The research determines the dependence of the object of negative and positive assessment on the reference situation. The analysis of the basis of assessment in the studied genres showed a variety of factors – moral and moral qualities, behavioral characteristics, norms of speech etiquette. When considering numerous cases of simultaneous realization of the genres of praise and condemnation, it was revealed that this is due to the actualization of the conceptual opposition “friend and foe”, and the main manifestation of this opposition for the analyzed genres were generational differences in the perception of social, moral and ethical norms. It is concluded that the genres of praise and condemnation are important for the reconstruction of the modern dialectal value system.

Keywords: communicative dialectology, speech genres praise and condemnation, Saratov Dialectological Corpus

For citation: Kamenskaya Ju. V. Genres of praise and condemnation in dialect communication (based on Saratov Dialectological Corpus). *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 68–77 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-68-77>, EDN: VBIAIW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Исследование системы речевых жанров диалектной коммуникации, их функционирование в дискурсе были обозначены В. Е. Гольдиным как одна из центральных задач коммуникативной диалектологии [1]. Описание речевых жанров диалектного дискурса в различных аспектах началось в первое десятилетие XXI в. Объектом исследования становилась как система речевых жанров, свойственная отдельной диалектной личности [2–4], так и система жанров в структуре диалектного текста [5–7]. Активно исследовались комплексные речевые жанры, свойственные диалектной коммуникации – например, жанр «рассказ-воспоминание» [8, 9]. Е. А. Штехман и Н. Д. Федяева предлагали анализировать высказывания о человеке внутри жанров «воспоминание» и «портретирование», справедливо указывая на то, что жанр «портретирование» дает диалектоносителю возможность оценить (положительно или отрицательно) объект повествования, особенности его внешнего вида, поведения и т. д. [10].

В работах С. В. Волошиной и Т. А. Демешкиной речевые жанры рассматриваются в концептуальном аспекте, как инструмент, позволяющий выявить «ключевые концепты той или иной культуры и ценностную картину мира» [11: 14]. В этом ключе интересны работы, посвященные описанию отдельных жанров, как универсальных [12], так и специфических жанров диалектной коммуникации – например, речевой жанр «рассказ о ремесле» [13], речевой жанр «потчевание» [14] и т. д.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют работы, посвященные выявлению специфики функционирования группы жанров – например, статьи ученых томской диалектологической школы, посвященные ритуальным жанрам [15, 16]. При обращении к группе жанров становится возможным определить интегральные и дифференциальные признаки описываемых жанров, их место в структуре дискурса.

Представляется необходимым продолжать работу по изучению речевых жанров диалектной коммуникации как в формате описания отдельных жанров, так и моделирования речевых жанров системы диалекта как особой страты национального языка. Такой анализ может продуктивно осуществляться на материале текстовых корпусов, позволяющих выполнить исследование на большом массиве текстов и получить объективные результаты.

Цель данной статьи – рассмотреть функционирование жанров *похвала* и *осуждение* в диалектном дискурсе.

Материалы и методика

Наша работа ведется на материале Саратовского диалектологического корпуса (СарДК), включающего записи, выполненные в ходе диалектологических экспедиций (в том числе – в рамках студенческих практик). Принципы формирования Саратовского диалектологического корпуса состоят, в частности, в применении различных типов разметок текстового материала – морфологической, а также жанрово-тематической [17, 18]. В работе исследуются два подкорпуса СарДК, формирующиеся из текстовых

материалов двух среднерусских говоров Саратовской области – говора села Белогорное Вольского района и говора села Земляные хутора Аткарского района. Обращение к материалам двух говоров, имеющих значительные структурные отличия (говор села Белогорное имеет севернорусскую основу, говор села Земляные хутора – южнорусскую) и функционирующих в различных социокультурных условиях, позволяет обобщить полученные результаты и говорить об их актуальности для диалектной коммуникации в целом.

Репертуар речевых жанров диалектной коммуникации достаточно разнообразен. Как указывают О. Ю. Крюкова и В. Е. Гольдин, «эмпирико-событийный характер познавательной деятельности определяет и жанровую специфику диалектного общения, в котором предпочтение отдается «фабульным» жанрам. Словесные произведения на диалекте – это прежде всего рассказы о событиях в прошлом и настоящем (реальных и мифических)» [19: 134]. Исследование фабульных, информативных жанров широко представлено в диалектном жанроведении – например, подробно и всеобъемлюще проанализирован жанр автобиографического рассказа [20] и жанр мифологического рассказа [21]. Вместе с тем, сам характер сбора материала – свободная беседа (с заметным преобладанием развернутых монологических реплик информантов-диалектоносителей) – предопределяет большое разнообразие фатических жанров. Жанры начала и завершения коммуникации, поддержания контакта, создания общего эмоционального тона общения актуализируются, безусловно, диалектологом, заинтересованным в получении качественного материала. Тем не менее, велико разнообразие фатических жанров, актуализируемых непосредственно диалектоносителем. Вероятно, не все жанры реализуются в том же объеме и в той же форме, что при естественном общении между носителями диалектной культуры, но диалектологи прилагают обычно максимальные усилия для обеспечения естественности общения в условиях коммуникации, имеющей межкультурный характер.

Думается, что для диалектного дискурса в естественных условиях значимыми становятся жанры *похвала* и *осуждение*. Прежде всего, это именно те жанры, которые иницируются диалектоносителями, а не диалектологами (в отличие, например, от жанра «автобиографический рассказ», «рассказ-воспоминание» и т. д.). Важно и то, что исследование данных жанров позволяет выявить ценностную шкалу диалектного социума, определить, что становится объектом

оценки, что является основанием оценки, какие лингвистические средства используются в рамках этих жанров. Именно при актуализации жанров *похвала* и *осуждение* в речи диалектоносителей эксплицируются поведенческие и этикетные нормы социума.

Жанры положительной и отрицательной оценки в речи носителей литературного языка часто становятся объектом изучения. Интерес исследователей фокусируется на анализе жанров положительной [22–24] и отрицательной [25, 26] оценки, выявлении специфики отдельных жанров в их сопоставлении со смежными и синонимичными жанрами. Ряд работ посвящен рассмотрению оппозиций оценочных жанров, например – *похвалы* и *порицания* [27, 28]. Исследователи справедливо указывают на сложность разграничения жанров положительной (например, *похвала*, *одобрение*, *лесть* и т. д.) и отрицательной (например, *неодобрение*, *осуждение*, *порицание* и т. д.) оценки. Для нас при выборе оппозитивной, антонимичной пары оценочных речевых жанров важными факторами явились симметричный уровень степени выражения эмоций, широкий спектр основания оценки и нерелевантность социального статуса субъекта оценки. Для жанров *похвала* и *осуждение* оказались свойственны высокий уровень выражения эмоций (к примеру, жанры *одобрение* и *неодобрение* эмоционально нейтральны); разнообразие оцениваемых норм – моральных, нравственных, этикетных, поведенческих; а также отсутствие иерархического превосходства у оценивающего субъекта (например, в жанре *порицание* субъект должен быть выше по статусу, а при реализации жанра *лесть* – напротив, ниже).

Типологические особенности исследуемых жанров трактуются исследователями различно. Если отнесение этих жанров к оценочным не подвергается сомнению, то характеристика их как информационных или фатических является дискуссионной. Нам здесь близко рассуждение В. В. Дементьева об условности деления жанров на информационные и фатические, поскольку разные по природе жанры могут быть носителями и фатического, и информационного начала [29]. Особенно это, на наш взгляд, актуально для функционирования жанров в разговорной, в том числе диалектной, речи. Как показывает наш материал, жанры *похвала* и *осуждение* в различных коммуникативных ситуациях будут реализовываться как интенцию поддержания контакта, так и участвовать в передаче значимой информации.

Структурные и функциональные параметры жанров похвалы и осуждения

Жанры похвалы и осуждения представляют собой концептуально оппозитивные жанры. Оба жанра содержат оценку поступка/ поведения кого-либо с намерением вызвать у собеседника определенную эмоциональную реакцию. Противопоставление идет прежде всего по шкале оценки: в жанре похвалы оценка мелиоративная, в жанре осуждения – пейоративная. Остальные компоненты жанров тождественны: это субъект оценки, объект оценки, описание поступка или поведения объекта оценки, основание оценки. Данные компоненты в рассматриваемых жанрах могут проявляться не в полном объеме, эксплицироваться в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации. Оппозитивный характер исследуемых жанров подтверждается частотностью их одновременной актуализации в диалектном тексте.

1. **Субъектом оценки** в обоих жанрах является автор текста, диалектоноситель:

- *вы девчонки хороши/ молодцы// щас/ молоденьки/ а стары-то будете и/ маслявые/ старые/ ничо и помнить не будете/ как я*
- *да какой он председатель! Только бы себе всё/ и машину/ и всё// а что колхоз/ да и нет уже колхоза!*

Случаи, когда субъектом оценки является не сам диалектоноситель, а другой человек, в нашем материале чрезвычайно редки:

Он жену прижал/ она пришла его ругать/ а он прижал в кабинете// Она кричит/ «Спасите»// А там девчата были/ ну сотрудник никто не мог// А она вышла ей/ ну просто вот не по себе// Она говорит/ «Фу какие бесстыдники»// ну по-матерки/ понятно/ «Богитесь защитит женщину»// И она пошла её/ взяла// «Ну мама ты понимаешь я не выдержала уже// «Они/ говорит/ бесстыдники такие/ говорит/ слышат и не могут помочь женщине// Он её в окно хотел выбросить»//

В этом примере информант передает чужую оценку неких событий, используя прямую речь. Вероятно, реализации жанра осуждения в речи диалектоносителя способствует и близость отношений информанта и автора высказывания (мать и дочь).

Нередко информант при актуализации этих жанров относит себя к какой-либо группе людей, что позволяет усилить свою точку зрения, опереться на коллективный опыт:

у нас эти люди у нас эти вот/ эдаки/ вот мы православные/ мы всё дозволяем// мы дадим и пить/ и покормим/ и чего кто попросит всё даем// а у кулугур/ у них особо/чашку они воды не дадут

Здесь автор высказывания является субъектом оценки как представитель определенной группы (*православные*). Интересно, что в данном контексте автор и группа, с которой она себя идентифицирует, являются одновременно и объектом положительной оценки. Положительно оцениваются особенности бытового поведения членов группы, подчеркивается правильность и типичность действий, устойчивость данной модели поведения. В приведенном нами примере жанр похвалы противопоставлен жанру осуждения. Объектом отрицательной оценки становится группа людей, принадлежащих другой конфессии (*кулугурами* в данном говоре именуют людей, исповедующих старообрядческую веру).

Субъект похвалы может быть выражен имплицитно:

Ну/ церковь по праздникам/ и у нас нет своего батюшки/ к нам ездил с города Вольска Михаил-отец// Уж больно хороший был// Почему-то не стал ездить// Сейчас дали с Черкасского батюшку// Я ни разу не видала/ ни разу не была//

Объект похвалы – батюшка Михаил – получает прямую положительную оценку (*Уж больно хороший был*). Имплицитно выражен субъект оценки – автор текста и та часть социума, к которой автор себя причисляет. В данном контексте не эксплицировано также основание оценки, дается общая положительная оценка поведения. В отличие от вышеприведенного примера другой объект («батюшка с Черкасского») не становится опозитом, не противопоставляется объекту оценки, жанр осуждения не актуализируется.

При актуализации жанра осуждения субъект отрицательной оценки может совпадать с объектом оценки:

И вот весь день на диване валяемся/ на кровати всё вот так// Вот у меня сейчас вот так вот/ а я так не люблю// Убрал-ка постель/ пусть она убрана// А они в городе так/я вот была у сына/ вот то и дело валяются// А что делать больше/ правда? Телевизор глядят лёжа// Ох/ девчонки//

Автор текста – субъект и объект оценки – отрицательно оценивает свое бытовое поведение, бытовые привычки по параметру «такое, как у “городских”». Здесь наблюдается реализация базовой концептуальной оппозиции «свой-чужой» посредством актуализации частного противопоставления «город-деревня».

Случаи, когда автор текста одновременно является субъектом и объектом оценки внутри жанра похвалы, в нашем материале встречаются нечасто:

-наказывали Вас?

-за что же нас наказывать, мы умные были, помощницы

Вероятно, это обусловлено этикетными требованиями диалектного дискурса, не допускающими самовосхваления, активной положительной самопрезентации.

2. Объект оценки в рассматриваемых жанрах ситуативно и функционально обусловлен. Жанр *похвалы* актуализируется для положительной оценки действий как человека, находящегося внутри референтной ситуации (например, собеседника), так и вне ее:

-Володин об нас позаботился/ Вы его знаете? Может, понаслышке? Наш земляк// Ну и все// Уж больно нам вот сделал хорошо// И администрацию-то двухэтажную/ и садик какой/ церковь// Клуб сейчас ремонтируют вот... А родник! Подите в родник на той стороне/ какой/ говорят/ сделали....

Диалектоноситель положительно оценивает деятельность федерального политика, который в детстве жил некоторое время в селе Белогорном, перечисляя все появившиеся благодаря В. В. Володину объекты.

Жанр *осуждения* в нашем материале, как правило, связан с объектом, находящимся вне референтной ситуации:

- Я до года своих ничем не кормила// Мы женщины/ грудь-то нам для чего дана/ чтоб детей кормить! А вы щас на эту/ вон она/ как её всё рекламируют/ всё на детское питание/ она щас/ конечно/ дорогая/ ну// а зачем ты не стала кормить?/ почему она у ты искусственница?

- Что, совсем мало кормила?

- Да совсем/ наверно/ не кормила! Зато мама у ней медсестра// А я таких женщин не понимаю/ как это так/ дитя не кормить// Зачем рожала?/ Зачем замуж выходила?

В вышеприведенном примере информант осуждает женщину, о которой рассказывает. Показательно, что в рассказ вплетается воображаемый диалог с объектом осуждения, используются вопросительные конструкции, прямое обращение («а зачем ты не стала кормить?/ почему она у ты искусственница?»). Норма поведения, нарушенная объектом осуждения, отражена в повествовании примером поведения информанта в схожей ситуации (*Я до года своих ничем не кормила// Мы женщины/ грудь-то нам для чего дана/ чтоб детей кормить!*).

Вероятно, нахождение объекта осуждения вне референтной ситуации нельзя считать специфической чертой диалектного дискурса, но можно объяснить особенностями коммуникативной ситуации: диалектоноситель воспринимает своих собеседников внутри оппозиции «свой-чужой» и соблюдает определенные эти-

кетные требования. Нередко данная речевая стратегия может вербализоваться:

- а вы ить/ я и говорю/ вас настроили только ногти красить да кудри вить/ да головы красить/ да глаза синяками мазать (...) [смеется]

- У меня свои кудри!

- а я и не вижу/ что кудрявая ты или... [смеется] // *я вообще на свою-то всё ругаю/ Надюшку// я говорю/ «да уж ты так-то хорошая/ а синяки-то намажешь этой...//*

Информант осуждает общие, как она считает, отрицательные привычки группы «молодежь» (интерес только к своей внешности, ее улучшению – «*только ногти красить да кудри вить/ да головы красить/ да глаза синяками мазать*»), используя местоимение второго лица множественного числа «*вас настроили*». Но когда диалектолог оправдывается, говоря, что у нее «*свои кудри*», информант уточняет, что всё сказанное адресует не собеседнику, а, например, своей внучке (*я вообще на свою-то всё ругаю/ Надюшку//*).

Вместе с тем, эта закономерность может нарушаться в тех случаях, когда информант не первый раз беседует с диалектологами, чувствует к ним расположение, включает их в группу «своих»:

вот ты бы надела вот/ степенно-то платьице/ и хорошо б/ а то вы вышли оттуда вот от этой/ от Валентины-ти/ а соседка-то/ со мной стоит и говорит/ «а чё это/ мужик-то вот с ними?»// (смеется) на вас// а я мол/ «да это не мужик/ это я мол женщина»// вот ведь чёго// вот она и/ хорошо гляди/ там написано/ «оденься говорит по образу/ по подобию»// а это что это? это сам дьявол// оне вон и в этих показывают/и рога/ и хвосты/ и всё – самый дьявол// кто больше? в штанах пройдет женщина/ а? да это/ когда это было? поднять бы теперь наших родителей/ или наших дедов-прадедов – о-о-ой!

Здесь мы наблюдаем типичное для такой ситуации совмещение жанров *осуждения* и *поучение, наставление*. Такое сочетание обусловлено характером адресата: беседу с диалектоносителем проводят студентки и молодой преподаватель, которые воспринимаются в силу возраста как объект передачи необходимых знаний, объект воспитания и усвоения норм социума. В функции обязательного компонента жанра поучения – апелляция к коллективному опыту – в приведенном примере выступают религиозные установки и опыт предков как эталон социальной нормы.

Проявление оппозиции «свой-чужой» при реализации жанров *похвала* и *осуждение* тес-

но связано с характером отношений объекта и субъекта оценки:

Если ругаю/ только сына// Я сноху никогда не ругаю// У вас если есть сын/ нет/ то поругайте сына// Никогда я ничего не говорю снохе// Серьезно// Потому что сноха эта/ обидится/ а сын он никогда не обидится/ он всегда простит// Ругайте сына за его недостатки/ а сноху не ругай//

Информант в вышеприведенном примере противопоставляет родного человека и родственника «по закону» (сына и сноху), указывая, что жанр осуждения можно применять только по отношению к родному человеку, чтобы не испортить отношения (*Потому что сноха эта/ обидится/ а сын он никогда не обидится/ он всегда простит//*). Примечательно, что это правило, по мнению информанта, актуально не только в его личной ситуации, но и должно быть экстраполировано на отношения между людьми во всех семьях.

Часто объектом отрицательной оценки выступает определенный типаж, человек как представитель социальной группы:

...гляжу/ идут/ в одних трусах/ да бабтюшки/ да что уж это! девушка!.. не/ девушка уж ладно/ простительно/ всё девушка/ а то – женщина! имеет двух детей/ сын/ дочь/ и она эдак идёт/ а? срамба! разве Бог там будет терпеть?

Здесь информант актуализирует жанр осуждения по отношению к определенному человеку, односельчанке, но в контексте общего обсуждения современных женщин ее возраста. Основание отрицательной оценки – осуждение поведения, не соответствующего возрастной норме и социальному статусу. Неприемлемое для автора высказывания поведение номинируется с помощью экспрессивного окказионализма «срамба!». Важность соблюдения социальных норм обусловлена моральными нормами и подкрепляется обращением к высшему авторитету – Богу.

Объект в жанре осуждения далеко не всегда эксплицирован, часто это не конкретизируемая группа людей, не объединенная по какому-либо четко определенному признаку:

Да ну и в телевизоре вон/ видишь/ все стыды// Что бы не надо... Вот уж «Семеновна»-то шла/ слышали разок? Вот стыдища-то! Это вот копия я/ вот я такие пела... А... Вот стыдища-то// Ну ведь я-то пела в своем народе/ своя гулянка/ а это-то – по всей России такое// Но отменили/ слава Богу// Мне-то стыдно было// Ну и хорошо, отменили//

Основанием отрицательной оценки становятся поведенческие особенности, приписываемые неопределенной группе людей, которые противопоставлены субъекту оценки по возрастному, поколенческому признаку. Основанием пейоративной оценки становится несоответствие поведения неопределенной группы людей моральным нормам, а также ситуативно обусловленным нормам поведения – противопоставление норм частной жизни и ситуации публичного общения. Показательно, что субъект оценки отрицательно оценивает и свои похожие действия, но оправдывает себя тем, что ее поведение соответствовало ситуативной норме.

3. Основание оценки при реализации жанров похвала и осуждение в нашем материале представлено широким кругом морально-нравственных и этикетных проблем, а также поведенческих сценариев.

Поведенческие особенности группы людей, в том числе – на речевом уровне – чаще всего в нашем материале становятся основанием отрицательной оценки и актуализируют жанр осуждение в речи информантов:

- *да ну уж чо ж/ идет эт вот/ мода пошла юбки в разрез/ здравствуй и прощай// идет/ прям аж стыдно// ну почему эт так?// ну сделай ты разрез маненько подходящий/ а эт до пупка*
- *щас если уж разругаются и не разговаривают и не подходят друг к дружке// а вот раньше народ был проще// вот оне я помню много захватило все ходили и разговаривали и как-то разговор-то и оне никогда не обижались/ вот правду скажешь и никогда не обижались// а сейчас скажешь правду и уже всё/ обида какая-то и всё/ раньше народ был проще// намного был проще/ не как сейчас//*
- *раньше народ был/ и/ и более и Бога боялись/ и людей стыдились/ это всё было/ да/ а сейчас нет/ сейчас что угодно друг другу/ и нагрубят/ и ничё не стало/*

Диалектоносители старшего поколения негативно оценивают одежду и внешний вид более молодых групп населения, манеры разговора, использование обсценной лексики и т. д. Специально указывается на отсутствие в современной жизни социальных и этических норм, которые были в прошлом (*раньше народ был/ и/ и более и Бога боялись/ и людей стыдились*), а также на усложнение социального взаимодействия, разъединяющее людей (*щас если уж разругаются и не разговаривают и не подходят друг к дружке// а вот раньше народ был проще*).

Одновременная экспликация жанров похвала и осуждение наблюдается при актуализации внутри оппозиции «прошлое/насто-

ящее», реализующей базовую концептуальную оппозицию «свой/чужой». Как правило, в диалектном дискурсе объектом похвалы является социальное поведение, которое описывается диалектоносителем как типичное для социума в годы молодости информанта. Объект осуждения – поведение, типичное для современного социума:

- Ну а раньше молодежь послушнее была?
- Ну конечно!// совести было...
- Намного лучше!//
- а сейчас?// безобразия! //
- Сейчас... похабна/ похабна!//
- Ладно/ как говорится/ вечером там.../ влюбляются целуются обнимаются// ну днём-то вот...// сидят и вот смотри на них// обнимаются/ целуются/ ой!//
- Раньше такого не было безобразия...//
- Мода такая...//
- Ну дружили раньше тоже/ вечером/ никак... чтобы днём!//
- Да мы дружили с мужуком-то/ и родители никто не знали/ что мы дружим// втихомолку// кода придёт/ кода не придёт// некогда!//
- А сейчас это.../ девчонка... ходит сама!//
- Ну мы на работе были!// работали/ а сейчас не работает/ молодежь// где ж тебе они будут... не дружить?// они на речку идут вместе...//

В данном полилоге представлены разнообразные основания отрицательной оценки: отсутствие моральных ориентиров по сравнению с поколением информантов (совести было... Сейчас... похабна/ похабна); неодобряемое поведение, демонстрация любовных отношений (Ну дружили раньше тоже/ вечером/ никак... чтобы днём!); безделье современной молодежи (Ну мы на работе были!// работали/ а сейчас не работает/ молодежь) и т. д.

4. Языковые средства реализации жанров похвала и осуждение. Анализ используемых диалектоносителями языковых средств в рамках жанров похвала и осуждение показал их несимметричный характер, различие в составе и частотности.

Маркирующими языковыми средствами при реализации жанра похвала являются, безусловно, лексемы с яркой положительной коннотацией. Активно используются наречия, существительные, но преобладают прилагательные:

- а дед-то с бабкой.../ у нас предки были.../ как говорится/ **желанные!**// можно так что ли выразиться// они для себя не жили// они что есть всё детям
- «Дыхно»/ фамилия его была/ он был еврей// да// ну **добрый** такой мужик/ **справедливый!**

- они у меня **хорошие** родители были!// **очень хорошие!**// они никогда матом не ругались// и всем помогали.

При реализации жанра осуждения появление оценочных прилагательных наблюдается значительно реже, активно используются наречия и существительные со значением моральной оценки («стыдно», «бесстыдники», «похабно» и т. д.). Частотный языковой маркер данного жанра – использование отрицательных конструкций, что обусловлено основанием отрицательной оценки – несоответствие поведения объекта осуждения нормам социума:

- вот я гляжу вот/ мой сосед за горой придёт пьяный/ я вот там/ Серёж/ я прожила вот мне будет/ пятого// этого// августа мне будет уже семьдесят лет/ я грю я прожила семьдесят лет я **такой мат не слышала!**
- сын/ у него вот своя машина/ легковая/ «девятка»/ он сам приезжает сюда/ вместе всю свою семью посадит/ приедет// вот/ а **дочь не ездит!** говорит/ «мать там заставляет работать/ а я не могу работать/ солнышко светит и комары кусают»

Интересный способ актуализации жанра осуждение – уподобление объекта оценки отрицательному персонажу (реальному историческому лицу или вымышленному герою):

- Я даже **раньше председателей** вспомню!// Был у нас/ фамилия его Бурмистров был!// Это/ наверное/ он **Гитлеру был помощник!**// Этот самый Бурмистров// Все люди голодовали/ хлеб был много/ и он не давал!// Он прямо сказал/ «Я вас с лица земли сотру»// Вот потому-то и голодовали!//

5. Речежанровая рефлексия. В речи диалектоносителей нечасто появляются метаязыковые высказывания, в которых эксплицируется использование жанров похвала и осуждение. Более явно это проявляется в рамках реализации жанра похвалы, когда информанты используют однокоренные глаголы «хвалить», «похвалить» для номинации своих речевых действий:

- а вот **Надю** (социальный работник) я **похваляю!**// и **заботливая!** и **здоровается всегда!** **веселая**
- я **детей** всегда **хвалила!** и **хваляю!**// и **внуков хваляю!** они **приезжают!** не **забывают!**// **вот скоро опять жду!** **приедут**

Экспликация жанра осуждения осуществляется редко, глагол «осуждать» и однокоренные слова при актуализации этого речевого жанра не используются, но нами зафиксированы такие глаголы, как «ругать» и «пробрать»

/пробирать» в функции номинации жанра осуждение:

- *да щас и ругать никто не будет/ если с парнем по улице идешь/ а мы просто так не ходили/ стеснялись// как-то больше стеснялись тогда*

В нашем материале зафиксированы случаи самонаблюдения, рефлексии информанта над тем, как реализуются или, напротив, не реализуются исследуемые речевые жанры:

Я вот все хотела написать/ по «Маяку»-то вот/ вот в концерте это// Хотела пробрать их/ что позабыли песни «Белым снегом»/ «Огней так много золотых у Саратова»/ «Называют меня некрасивую»// Никогда ничего не передадут вот по заявкам-то// Ну вот самые песни// Это уже мы тоже их выучили/ пели// «Вологду»/ например/ ну «Вологду» тут как-то раз слышала// И вот такие песни все они ничего не поют/ вот// Во начнут «ля-ля-ля-ля»// Это вот все молодежно// Ну не посмела/ а то я бы пробрала//

Информант сообщает, что хотела актуализировать речевой жанр осуждение. Для номинирования этого жанра она использует лексику «пробрать/ пробирать». Дialeктоноситель объясняет отсутствие реализации интенции тем, что это потребовало бы от нее актуализации непривычной социальной роли и вступление в коммуникацию вне рамок привычной ситуации (*Я вот все хотела написать/ по «Маяку»-то вот/ вот в концерте это// Хотела пробрать их/ (...) Ну не посмела/ а то я бы пробрала//*).

В ситуации совпадения субъекта и объекта оценки при фактической актуализации речевого жанра похвалы, как правило, информант отрицает использование этого жанра:

Всё в огороде было/ хрен/ всё-всё сажала я// хвалиться не буду/ соседи всё знают/ ну говорят у неё всё есть// чеснок наса-

жу/ не хожу/ эти вот таблетки/ как уж их называют/ в огурцы-то клала/ всё с осени запасаю/ а када сезон придет ничё не найдешь/ уже/ но говорят ты хитрая/ будешь хитрая если нада чё тебе/ и ты будешь хитра/ я не хожу по соседям не прошу// а всё своё//

Здесь информант отрицает реализацию жанра похвала по отношению к самой себе, используя для именованного жанра возвратный глагол «хвалиться» (*хвалиться не буду*). Для подтверждения своей положительной самохарактеристики диалектоноситель субъектом оценки делает неопределенный круг людей, актуализируя тактику апелляции к авторитету, мнению социума (*соседи всё знают/ ну говорят у неё всё есть//*).

Заключение

Таким образом, функционирование речевых жанров похвала и осуждение в диалектном дискурсе происходит параллельно, нередко наблюдается их взаимодействие и одновременная актуализация. Системная противопоставленность данных жанров обусловлена тем, что оба жанра, будучи оценочными, активно участвуют в реализации базовой концептуальной оппозиции «свой-чужой», наиболее ярко эта оппозиционность проявляется в поколенческом аспекте, противопоставлении реалий современной жизни и времени молодости информантов. Специфика этих жанров в диалектном дискурсе состоит, вероятно, в том, что их актуализация обусловлена социокультурными причинами, стремлением диалектоносителей маркировать социально значимую информацию. Речевые жанры похвала и осуждение помогают реконструировать особенности мировосприятия носителя языка и обусловленность этого мировосприятия принадлежностью к определенному варианту национальной лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
2. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
3. Казакова О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007. 196 с.
4. Лагута Н. В., Панасенко М. А. Информативные и оценочные речевые жанры в речи современной носительницы амурских говоров (на материале записей речи П. П. Ратушкиной) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 11 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск : АмГУ, 2014. С. 141–155.
5. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Структура и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 3. М. : Наука, 2008. С. 414–427.
6. Казакова О. А. Гипержанровая структура дискурса диалектоносителя старшего поколения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 3 (7). С. 18–31.
7. Большакова Н. В. К вопросу о жанрах диалектной речи // Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М. ; Саратов : Амрит, 2015. С. 21–26.
8. Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «Рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4 (28). С. 66–72.

9. Оглезева, Е. А. Тематическое своеобразие жанра «Воспоминание» в русских говорах Приамурья // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2005. № 2. С. 142–217.
10. Штехман Е. А., Федяева Н. Д. Жанровые особенности диалектных высказываний о человеке: прагматическая специфика диалектного языкового сознания как проявление способов организации чувственной ткани // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2, ч. 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21005> (дата обращения: 12.08.2023).
11. Волошина С. В., Демешкина Т. А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20.
12. Демешкина Т. А. Жанровое своеобразие высказываний-пожеланий // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. С. Болотова. Томск : Изд-во Том. пед. ин-та, 1995. С. 45–59.
13. Королькова М. Д., Сухачев Н. Л. Рассказ о ремесле как относительно устойчивый речевой жанр (к постановке проблемы) // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. № 1, ч. 3. С. 84–92. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-3-84-92>
14. Иванцова Е. В. Речевой жанр потчевания в традиционной народной культуре // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 7: Жанр и языковая личность. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. С. 269–279.
15. Гынгазова Л. Г. Ритуальные жанры в языке диалектной личности // Русский язык как средство реализации диалога культур : сб. ст. 2-й междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 16–18 марта 2005 г.). Хабаровск : Изд-во ХГТУ, 2005. С. 46–56.
16. Казакова О. А. Ритуальные жанры как отражение национальных стратегий речевого поведения языковой личности // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. 2011. № 1 (1). С. 611–616.
17. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Диалектный текстовый корпус: проблемы репрезентативности, сбалансированности, единиц хранения и выдачи // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2017» (С.-Петербург, 27–30 июня, 2017 г.). СПб. : С.-Петерб. ун-т, 2017. С. 231–235
18. Крючкова О. Ю. О возможностях корпусного изучения картины мира носителей традиционной народной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 126–130. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-126-130>
19. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2016. № 9-10 (113). С. 133–138.
20. Волошина С. В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.
21. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Мифологический рассказ как жанр диалектного монолога в современной русской деревне // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20: Славянские диалекты в современной языковой ситуации: Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М. : Институт славяноведения РАН, 2018. С. 95–107.
22. Хорешко О. Н. Жанровый аспект положительной оценки лица : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 126 с.
23. Анисимова Т. В., Чубай С. А. Принципы разграничения речевых жанров, выражающих положительную оценку // Неофилология. 2023. Т. 9, № 3. С. 519–533. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-519-533>
24. Темургазина З. К. Речевые акты похвалы и одобрения в педагогическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 1. С. 97–105.
25. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. 272 с.
26. Миронова М. В. Конструкции неодобрения и порицания в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2016. 188 с.
27. Дьячкова И. Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2000. 141 с.
28. Бессонова И. В. Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 28 с.
29. Деметьев В. В. Теория речевых жанров : монография. М. : Знак, 2010. 597 с.

REFERENCES

- Goldin V. E. *Theoretical Problems of Communicative Dialectology*. Diss. as sci. report. Dr. Sci. (Philol.). Saratov, 1997. 234 p. (in Russian).
- Ivantsova E. V. *Fenomen dialektnoi yazykovoi lichnosti* [Phenomenon of dialectal linguistic personality]. Tomsk, Tomsk University Press Publ., 2002. 312 p. (in Russian).
- Kazakova O. A. *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialectal linguistic personality in the genre aspect]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2007. 196 p. (in Russian).
- Laguta N. V., Panasenko M. A. Informative and evaluative speech genres in the speech of a modern speaker of Amur dialects (based on the speech recordings of P. P. Ratushkina). *Word: Folklore and dialectological almanac*. Arkhipova N. G., Oglezneva E. A., eds. Issue 11. Blagoveshchensk, AmSU Publ., 2014, pp. 141–155 (in Russian).
- Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Structure and genre features of dialectal text. *Materials and research on Russian dialectology*, iss. 3. Moscow, Nauka, 2008, pp. 414–427 (in Russian).
- Kazakova O. A. Hypergenre structure of the discourse of a dialect speaker of the older generation. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2009, no. 3 (7), pp. 18–31 (in Russian).
- Bolshakova N. V. On the issue of dialect speech genres. Language in the space of speech cultures: In: *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: k 80-letiyu V. E. Gol'dina*. Otv. red. O. Yu. Kryuchkova, L. P. Krysin [Kryuchkova O. Yu., Krysin L. P., eds. On the 80th anniversary of V. E. Goldin]. Moscow, Saratov, Amirit, 2015, pp. 21–26 (in Russian).
- Myznikova Ya. V. Communicative features of the dialectal speech genre “Story-memory”. *Bulletin of*

Perm University. Russian and Foreign Philology, 2014, iss. 4 (28), pp. 66–72 (in Russian).

9. Oglenezeva E. A. Thematic originality of the genre “Remembrance” in the Russian dialects of the Amur region. *Word: Folklore and dialectological almanac*, 2005, no. 2, pp. 142–217 (in Russian).

10. Shtekhman E. A., Fedyeva N. D. Genre features of dialectal statements about a person: Pragmatic specificity of dialectal linguistic consciousness as a manifestation of the ways of organizing sensory tissue. *Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 2, part. 1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21005> (accessed August 12, 2023) (in Russian).

11. Voloshina S. V., Demeshkina T. A. World-modeling potential of speech genre (based on dialectal speech). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2012, no. 3 (19), pp. 14–20 (in Russian).

12. Demeshkina T. A. Genre originality of utterances-wishes. In: *Kommunikativnye aspekty slova v tekstakh raznoi zhanrovo-stilevoi orientatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr. Otv. red. N. S. Bolotova* [Bolotova N. S., ed. Communicative aspects of the word in texts of different genre-stylistic orientation: Interuniv. coll. of sci. papers]. Tomsk, Tomsk Pedagogical Institute Publ., 1995, pp. 45–59 (in Russian).

13. Korolkova M. D., Sukhachev N. L. A story about a craft as a relatively stable speech genre (towards the formulation of the problem). *Professional Discourse and Communication*, 2019, no. 1, part 3, pp. 84–92 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-3-84-92>

14. Ivantsova E. V. The speech genre of regaling in traditional folk culture. *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 7: Zhanr i yazykovaya lichnost'* [Speech genres. Iss. 7: Genre and linguistic personality]. Saratov, ITs “Nauka”, 2011, pp. 269–279 (in Russian).

15. Gyngazova L. G. Ritual genres in the language of a dialect personality. *Russkii yazyk kak sredstvo realizatsii dialoga kul'tur : sb. st. 2-i mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Khabarovsk, 16–18 mart 2005 g.)* [Russian Language as a Means of Implementing a Dialogue of Cultures: Coll. sci. arts of intern. sci.-pract. conf. (Khabarovsk, March 16–18, 2005)]. Khabarovsk, Khabarovsk State Technical University Publ., 2005, pp. 46–56 (in Russian).

16. Kazakova O. A. Ritual genres as a reflection of national strategies of speech behavior of a linguistic personality. *Bulletin of Science of Siberia. Series 9. Philology. Pedagogy*, 2011, no. 1 (1), pp. 611–616 (in Russian).

17. Kryuchkova O. Yu., Goldin V. E. Dialectal text corpus: Problems of representativeness, balance, storage and output units. *Proceedings of the International Conference “Corpus linguistics–2017” (St. Petersburg, June 27–30, 2017)*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2017, pp. 231–235 (in Russian).

18. Kryuchkova O. Yu. On the possibilities of corpus-based study of the worldview of traditional folk culture bearers. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 126–130 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-126-130>

19. Kryuchkova O. Yu., Goldin V. E. Communicative properties of dialectal speech and the specificity of the dialectal text corpus. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*, 2016, no. 9–10 (113), pp. 133–138 (in Russian).

20. Voloshina S. V. *Speech Genre of Autobiographical Story in Dialectal Communication*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2008. 26 p. (in Russian).

21. Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Mythological story as a genre of dialect monologue in the modern Russian village. *Studies in Slavic dialectology, iss. 19–20: Slavic dialects in the modern language situation: Dialect dictionary as a method of studying Slavic dialects*. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2018, pp. 95–107 (in Russian).

22. Khoreshko O. N. *Genre Aspect of Positive Assessment of a Person*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2005. 126 p. (in Russian).

23. Anisimova T. V., Chubay S. A. Principles of delimitation of speech genres expressing a positive assessment. *Neofilologiya*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 519–533 (in Russian). <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-519-533>

24. Temirgazina Z. K. Speech acts of praise and approval in pedagogical discourse. *Bulletin of RUDN University. Series : Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 97–105 (in Russian).

25. Dubrovskaya T. V. *Pechevye zhanry “osuzhdenie” i “obvinenie” v russkom i angliiskom rechevom obshchenii : monografiya* [Speech genres “condemnation” and “accusation” in Russian and English speech communication: Monograph]. Penza, Penza State University Publ., 2014. 272 p. (in Russian).

26. Mironova M. V. *Constructions of Disapproval and Censure in Modern English*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Arkhangelsk, 2016. 188 p. (in Russian).

27. Dyachkova I. G. *Statements of Praise and Statements of Blame as Speech Genres in the Modern Russian Language*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Omsk, 2000. 141 p. (in Russian).

28. Bessonova I. V. *Speech Acts of Praise and Blame of the Interlocutor in the Dialogical Discourse of the Modern German Language*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tambov, 2003. 28 p. (in Russian).

29. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov : monografiya* [Theory of speech genres: Monograph]. Moscow, Znack, 2010. 597 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 08.01.2025; одобрена после рецензирования 04.03.2025; принята к публикации 04.03.2025; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 08.01.2025; approved after reviewing 04.03.2025; accepted for publication 04.03.2025; published 02.03.2026

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 78–86

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 78–86

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-78-86>, EDN: VTBHDF

Научная статья

УДК 821.161.1-32.09:811.161.1'221.22'38'42+929Чехов

**Мануальный рисунок в рассказе А. П. Чехова «Враги»
как зеркало речевых жанров**

Е. А. Пономаренко

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия, 295007, г. Симферополь,
проспект академика Вернадского, д. 4

Пономаренко Елена Аликовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
русского языка как иностранного, ltai2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2191-3960>

Аннотация. Статья посвящена исследованию жестовой композиции в рассказе А. П. Чехова «Враги». В исследовании приводится определение, согласно которому в современной лингвистической науке понимаются «невербальные средства общения». Рассматриваются РЖ, сложившиеся в условиях ситуации речевого общения врача и пациента – РЖ медицинской жалобы, формирующий ядро институционального дискурса, а также РЖ, выходящие за пределы ядерной зоны: РЖ мольбы, отказа, молчания, излияния души, оплаты за медицинские услуги. Констатируется, что РЖ могут быть проиллюстрированы мануальными проявлениями, которые раскрывают характер персонажа и выявляют при этом его социально-культурную специфику. Отмечается, что один и тот же мануальный жест меняет содержание информации, передаваемой словесно. Отдельное внимание уделяется манульным проявлениям, переданным в тексте произведения посредством выражений, в состав которых входят лексемы 'сердце' и 'кулак'. При этом подчеркивается, что вслед за синхронной модуляцией РЖ институционального дискурса наблюдается градуальное изменение рисунка рук (вежливой кинетики), сигнализирующее о фазе поведенческого конфликта. Отмечается роль авторских ремарок в описании коммуникативных ситуаций.

Автор приходит к мысли о том, что каждый речевой жанр, участвующий в формировании институционального дискурса, включает мануальный невербальный знак, как зеркало, отражающий коммуникативное событие. Предлагается схема, демонстрирующая мануальное поведение персонажей.

Ключевые слова: мануальный жест, речевой жанр, медицинский дискурс, речевое взаимодействие, коммуникативная ситуация, рассказ, персонаж

Для цитирования: Пономаренко Е. А. Мануальный рисунок в рассказе А. П. Чехова «Враги» как зеркало речевых жанров // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 78–86. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-78-86>, EDN: VTBHDF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Manual pattern in Chekhov's short story "Enemies" as a mirror of speech genres

E. A. Ponomarenko

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Academician Vernadsky Ave., Simferopol 295007,
Russia

Elena A. Ponomarenko, altai2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2191-3960>

Abstract. The article presents the study of gestural composition in Anton Chekhov's short story "Enemies". The study provides a definition according to which modern linguistic science understands "non-verbal means of communication". The paper considers the speech genres within verbal communication between a doctor and a patient: the speech genre of a medical complaint, forming the core of the institutional discourse, as

well as the speech genres that go beyond the nuclear zone: the speech genres of pleading, refusal, silence, unburdening one's soul, payment for medical services. It is stated that the speech genres can be illustrated by manual manifestations of the character and reveal their socio-cultural specifics. It is noted that the same manual gesture changes the content of information transmitted verbally. Special attention is paid to the manual manifestations conveyed in the text of the short story by means of expressions, which include the lexemes 'heart' and 'fist'. At the same time, it is emphasized that following the synchronous modulation of the speech genres of the institutional discourse, a gradual change in the hand pattern (polite kinetics) is observed, signaling a phase of behavioral conflict. The paper also emphasizes the role of the author's remarks in the description of communicative situations.

The author of the paper concludes that each speech genre involved in the formation of institutional discourse includes a manual non-verbal sign, like a mirror reflecting a communicative event, and offers a scheme reflecting the manual behavior of the characters.

Keywords: manual gesture, speech genre, medical discourse, speech interaction, communicative situation, story, character

For citation: Ponomarenko E. A. Manual pattern in Chekhov's short story "Enemies" as a mirror of speech genres. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 78–86 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-78-86>, EDN: VTBHDF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Данная публикация является продолжением темы, заявленной в одном из недавних выпусков журнала «Жанры речи» [1:138–145]. В предыдущей статье акцент делался на том, что речевое взаимодействие главных героев чеховского нарратива представляет собой систему связанных между собой речевых жанров (РЖ), причём описываются РЖ, обусловленные ситуациями речевого общения врача и пациента: РЖ медицинской жалобы, формирующий ядро институционального дискурса, а также РЖ, выходящие за пределы ядерной зоны [2: 106], – РЖ мольбы, отказа, апелляции, молчания, «излияния души», возмещения медицинских услуг. Дифференциация РЖ осуществлялась на основании анализа иллокутивных и семантических признаков РЖ, а также языковых средств, оформляющих конкретный речевой жанр. Однако предпринятый нами анализ представляется неполным без учёта паралингвистических маркеров, присутствующих в тексте, тем более что невербальные средства общения как факультативный признак включены в матрицу «паспорта речевого жанра» [3: 32]. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел в исследовании.

Рассматривая речевые жанры как вербально-знаковое оформление социального взаимодействия людей, подойдём к анализу мануальных жестов, участвующих в формировании специфики конкретного РЖ, с учётом модели РЖ Т. В. Шмельевой [4: 88–98], а также типологических характеристик, предложенных В. В. Дементьевым в монографии «Интегральное описание речевых жанров» [5]: «анкета РЖ может быть расширена за счёт

добавления некоторых типологических характеристик <...> добавляются типологические характеристики, в том числе стадияльно-типологические. Это определение места данного жанра в *иллокутивно-целевой* типологии; определение места речевого жанра в *структурно-иерархической* типологии, а также *культурологические* и *лингвокультурологические* характеристики... и др.» [5: 17].

Особая роль невербальной коммуникации неоднократно подчёркивалась Г. Е. Крейдлиным в его работах: «почти во всех случаях устной коммуникации, в которой участвуют естественный язык и невербальные семиотические коды, невербальные коды важны сами по себе хотя бы потому, что они существенно меняют качество информации, передаваемой вербально» [6: 15]; «в подавляющем большинстве жанров и актов устной коммуникации телесный код и другие невербальные знаковые системы тесно взаимодействуют с речью и языком» [7: 10].

В современной лингвистике термин «невербальные средства общения» понимается широко и трактуется как «все несловесные (дополнительные к словесным или заменяющие словесные) средства передачи информации: взгляд, мимика, жестикация, движение, молчание, физический контакт, пространственно-временные характеристики речевого взаимодействия, средства других кодов общения (схема, рисунок, условные знаки и др.), костюм как информативный знак определённого типа общения. Основная часть невербальных средств общения относится к мимике и кинесике» [8: 228]. Кинесика (кинетика), в свою очередь, «включает в себя жестикацию: все значимые в коммуникативном плане тело-

движения, особенно *движение рук* (выделено нами. – Е. П.), мимику, позы...» [8: 143].

Изучению невербальной коммуникации в произведениях А. П. Чехова отводится заметное место. Об этом свидетельствуют многочисленные работы лингвистов (О. В. Дунаева, Жень Фэй, Д. Б. Мухаметов, Н. Д. Николаева, Д. В. Постнова и др. [9–13]). Объектом анализа учёных становились разные аспекты, прежде всего жестовое поведение персонажей, звуковое оформление речи, паузы и недосказанность в диалогах. Отдельное внимание уделялось исследованию семантики *молчания* [11]. Несмотря на стойкий интерес к обсуждаемой теме, остаётся немало вопросов, в первую очередь связанных с изучением семантических компонентов, входящих в интерпретацию жестов и мимики.

В рамках данной статьи сосредоточимся на кинетической составляющей и попробуем показать, как мануальные проявления раскрывают характер персонажа, выявляя при этом его социально-культурную специфику; как один и тот же мануальный жест меняет содержание информации, передаваемой словесно; обратим внимание на тот факт, что вслед за синхронной модуляцией РЖ институционального дискурса наблюдается градуальное изменение рисунка рук (вежливой кинетики), сигнализирующее о фазе поведенческого конфликта. Отметим также, что некоторые РЖ могут быть выражены только посредством мануального жеста.

Поскольку исследование посвящено произведению, написанному в конце XIX в. (1887 г.), для толкования слов и фразеологизмов используются лексикографические источники, охватывающие период развития русского языка в соразмерных интервалах как до, так и после времени написания чеховского рассказа. Содержание соответствующих словарных статей диахронически зафиксировано в значениях лексических единиц те семы, которые впоследствии оказались периферийными.

Постановка проблемы и результаты исследования

Встреча (как коммуникативное событие) главных героев рассказа «Враги» дворянина Абогина и доктора Кирилова начинается с речевого жанра *приветствия*, где инициатором диалога выступает Абогин: «– Доктор у себя? – быстро спросил вошедший. – Я дома, – ответил Кирилов. – Что вам угодно? – А, это вы? Очень рад! – обрадовался вошедший и стал искать её в потёмках руку доктора, нашёл её и крепко стиснул в своих руках. – Очень... очень рад!» [14: 30]. Общеизвестно, что *приветствие*

в мировой культуре и в русской этикетной традиции в частности – обязательный элемент коммуникативного события. Оно несёт информацию о подтверждении факта знакомства, сотрудничества и выступает как знак доброжелательного отношения к адресату. Являясь фатическим речевым жанром, *приветствие* направлено на установление контакта между коммуникантами, обуславливает обратную связь и эмоциональный настрой диалога, задаёт тональность и характер последующей динамики дискурса, а также несёт в себе суггестивный потенциал, обеспечивающий доброжелательные интенции собеседников. По мнению авторов монографии «Язык и семиотика тела», «для успешной коммуникации акты приветствия более важны, чем акты прощания, поскольку то, как люди поздоровались, в значительной мере определяет характер и стиль их дальнейшего общения» [15: 248].

В данном контексте *рукопожатие* представляет собой *однонаправленное действие* со стороны говорящего, что не является характерным для европейской культурной традиции. Если принять во внимание тот факт, что «рукопожатие – это не только намерение продемонстрировать отсутствие оружия и мирные цели, но и важные смысловые компоненты взаимности и симметрии, демонстрации равенства и солидарности – знак того, что после рукопожатия партнёры становятся доступны один другому, что они готовы общаться или участвовать в некотором совместном предприятии» [15: 263], то в нашем случае о равенности и взаимности отношений между собеседниками – Абогиным и Кириловым – говорить не приходится, поскольку мы имеем дело с речевыми жанрами, формирующими медицинский дискурс, где участниками коммуникативного события и являются главные герои повествования. Общение между ними уже заведомо не может быть «на равных», поскольку, в соответствии с принципами институционального медицинского дискурса, позиция доктора является доминирующей, так как он (доктор) определяет процесс лечения и выздоровления.

Невербальный коммуникативный знак – *рукопожатие*, с одной стороны, свидетельствует о должном почтении и уважении собеседника, а с другой – демонстрирует сильную степень эмоционального состояния, которое выражается посредством глагола *стиснуть* – 'сдавить, сжать'. Интенсивность действия здесь также подчёркивается наречием *крепко* со значением оценочной характеристики способа проявления.

Однако Кирилов не ответил взаимностью Абогину: он не подал руки во время приветствия и остался равнодушным. Нежелание

Кирилова вступать в коммуникацию передаётся в тексте не только отсутствием с его стороны жеста рукопожатия, но и отдельными деталями: «Абогин стал искать **в потёмках руку доктора**» [14: 30], где словоформа *в потёмках* (при встрече с посетителем Кирилов не зажёл лампу) несёт важную смысловую нагрузку и является указанием на безразличие к происходящему. Такое поведение земского доктора, чья помощь в любую минуту может быть востребована, на первый взгляд кажется странным и необоснованным. В этом случае А. П. Чехов намекает читателю на то, что полного взаимопонимания коммуниканты не достигнут.

После РЖ *приветствия* Абогин сообщает о тяжёлом недуге своей жены и *просит* доктора вместе с ним поехать в имение, чтобы осмотреть больную. Рассказывая обстоятельно, со всеми подробностями о случившемся, он рассчитывает на скорую помощь доктора. Кирилов же не сразу реагирует на просьбу собеседника и отвечает молчанием, которое здесь представляет собой ответную реакцию на РЖ *просьбы*, сопровождающийся жестом *рукопожатия*: «...*Боюсь, что это аневризма... Поедемте... У неё и отец умер от аневризмы... Кирилов слушал и молчал, как будто не понимал русской речи. Когда Абогин ещё раз упомянул про Папчинского и про отца своей жены и ещё раз начал искать в потёмках руку, доктор встряхнул головой ...*» [14: 32]. Если в начале рассказа жест *рукопожатия* является этикетным ритуальным действием и представляет собой коммуникативное правило, регулирующее речевое поведение говорящих, то во втором случае этот жест передаёт иной смысл – побудить доктора к совершению действия – поездке в дворянское имение. Выражение «начал искать руку доктора» и описываемое им действие прочитывается как «*Ну пожалуйста, прошу вас! Войдите в моё положение!*». Таким образом, прибегая к имплицитному воздействию, Абогин вежливым способом пытается психологически повлиять на Кирилова.

Отстранённое отношение доктора к просьбе о помощи демонстрируется РЖ *отказа*, указывающим на причину нежелания вступить в диалог: «... *доктор встряхнул головой и сказал, апатично растягивая каждое слово: – Извините, я не могу ехать... Минут пять назад у меня ... умер сын...*» [14: 32]. Наречие *апатично* здесь усиливает контекст, подчёркивая угнетённое расположение духа персонажа. Отметим, что термин *апатия* в медицине трактуется как: «*apathia (от греч. а – отрицат. часть и pathos – страдание), бесчувственность, бесстрастие, вялость чувств, эмоциональное безразличие; характеризует*

состояния, наблюдаемые у людей, находясь в неясном сознании (оглушённом), слабоумных и с первичной утратой эмоциональной живости» [16: 142]. Кириловым овладело состояние глубокого безразличия и отчуждённости. Абогин же настойчиво продолжает просить, изменив при этом тактику своего поведения и, соответственно, выбора РЖ. От *просьбы* он переходит к *мольбе*, которая выражается в рассказе как вербальными, так и невербально-знаковыми единицами – различными мануальными жестами, которые переданы с помощью глаголов совершенного вида (СВ), содержащих сему 'интенсивность' и указывающих на экспрессивность действия. Выстраивая цепочку поступательных действий персонажа, А. П. Чехов таким образом акцентирует внимание на его стремительно нарастающей аффектации и даже агрессии: Абогин «...*нашёл руку, стиснул и крепко сжал*», потом «*стал хватать*», «...*схватил его за рукав*» [14: 32, 33]. Абогин настолько был сосредоточен на себе и поглощён своим несчастьем, что не в состоянии был осознать и почувствовать душевную боль собеседника. Эгоистичные побуждения, выраженные в мольбе, он продемонстрировал посредством жеста '*прикладывая к своему кашне руку*' [14: 34]. «– *Доктор, я не истукан, отлично понимаю ваше положение... сочувствую вам!* – сказал умоляющим голосом Абогин, *прикладывая к своему кашне руку*» [14: 34]. Мануальный жест *прикладывать к кашне руку*, соотносимый со словосочетанием *прикладывать руку к груди, к шее, к сердцу*, координируется с выражением *бить себя в грудь*, имеющим сложную семантическую организацию: «В его толкование входят несколько смысловых компонентов, соответствующих одному и тому же компоненту формы жеста – контакт руки с грудью: (а) 'жестикულიрующий считает слова, сопровождающие данный жест, истинными', (б) 'жестикულიрующий указывает на себя', (в) 'жестикულიрующий ручается в том, что его слова истинны'» [15: 60]. В нашем случае речь идёт о смысловом компоненте 'жестикულიрующий считает слова, сопровождающие данный жест, истинными', поскольку в русской национальной культуре этот смысл соотносится с *сердцем (вместолицем души)*, находящимся в груди. То есть, слова, чувства и поступки, идущие *от сердца*, признаются искренними и потому истинными. Более того, жест *прикладывать руку к груди* «является многозначным и соотносится со смыслами 'умоляю', 'убеждаю', 'благодарю', а каждый из этих смыслов, в свою очередь, связан с компонентами 'искренность' и 'истинность'» [15: 60]. В поведенческой характеристике Абогина А. П. Чехов использует

фразеологический оборот *прикладывать руку к груди* (ср.: *положа руку на сердце*) как знак отношения к собеседнику – доктору Кириллову – и как обозначение его собственного эмоционального состояния. Писатель намеренно меняет структуру фразеологизма: заменяя слово *сердце* (и присущие ему коннотации) наименованием модного аксессуара *кашше*, он таким образом делает акцент на светской условности и неискренности чувств персонажа.

Вернувшись вместе с доктором в своё имение, Абогин обнаруживает, что его супруга симулировала сердечный приступ и сбежала с любовником Папчинским. В порыве злости он произносит в адрес жены несколько *обвинительных монологов*, сопровождая их мануальными жестами, проиллюстрированными в тексте выражениями со словом *кулак*: «Абогин тяжело и широко шагнул на середину гостиной, согнулся, простонал и **потряс кулаками**» [14: 39]. «Абогин тяжело шагнул к доктору, протянул к его лицу свои **белые мягкие кулаки** и, потрясая ими, продолжал вопить...» [14: 39]. «– И я не видел... не понимал! – говорил он сквозь сжатые зубы, **потрясая около лица одним кулаком**...» [14: 40]. В Толковом словаре В. И. Даля слово *кулак* трактуется как «пясть ручная, с прижатыми к ней пальцами» [17: 215]. Анализ этого слова с точки зрения семантических компонентов показывает присутствие семы «сила», «агрессия», что подтверждается словарной статьёй из словаря под редакцией Д. Н. Ушакова: *кулак* – «Кисть руки, сжатая для удара (выделено нами. – Е. П.)». Грозить кулаком. Сжать кулак» [18: 215]. *Кулак* как соматический объект сам по себе не является нормативным состоянием, поскольку удерживать руки в сжатом виде долгое время физиологически сложно. То есть, в нормальных ситуациях кулака нет – он появляется только в том случае, когда нужен человеку для определённых целей: постучать, погрозыть, показать, ударить и т. п. В контексте рассказа выражения **потряс кулаками; протянул к его лицу свои белые мягкие кулаки** являются знаком того, что жестикующий намерен совершить какое-то действие, а не просто сделать так, чтобы адресат увидел кулак им грозящего. Продемонстрированный жест здесь сообщает о проявлении целого ряда сильных чувств – *гнева, ярости, злости* и приобретает значение любой угрозы силового воздействия, однако совсем не обязательно связанной с демонстрацией кулаков.

Отметим также, что, характеризуя своего героя, А. П. Чехов неслучайно к слову *кулаки* добавляет эпитеты **белый** и **мягкий**. Прилагательное *белый* на основе ассоциативной

связи приобретает метонимическое значение, которое в данном контексте получает социальную значимость. Оно называет не просто признак, но и указывает на принадлежность лица к высшему сословию и, как следствие этого, на социальный характер поведения. Словосочетание *белые кулаки*, усиленное лексемой *мягкие*, содержит оценочный компонент и определяет персонажа как человека не приспособленного к физическому труду. Данное словосочетание сближается со словом *белоручка* – «человек, который чуждается физической или вообще трудной работы» [19: 39]. По мере развития сюжета у прилагательного *белый* наблюдается смещение в сторону периферийной семантики (от общеупотребительной к индивидуально-авторской). В русской культурной традиции «цветонаименование *белый* <...> символизирует чистоту, невинность, умиротворённость» [20: 65]. В тексте произведения данное цветонаименование выходит за пределы устойчивой системы символических обозначений и получает индивидуально-авторскую закреплённость – реализуется значение «чёрствость, бессердечность».

Изменившееся во второй части рассказа речевое поведение Абогина А. П. Чехов также передаёт с помощью кинетических проявлений. Приехав в своё имение, Абогин испытывает смятение и растерянность, поскольку замечает неестественную тишину в доме. «– Если что случится, то ... я не переживу, сказал он, входя с доктором в переднюю и в волнении **потирая руки**» [14: 37]. Для невербальной характеристики А. П. Чехов использует лексические единицы, в значении которых содержится указание на денотативную соотносённость с тем или иным эмоциональным состоянием. Нарастание тревоги здесь демонстрируется невербальной реакцией – *потиранием рук*.

Семантика слова *потирать*, входящего в состав фразеологизма «1. выражать радость, удовлетворение; 2. злорадствовать» [21: 432], содержит компонент рефлекторной эмоциональной нестабильности: «*Потирать руки* – тереть, согреваясь, изъявляя удовольствие, нетерпение» [19: 335]. Акцент делается на выражении внутреннего состояния человека, которое передаётся путём называния внешнего признака – жеста человека при испытываемом эмоциональном возбуждении. Кинетические проявления здесь отражают взволнованность и напряжённость персонажа. Отметим также, что выражение *потирая руки* в данном случае из фразеологически связанного переходит в разряд свободного словосочетания, на что указывает словоформа *в волнении*, то есть, *волнуясь, он потирал руки*.

Обнаружив отсутствие супруги, Абогин в смятении стал произносить обидные речи, после чего, обессиленный и раздавленный горем, доверил доктору свою душу: «Он говорил горячо, **прижимая обе руки к сердцу**, разоблачал свои семейные тайны без малейшего колебания и как будто даже рад был, что, наконец, эти тайны вырвались наружу из его груди» [14: 40]. В данном случае перед нами фрагмент текста, который представляет собой речевой жанр «разговор по душам» (РпД), где «на первый план выходит настроенность на понимание собеседника. <...> РпД сближен с типами коммуникативного поведения, предполагающими глубокое, сочувственное, проникновенное понимание, и часто выступает с ними в одном контексте, например, как синоним искреннего доброжелательного обсуждения по-настоящему важных проблем, подчёркнуто личных...» [22: 157]. Именно в такой роли – сопереживающего, жалеющего и сочувствующего собеседника – Абогин видит доктора Кирилова и поэтому *изливает ему свою душу*. Более того, доктор Кирилов воспринимается Абогиным как собеседник, уподобляемый священнику, у которого всегда можно попросить отеческого участия и психологической (духовной) помощи. Речевое действие *изливать душу*: «Абогин искренно **изливал перед доктором свою душу**» [14: 40] – приобретает смысл сакрального и подкрепляется жестовым рисунком, представленным в тексте преобразованным фразеологическим оборотом *положа руку на сердце*, который имеет значение 'совершенно чистосердечно, откровенно, искренне'. Как было отмечено выше, в поведенческой характеристике Абогина А. П. Чехов использует его как знак отношения к собеседнику и как обозначение его собственного эмоционального состояния. Примечательно, что в первой части рассказа в этом же фразеологизме используется слово *кашне*, намеренно заменившее слово *сердце*. Во второй же части лексема *сердце* возвращается в структуру фразеологизма. Трансформируя идиоматическое сочетание, писатель отмечает изменение внутренней сущности своего персонажа. *Изливая свою душу* и исповедуясь перед доктором, Абогин снимает с себя маску, под которой скрывается доверчивый и мучающийся человек. Писатель показывает, что за внешней деталью модного гардероба – *кашне* у Абогина имеется *сердце* (вместилище души), которое может страдать и чувствовать. С этого момента в тексте произведения происходит резкий поворот событий, по-видимому связанный с тем, что «в русской культуре концепт "открытия души" представляет кульминацию общения» [23: 327].

Во второй части рассказа речевое поведение доктора Кирилова тоже меняется. Меняется и жестовый рисунок. Кирилов ведёт себя не так, как предписывает врачебный кодекс. Он не внимает исповедальному монологу Абогина. Вместо того чтобы посочувствовать и оказать психологическую поддержку, Кирилов реагирует на слова Абогина враждебно: «– Зачем вы всё это говорите мне? Не желаю я слушать! Не желаю! – крикнул он и **стукнул кулаком по столу**. – Не нужны мне ваши пошлые тайны, чёрт бы их взял!» [14: 41]; «– Нет, как вы, зная, что у меня горе, смели привезти меня сюда выслушивать пошлости? – крикнул доктор и опять **стукнул кулаком по столу**» [14: 42]. Налицо коммуникативная конфликтная ситуация, где доктор Кирилов, нарушая нормы медицинской этики, проявляет чувства гнева и раздражения, переданные в тексте словами с негативно-оценочными коннотациями. Мануальный жест «**стукнул кулаком по столу**» подчёркивает эмоциональный фон. В рассказе данный жест, с одной стороны, является действием, к которому прибегает Кирилов в состоянии сильного волнения и негодования, а с другой – своего рода «вызовом», готовностью проявить силу, жёсткость, протест, а также защищать себя, чтобы не стать «*бутафорской вещью*» [14: 42]. Такое поведение вызвало непримиримую реакцию у Абогина – прекращение общения и окончательный разрыв отношений, где своеобразной точкой в финализации диалога становится мануальное невербальное действие **швырнуть деньги**: «*Милостивый государь, вы забываетесь!* – *взвизгнул Абогин*. – *За такие слова... бьют! Понимаете?* Абогин торопливо полез в боковой карман, вытащил оттуда бумажник и, достав две бумажки, **швырнул их на стол**» [14: 42]. Швырять – «кидать, бросать или метать; кидать сильно, стремительно, или **всердцах**» [19: 625]. Слово **всердцах** (в орфографии В. И. Даля) является ключевым, поскольку в его семантике содержится компонент 'гнев, озлобленность', отражающий описание действий Абогина. Причём фрагмент текста «*Милостивый государь, вы забываетесь!* – *взвизгнул Абогин*. – *За такие слова... бьют! Понимаете?*» [14: 42] выступает как имплицитная угроза, выраженная экспрессивной лексикой и постпозитивным элементом, который усиливает степень категоричности речевого акта (*За такие слова... бьют!*). Отметим, что вышеупомянутый мануальный жест *кисть руки, сжатая для удара*, трансформируется здесь в жест швыряния денег.

В целом невербальное поведение персонажей можно представить в виде таблицы.

Таблица / Table

А Б О Г И Н	РЖ	Вербальное выражение	Невербальное выражение
	<i>РЖ приветствия</i>	<i>Очень рад!</i> – обрадовался вошедший и стал искать в потёмках руку доктора, нашёл её и крепко стиснул в своих руках. – <i>Очень... очень рад!</i> ... →	• рукопожатие: «и стал искать в потёмках руку доктора, нашёл её и крепко стиснул в своих руках»
	<i>РЖ просьбы</i>	...Боюсь, что это аневризма... <i>Поедьте...</i> У неё и отец умер от аневризмы. →	• рукопожатие: «и ещё раз начал искать в потёмках руку»
	<i>РЖ мольбы</i>	... <i>Видит Бог</i> , мне стыдно, что я в такие минуты пытаюсь овладеть вашим вниманием, но ... что же мне делать? Судите сами, к кому я поеду? Ведь кроме вас, здесь нет другого врача. <i>Поедьте, ради Бога!</i> Не за себя я прошу... Не я болен! – Доктор, я не истукан, отлично понимаю ваше положение... сочувствую вам! – сказал умоляющим голосом Абогин, прикладывая к своему кашне руку	• хватание за рукав; • прикладывание к кашне руки «сказал умоляющим голосом Абогин, прикладывая к своему кашне руку»
	<i>РЖ угрозы</i>	–	• потрясание кулаками «Абогин тяжело и широко шагнул на середину гостиной, согнулся, простонал и <i>потряс кулаками</i> »
	<i>РЖ разговор по душам</i>	...искренно изливал перед доктором свою душу. →	• положить руку на сердце, прижимать руки к сердцу «Он говорил горячо, <i>прижимая обе руки к сердцу</i> »
	<i>РЖ угрозы</i>	Милостивый государь, вы забываетесь! – взвизгнул Абогин. – <i>За такие слова... бьют!</i> Понимаете?	• «швырнул деньги на стол»
К И Р И Л О В	РЖ	Вербальное выражение	Невербальное выражение
	<i>РЖ молчания</i>	–	• «Кирилов слушал и <i>молчал, как будто не понимал русской речи</i> »
	<i>РЖ отказа</i>	– <i>Извините. Я не могу ехать...</i> Минут пять назад у меня ... умер сын...	• «замахал кистями рук»
	<i>РЖ отказа от диалога</i>	– Зачем вы всё это говорите мне? <i>Не желаю я слушать!</i> <i>Не желаю!</i> – крикнул он и стукнул кулаком по столу.	• «стукнул кулаком по столу»

Заключение

Наблюдая за мануальными жестами в рассказе А. П. Чехова «Враги», отметим, что они составляют существенный элемент текста, поскольку служат важным, естественным и эффективным средством коммуникации главных героев повествования. Жестовый рисунок, наглядно демонстрирующий чеховскую поэтику *детали*, образует специфический слой произведения, параллельный словесному диалогу. Его роль отчётливо наблюдается в перене-

сении литературной основы на экран немого кино – хотя рассказ «Враги» и не был экранизирован в дозвуковую эпоху, мы можем представить, что содержание произведения было бы понятно зрителю даже без текстовых комментариев (интертитров), поскольку каждый речевой жанр, участвующий в формировании институционального дискурса в чеховском рассказе, включает мануальный невербальный знак, как зеркало, отражающий коммуникативное событие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пономаренко Е. А. От врачебного диалога к бытийному конфликту: динамика речевых жанров в рассказе А. П. Чехова «Враги» // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 138–145. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-138-145>
2. Пономаренко Е. А. Типологическая классификация речевых жанров институционального дискурса // *Жанры речи*. 2019. № 2 (22). С. 105–109. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-105-109>
3. Пономаренко Е. А. Речевые жанры в медицинском дискурсе (в произведениях русских писателей-врачей). Симферополь : Дом Писателей им. Домбровского, 2011. 208 с.
4. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи : сб. науч. тр. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.*
5. Дементьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2024. 304 с.
6. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М. : Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
7. Язык и семиотика тела : коллективная монография : в 2 т. Т. 1 : Тело и телесность в естественном языке и языке жестов / отв. рук. Г. Е. Крейдлин. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 670 с.
8. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 562 с.
9. Дунаева О. В. О кинетическом поведении чеховских персонажей // *Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филология. История*. 2010. № 57. С. 31–34.
10. Жень Фэй. Невербальная коммуникация и её отражение в художественном тексте (на материале произведений А. П. Чехова). URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1659345013&tld=ru&lang=ru&name=zhen-fej.pdf&text> (дата обращения: 17.06.2024).
11. Мухаметов Д. Б. Молчание как компонент диалогического фрагмента текста в прозаических произведениях А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 25 с.
12. Николаева Н. Д. Лингвострановедческая интерпретация невербальных средств коммуникации в иностранной аудитории: на материале произведений А. П. Чехова : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 24 с.
13. Постнова Д. В. Жест как ключевой элемент литературной традиции (на примере произведений А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова) // *Вестник Вятского гуманитарного университета*. 2008. № 4, ч. 2. С. 140–143.
14. Чехов А. П. Враги // *Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 6. М. : Наука, 1985. 733 с.*
15. Язык и семиотика тела : коллективная монография : в 2 т. Т. 2. Естественный язык и язык жестов в коммуникативной деятельности человека / отв. рук. Г. Е. Крейдлин. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 488 с.
16. Большая медицинская энциклопедия : в 35 т. / под ред. Н. А. Семашко. М. : Советская энциклопедия, 1928. Т. 2. 790 стлб.
17. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М. : Русский язык, 2000. Т. 2. 699 с.

18. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : АСТ ; Астрель, 2000. Т. 1. 940 с.
19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. акад. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.
20. Крапивник Е. В. Цветонаименования: аспекты систематизации. М. : Флинта ; Наука, 2014. 144 с.
21. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель ; АСТ, 2008. 878 с.
22. Дементьев В. В. Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с.
23. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с. (*Studia Philologica*).

REFERENCES

1. Ponomarenko E. A. From a medical dialogue to an existential conflict: The dynamics of speech genres in A. P. Chekhov's short story "Enemies". *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 2 (38), pp. 138–145 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-138-145>
2. Ponomarenko E. A. Typological classification of the speech genres of institutional discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 105–109 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-105-109>
3. Ponomarenko E. A. *Rechevye zhanry v meditsinskom diskurse (v proizvedeniyakh russkikh pisateley-vrachey)* [Speech genres in medical discourse (in the works of Russian medical writers)]. Simpheropol, Dom Pisateley im. Dombrovskogo, 2011. 208 p. (in Russian).
4. Shmeleva T. V. Speech genre model. *Zhanyr rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
5. Demytyev V. V. *Integralnoye opisaniye rechevykh zhanrov* [Integral description of speech genres]. Saratov, Saratov State University Publ., 2024. 304 p. (in Russian).
6. Kreidlin G. E. *Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noi kommunikatsii* [Men and women in non-verbal communication]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. 224 p. (in Russian).
7. *Yazyk i semiotika tela: kollektivnaya monografiya: v 2 t. T. 1. Telo i telesnost' v yestestvennom yazyke i yazyke zhestov. Otv. ruk. G. E. Kreidlin* [Kreidlin G. E., eds. man. Body language and semiotics: in 2 vols. Vol. 1. Body and physicality in natural language and sign language: Collective monograph]. Moscow, New Literary Review Publ., 2020. 670 p. (in Russian).
8. Matveeva T. V. *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov* [A complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don, Phenix, 2010. 562 p. (in Russian).
9. Dunaeva O. B. On the kinetic behavior of Chekhov's characters. *Vestnik of Novgorod State University. Ser.: Philology. History*, 2010, no. 57, pp. 31–34. (in Russian).
10. Zhen Fei. *Neverbalnaya kommunikaciya i yeyo otrazheniye v hudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenii A. P. Chkhova)* (Nonverbal communication and its reflection in fiction (based on the works of A. P. Chekhov)). Available at: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1659345013&tld=ru&lang=ru&name=zhen-fej.pdf&text> (accessed June 17, 2024) (in Russian).
11. Muhametov D. B. *Silence as a Component of a Dialogical Text Fragment in the Prose Works of*

A. P. Chekhov. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Rostov-on-Don, 2009. 25 p. (in Russian).

12. Nikolaeva N. D. *Linguistic and Cultural Interpretation of non-verbal Means of Communication in a Foreign Audience: Based on the Works of A. P. Chekhov*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2005. 24 p. (in Russian).

13. Postnova D. V. Gesture as a key element of literary tradition (on the example of the works of A. S. Pushkin, F. M. Dostoevsky and A. P. Chekhov). *Herald of Vyatka State University*, 2008, no. 4, part 2, pp. 140–143 (in Russian).

14. Chehov A. P. *Enemies. Collected Works: in 30 vols*. Moscow, Nauka, 1985. Vol. 6. 733 p. (in Russian).

15. *Yazyk i semiotika tela: kollektivnaya monographia: v 2 t. T. 2. Yestestvenny yazyk i yazyk zhestov v kommunikativnoy deyatel'nosti cheloveka. Otv. ruk. G. E. Kreidlin* [Kreidlin G. E., eds. *Body language and semiotics: in 2 vols. Vol. 2. Natural language and sign language in human communication*]. Moscow, New Literary Review Publ., 2020. 488 p. (in Russian).

16. *Bol'shaya Meditsinskaya Entsiklopediya: v 35 t. Pod red. N. A. Semashko* [Semashko N. A., ed. *The Great Medical Encyclopedia: in 35 vols.*] Moscow, Sovetskaya Entsyclopedia, 1928, vol. 2. 790 col. (in Russian).

17. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Liv-

ing Great Russian Language: in 4 vols]. Moscow, Russkii jazyk, 2000, vol. 2. 699 p. (in Russian).

18. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. Pod red. D. N. Ushakova* [Ushakov D. N., ed. *Explanatory dictionary of the Russian language : in 4 vols*]. Moscow, AST, Astrel, 2000, vol. 1. 940 p. (in Russian).

19. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov. Pod. red. N. Yu. Svedovoi* [Shvedova N. Y., ed. *The Explanatory Dictionary of the Russian language inclusive information about origin of the words*]. Moscow, Azbukovnik, 2008. 1175 p. (in Russian).

20. Krapivnik E. V. *Tsvetonaimenovaniya: aspekty sistematizatsii* [Color naming: Aspects of systematization]. Moscow, Flinta, Nauka, 2014. 144 p. (in Russian).

21. Fyodorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo jazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, AST, Astrel, 2008. 878 p. (in Russian).

22. Dementyev V. V. *Rechezhanrovyje kommunikativnyje tsenosti v novykh i noveishikh sferakh russkoi rechi* [Speech Genres Communicative Values in New and Newest Areas of Russian Speech]. Saratov, Saratov State University Publ., 2016. 396 p. (in Russian).

23. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkiye rechevy zanry* [Russian speech genres]. (Studia Philologica). Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 06.08.2024; одобрена после рецензирования 28.09.2024; принята к публикации 28.09.2024; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 06.08.2024; approved after reviewing 28.09.2024; accepted for publication 28.09.2024; published 02.03.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 87–92

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 87–92

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-87-92>, EDN: WVUDPF

Научная статья

УДК 821.161.1-312.5.09|19|

От классики к модернизму: жанр параллели в фельетонной критике

А. С. Александров

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Отдел новейшей русской литературы, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4

Александров Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, aspiros.83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8611-6490>

Аннотация. Статья посвящена жанру и приему параллели в фельетонной критике начала XX в. Рассмотрены теоретические работы, посвященные разным аспектам анализируемого явления, сформулирована задача исследования – расширить теоретические представления о жанре параллели, а также выявить ее дополнительные характеристики и особенности. Предметом исследования стали статьи о модернистской литературе ведущих критиков-фельетонистов начала XX в., сотрудников ведущих столичных изданий «Биржевые ведомости», «Слово», «Русское слово» А. В. Амфитеатрова, В. Ф. Боцяновского, А. А. Измайлова. В исследовании особо выделена роль классической русской литературы в построении параллелей при рецензировании произведений писателей-современников. Сопоставление с классикой позволяло критикам подняться на уровень автора произведения, разъяснить новые творческие интенции и эстетические поиски новых художественных направлений. Также рассмотрены случаи комических приемов при построении параллелей, являвшихся в том числе выражением критического отношения к рецензируемым произведениям.

Ключевые слова: жанр, прием, фельетон, критика, параллель, парафраз, пародия, классика, модернизм, символизм

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, грант № 24-18-00762 «Классики русской литературы второй половины XIX века: биографические “пересечения”, критическая рецепция и интертекстуальные связи», ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Александров А. С. От классики к модернизму: жанр параллели в фельетонной критике // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 87–92. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-87-92>, EDN: WVUDPF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From classics to modernism: The genre of parallel in feuilleton criticism

A. S. Aleksandrov

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) RAS, Department of Contemporary Russian Literature, 4 Makarov Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

Aleksandr S. Aleksandrov, aspiros.83@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8611-6490>

Abstract. The article deals with the genre and technique of parallel in feuilleton criticism of the early 20th century. The introduction examines theoretical works on various aspects of the analyzed phenomenon and formulates the task of the research – to expand theoretical ideas about the parallel genre, as well as to identify its additional characteristics and features. The basis of the research was formed by articles on modernist literature by leading feuilleton critics of the early 20th century, employees of the leading metropolitan editions *Birzhevye Vedomosti*, *Slovo*, *Russkoye Slovo* of A. V. Amfiteatrov, V. F. Botsyanovsky, A. A. Izmailov. The study particularly emphasizes the role of classical Russian literature in constructing parallels when reviewing works by contemporary writers. Comparison with the classics allowed critics to rise to the level of the author of the work, explain new creative intentions and aesthetic searches for new artistic directions.

Also, the article considers the cases of comic techniques in constructing parallels, which are, among other things, an expression of a critical attitude towards the reviewed works.

Keywords: genre, technique, feuilleton, criticism, parallel, paraphrase, parody, classics, modernism, symbolism

Acknowledgments. This research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-00762 “Classics of Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: Biographical “Intersections,” Critical Reception, and Intertextual Connections,” Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Aleksandrov A. S. From classics to modernism: The genre of parallel in feuilleton criticism. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 87–92 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-87-92>, EDN: WVUDPF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Настоящая статья посвящена параллели в фельетонной критике начала XX в. Рассматриваемая историками литературы и как жанр, и как прием, – параллель становилась предметом исследований в работах литературоведов разных поколений. В изысканиях последних лет это явление наиболее обстоятельно рассмотрено в трудах В. Н. Крылова [1–3] на примере символистской критики. Ранее к этому явлению обращался в своих работах Б. Ф. Егоров [4] и В. В. Перхин [5]. Вслед за Крыловым мы исходим из того, что в основе этого жанра лежит сопоставление, а «критик использует композиционные возможности со- и противопоставлений, позволяющие говорить о чертах конкретных различий, о точках соприкосновения» [1: 168].

Укоренившаяся в литературной критике еще со времен В. Г. Белинского, параллель приобретает особое развитие и широкое распространение в разных литературно-критических парадигмах начала XX в.: символистской, марксистской, имманентной и пр.

Такое широкое распространение этого явления закономерно. С одной стороны, сравнение, лежащее в основе приема/жанра параллели, является универсальным принципом литературной критики: «Самый верный способ изучения и толкования литературных произведений это – последовательное шествие к истине путем сопоставлений, сближений и аналогий» [6: 4], – отмечал Л. П. Гроссман в этюде, посвященном Ап. Григорьеву.

В то же время развитию параллели способствовала эпоха рубежа веков, ознаменовавшаяся поиском новых методов, форм и языка при анализе художественных произведений. Не последнюю роль в развитии приема параллелей играла сама литература серебряного века, с ее широкой обращенностью к высоким античным образцам, мировой и отечественной классике, древнерусской словесности и народной культуре, подсказывавших первым ин-

терпретаторам пути анализа поэзии и прозы «смутного неуловимого».

В настоящей работе мы обратимся к параллелям в фельетонной критике начала XX в. на примере откликов таких известных зоилов рубежа веков, как А. А. Измайлов, В. Ф. Бояцановский и А. В. Амфитеатров, сотрудников ряда авторитетных периодических изданий, в том числе газет «Биржевые ведомости», «Русское слово», «Слово». Предметом исследования параллель в этой литературно-критической парадигме еще не становилась. Между тем этот жанр широко и разнообразно представлен в фельетонной критике, его анализ позволит выявить дополнительные характеристики и особенности исследуемого явления.

Основная часть

Сопоставление с классикой

Обращение к классике при критическом анализе художественных произведений писателей-символистов являлось излюбленным приемом критиков-фельетонистов, основывающихся в своей оценке писателей-модернистов на позитивистском теоретическом фундаменте. Так, рецензируя произведения авторов-современников, фельетонисты включали их в определенную литературную традицию, опираясь в этом на высказывания самих поэтов о своем творчестве и на собственное художественное чутье. А. А. Измайлов о творчестве А. Блока писал: «Через век реализма, через практицизм и холод 90-х – как-то таинственно прорвалась, пробилась, просочилась романтика времени Жуковского¹ и воплотилась в человеке, считающем 1880 год – годом своего рождения»².

Такой метатекстуальный подход, попытки найти диалогические связи новой поэзии с предшествующей литературной традицией, стремление вписать того или иного автора

¹См: Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф. Ф. Фидлер. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 86–87.

²Измайлов А. А. Пестрые знамена: (Литературные портреты безвременья). М. : Т-во И. Д. Сытина, 1913. С. 58–59.

в близкую и знакомую критику эпоху обусловлены, с одной стороны, желанием понять поэзию «сонного сознания», и с другой – помочь публике подняться на уровень автора произведения, разъяснить новые творческие интенции, эстетические принципы нарождающегося художественного направления. Так, связав поэзию А. Блока с творчеством Полонского, Измайлов открывает дополнительные смыслы в поэзии автора сборника «Стихи о Прекрасной Даме» и вполне точно угадывает один из источников вдохновения поэта: «В Блоке многое от Полонского. Его желание подметить смутность человеческих грез, его наивность, почти порою детскость. Как Полонский не боялся страшно обыденных слов, которых с ужасом бежал бы наш классик 30–40-х гг. <...> так Блок смело замыкает их в свой стих. Он играет на определенной прелести вторжения в его поэтические сны будничного, обыкновенного, серенького, придающего им такой колорит жизненной уютности и правды»³.

Подобный же подход применял в своей практике А. В. Амфитеатров. В фельетоне, посвященном выходу книги К. Бальмонта «Будем как солнце», критик провел прямые параллели творчества символиста практически со всеми достижениями ведущих представителей классической поэзии русской литературы XIX в. Самопрезентация Бальмонта, выразившаяся в сборнике в самовосхвалении, самовлюбленности и констатации собственного величия, позволила Амфитеатрову провести прямые параллели с пушкинским «Памятником»: «Пушкин заговорил о своем величии *post factum* двадцатилетнего огромного творчества. Г. Бальмонт – когда еще никакого творчества не было <...> Пушкин покупал свой памятник за наличные деньги, г. Бальмонт желает обзавестись Памятником в долгосрочный кредит. В этом очень существенная разница между “самохвальством” Пушкина и самолюбованием г. Бальмонта, – конечно, не к выгоде последнего»⁴. Несмотря на ряд определенных негативных реплик, фельетон, в целом, написан в положительных тонах. Обратившись к стихотворению «Я – изысканность русской медлительной речи...» и конкретно ко второму стиху, возмущившему многих современников (в нем Бальмонт провозгласил, что пред ним «другие поэты – предтечи»), Амфитеатров проводит ряд прямых параллелей с предшественниками. Так стихотворение «Влага» возведено к лучшим произведениям

Фета; «Дождь», «Вербы» – к произведениям А. К. Толстого, а целый ряд «патетических размышлений» в стихотворениях символиста соотносит со «светотенями и полутонами» Ф. И. Тютчева. Тем самым критик, сопоставляя отдельные произведения Бальмонта с предшествующей поэтической традицией, наследует логике автора сборника «Будем как солнце» и доказывает его тезис о «предтечах». Основным же приемом в аргументации критика становится параллель, вырастающая в целом ряде фельетонов Амфитеатрова до жанрообразующего метода.

В построении параллелей критикам-фельетонистам принадлежат несомненные заслуги: они, ориентируясь на массового читателя, следовательно, находясь в постоянных поисках средств выразительности (с прицелом на занимательность), разнообразили прием, выводя в своих работах параллели «писатель – мифологический герой / литературный герой» (М. Кузмин – Приап, Антиной; Брюсов – Протей, Ахиллес), а также эстетические понятия (Дионис, мистерия, и т. д.). Отдельные произведения сравнивались с патологическими состояниями («Больные сны в литературе и “Черные маски” Андреева», «Беллетристика бреда и повесть “Тишина и старик”», «Дневник неврастеника и “Проклятие зверя”»).

Творчество символистов сопоставляется с определенными направлениями в искусстве (импрессионизм) и даже отдельными видами искусства (музыка). В этом отношении характерна статья В. Ф. Боцяновского, в которой он иронически сравнивает «Симфонии» А. Белого, встреченные практически всеми рецензентами крайне негативно, со звучащей музыкой: «Андрей Белый стремится играть пером, хочет, чтобы из книги, как из нотной партитуры, звучали ноты, неслись симфонии. Книга-граммофон – изобретение действительно новое»⁵. Вердикт критика неутешительный: «Слишком уж это “серьезная” музыка, и в большом количестве прямо-таки нестерпимая»⁶.

Значительное количество параллелей представлено в фельетонах, посвященных представителям так называемого «неоархаизма» или писателям-«стилизаторам». К таковым критики относили Вяч. Иванова («Эрос»), С. Городецкого («Ярь»), А. Ремизова («Лимонарь»), С. Ауслендера («Золотые яблоки»), В. Брюсова («Огненный Ангел»), М. Кузмина. Их творчество давало повод к самым широким и разнообразным сопоставлениям.

³Измайлов А. Помрачение божков и новые кумиры. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. С. 220.

⁴Аббадона [Амфитеатров А. В.]. Мысли о поэтах // Русь. 1904. 9 авг. № 237. С. 3.

⁵Боцяновский В. Критические наброски // Русь. 1904. 27 марта. № 105. С. 3.

⁶Там же.

Так, первый сборник С. Городецкого «Ярь» позволил Измайлову провести сразу несколько параллелей, что отразилось в заглавии фельетона: «“Ярь” С. Городецкого. – Поэзия хлыстовщины. – Возрождение народной песни». Критик последовательно сопоставляет стилизации Городецкого под старинный лад с «докультурной поэзией», ее переменчивыми ритмами и рефренами с «экстатическими хлыстовскими формами». Наиболее убедительно эти параллели показаны на примере стихотворения «Славят Ярилу» (1905). Отмечая в сборнике «струю национальности» и проникновение образностью «древнерусской мифологии», Измайлов проводит еще одну параллель поэзии модерниста с народной песней. Критик отмечает: «Он действительно проникся образностью древнерусской мифологии. Его песни в народном духе передают всю подлинную прелесть народной наивности, капризности и звонкой музыкальности, для которой сам народ иногда допускает логическую неясность в содержании»⁷.

Если стилизации Городецкого Измайлов сопоставляет с народной традицией, то творческие поиски Вяч. Иванова не без иронии удостаивались параллелей с книжной традицией XVIII в. В ряде своих статей об Иванове Измайлов, вписывая поэта в контекст модернистской литературы, соотносит с «державинской одой», отмечает обращенность поэта «к пиндарическому парению, к заржавевшим железным словам, какими звенел певец Филицы»⁸. Критик пишет о Вяч. Иванове как о «опоздавшем на целый век», указывает на «косноязычие, вызывающее в памяти даже не Тредьяковского, а злополучного питу Кухельбекера»⁹.

Сопоставляя произведения стилизаторов с книжными традициями разных эпох (лирику Кузмина с карамзинским мадригалом; роман Брюсова «Огненный ангел» – с готическим романом «Мельмот-Скиталец» или гофмановским «Элексиром Сатаны»; «Золотые яблоки Ауслендера» с новеллами «Декамерона»), Измайлов проводит параллели с традициями стилизации, характерными для классической литературы XIX в.: «В самой стилизации в широком смысле нет ничего нового. Разве Пушкин не стилизовал своего Годунова, восстанавливая его век, и Лермонтов не брал для своего “Мцыри” то, что именно стильно для послушника? А “Запечатленный ангел”,

а все “В лесах” Печерского, а “История одного города” Салтыкова, а “Прологи” Льва Толстого? Такая благородная, знающая свое место, не претендующая на какое-то новое слово и на открытие новых Америк стилизация всегда была и будет, и у нее есть все резоны бытия»¹⁰.

Параллель как комический прием

Прием параллели часто выступает в работах критиков-фельетонистов в эстетической функции, для выявления стилистических особенностей рецензируемого автора, демонстрации художественного своеобразия и колорита (выраженного пророй в причудливости формы, эксцентричности, экзотике, сенсационности). Для достижения этих целей обозреватели прибегали не к традиционным поэтическим приемам «серьезной» критики толстых журналов, а неординарным решениям – в том числе к комическим приемам. Измайлов писал: «Критика перешла в газеты и вылилась в легкие формы литературного обозреательства. Газета ищет злободневного, шумящего, потому что любит смех»¹¹.

Комические приемы – важная составляющая эстетической программы авторов фельетонной критики. При этом эти поэтические приемы вводились в текст не только с целью развлечения и занимательности; через комическое фельетонисты выражали критическое отношение к рецензируемым произведениям (ср.: «смех <...> всегда в скрытой или явной форме содержит в себе критическое начало» [7: 441]).

Высмеивались разные творческие поиски символистов в области композиции и метрических новаций, эстетизации и эмансипации тем любви, чрезмерное увлечение мифологизацией и пр. В отношении последней темы критик Измайлов даже выдвинул девиз: «Так на “мифотворчество” у нас отвечают “смехотворчеством”». Критик верен своему лозунгу в целом ряде оригинальных заглавий-параллелей: «Торжествующий Приап и соревнователи маркиза де-Сада в русской литературе», «Торжество Приапа и альманах “Жизнь”», «Эфиопская увеселительная магия и беллетристика-модерн», «Современный титанизм и эротоманство», «Лирика космоса и mania grandiosa», «Измельчавший русский Мефистофель и передронщина» и др.¹²

⁷Измайлов А. А. Литературные беседы // Русское слово. 1907. 10 марта. № 56. С. 1.

⁸Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры. С. 75.

⁹См.: Измайлов А. А. Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. С. 42.

¹⁰Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры. С. 94.

¹¹Измайлов А. А. Стихотворная вата // Биржевые ведомости. Утр. вып. 18 окт. № 10156. С. 2.

¹²См., например названия статей критика в газете «Русское слово» [8].

Параллелизм, наблюдающийся в заглавиях фельетонов, в полной мере отразился и в содержательной части, обнаруживаясь в расширенных сопоставлениях, образных парафразах и пародиях. Пародия для фельетонистов нередко служила продолжением аргументации, являлась частью доказательной базы взглядов на современную русскую литературу в комическом изводе. Потому нередко пародии вплетались в ткань фельетонов, становясь их неотъемлемой частью. Однако чаще пародии выступали отдельными самостоятельными произведениями, дополняя ранее сказанное в критическом обзоре.

В этом плане характерны несколько пародий Измайлова, например, «Любовь у старых и новых писателей» и «История русской лирики от Тредиаковского до Кузмина»¹³. Уже в обоих заглавиях наблюдается параллель, выраженная в оппозиционном столкновении старого и нового, а также имен В. К. Тредиаковского – одного из основателей силлаботонического стихосложения в России в XVIII в., и М. Кузмина – поэта-символиста, мастера свободного стиха, поднимавшего в своих произведениях в том числе табуированные темы. Отметим, что пародии продолжают тему ряда фельетонов Измайлова о конфликте «века нынешнего и века минувшего» в литературе¹⁴. Симпатии критика на стороне классической литературы, что выражено и в определениях любовной лирики: «Любовь сентиментальная. Школа Карамзина», «Любовь романтическая», «Любовь к женщине-гражданке. Некрасовская школа» и т. д. Любовная лирика представителей модернизма определяется эмоциональными определениями – «любовь inferнальная», «экзотическая», «стиля архимоден». Завершается же этот цикл шаржем «1907 год: Последний крик моды» – пародией на Куз-

мина, в последних строках которой, эпатируя современного читателя, автор заключал:

«Долой былые очаги культуры!
Да здравствует же Лесбос и Садом!»

Заключение

Таким образом, параллель, широко представленная в разных литературно-критических парадигмах, была не менее репрезентирована в фельетонной критике начала XX в. Во многом это связано с общими тенденциями литературного процесса эпохи. По замечанию С. И. Якимовой, «обладая высоким аналитическим потенциалом, жанровая версия критической параллели “два в одном” в высшей степени отвечала запросам переломной эпохи, требовавшей широких сопоставлений, поиска аналогий, обнаружения контрастов для уяснения ведущих тенденций эстетического развития» [9: 63]. В то же время распространению этого жанра способствовали эксперименты писателей-модернистов с их обращенностью к контекстам мировой культуры, поисками в области стиха и поэтики. Все это подсказывало критикам направления для выстраивания параллелей. Особое место здесь занимала русская классика, сопоставления с которой помогали критикам и самим разобраться в поисках модернистов и разъяснить читателям новаторство и преемственность произведений современных авторов. К таким параллелям критики прибегали не только с целью усилить авторскую позицию ссылкой на авторитет классика; в ряде случаев обращение к подобным приемам необходимо было для достижения комического эффекта. Комическое в таких случаях выступало как проявление критической позиции автора по отношению к современной литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крылов В. Н. Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры. Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2005. 268 с.
2. Крылов В. Н. Жанр литературной параллели в критике Д. С. Мережковского // XIV Пуришевские чтения : сб. статей и материалов : в 2 ч. Ч. 1. М. : МПГУ, 2002. С. 159–160.
3. Крылов В. Н. Литературно-критические параллели русских символистов // Русский символизм

и мировая культура : сб. науч. тр. Вып. 4. М. : ЭКОН-информ, 2012. С. 136–143.

4. Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Л. : Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1980. 318 с.
5. Перхин В. В. «Открывать красоты и недостатки...»: Литературная критика от рецензии до некролога : Серебряный век. СПб. : Лицей, 2001. 256 с.
6. Гроссман Л. П. Аполлон Григорьев: (К пятидесятилетию смерти) // Русская мысль. 1914. № 11. С. 1–19.
7. Крылов В. Н. Комические формы и приемы в массовой газетно-журнальной критике начала XX века // Писатель – критика – читатель: механизмы форми-

¹³См.: Измайлов А. А. Кривое зеркало: Пародии и шаржи. СПб. : журн. «Театр и искусство», 1908. С. 64–77, 92.

¹⁴См., например: Измайлов А. А. 1) Литературные беседы: Спор старого и нового. – Неоархаизм, Державин, Вячеслав Иванов и Вильгельм Кюхельбекер // Русское слово. 1907. 15 мая. № 110. С. 2; 2) Литературные беседы: Век нынешний и век минувший. – Начинаящий писатель теперь и в старину // Слово. 1908. 29 февр. № 523. С. 2; 3) Новый хмель на старых руинах // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1909. № 10932. 29 января. С. 2 и др.

рования литературной репутации в России во второй половине XIX – первой трети XX вв. : кол. моногр. / отв. ред. А. С. Александров. СПб. : Росток, 2022. С. 439–459.

8. Шапкина О. И. Публикации А. А. Измайлова в газете «Русское слово» (1905–1916): Библиографический список // Новое литературное обозрение. 2024. № 2 (186). С. 359–378.

9. Якимова С. И. Жанр критической параллели в литературной критике Русского зарубежья Дальнего Востока: (На материале творчества Вс. Н. Иванова) // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64), ч. 3. С. 63–65.

REFERENCES

1. Krylov V. N. *Russkaia simbolistskaia kritika: genezis, traditsii, zhanry* [Krylov V. N. Russian Symbolist Criticism: Genesis, Traditions, Genres]. Kazan', Kazan State University Publ., 2005. 268 p. (in Russian).

2. Krylov V. N. The Genre of Literary Parallel in the Criticism of D. S. Merezhkovsky. *XIV Purishevskie chteniia: sb. statei i materialov: v 2 ch. Ch. 1* [XIV Purishov Readings: Coll. of arts and materials: in 2 parts. Part 1]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2002, pp. 159–160 (in Russian).

3. Krylov V. N. Literary-critical parallels of Russian symbolists. *Russkii simbolizm i mirovaia kul'tura: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 4* [Russian Symbolism and World Culture: Coll. of sci. paper, iss. 4]. Moscow, EKON-inform, 2012, pp. 136–143 (in Russian).

4. Egorov B. F. *O masterstve literaturnoi kritiki* [On the Mastery of Literary Criticism]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. Leningr. otd-nie, 1980. 318 p. (in Russian).

5. Perkhin V. V. “*Otkryvat' krasoty i nedostatki...*”: *Literaturnaia kritika ot retsenzii do nekrologa: Serebrianyi vek* [“Discovering beauty and shortcomings...”: Literary criticism from review to obituary: Silver Age]. Saint Petersburg, Litsei, 2001. 256 p. (in Russian).

6. Grossman L. P. Apollon Grigoriev: (On the fiftieth anniversary of his death). *Russkaia mysl'*, 1914, no. 11, pp. 1–19 (in Russian).

7. Krylov V. N. Logical forms and techniques in mass newspaper and magazine criticism of the early 20th century. In: *Pisatel' – kritika – chitatel': mekhanizmy formirovaniia literaturnoi reputatsii v Rossii vo vtoroi polovine XIX – pervoi tretii XX vv.: koll. monogr. Otv. red. A. S. Aleksandrov* [Aleksandrov A. S., ed. Writer – critic – reader: Mechanisms for the formation of literary reputation in Russia in the second half of the 19th and first third of the 20th centuries: Coll. monograph]. Saint Petersburg, Rostok, 2022, pp. 439–459 (in Russian).

8. Shapkina O. I. Publications of A. A. Izmailov in the newspaper “*Russkoe slovo*” (1905–1916): Bibliographic list. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2024, no. 2 (186), pp. 359–378 (in Russian).

9. Iakimova S. I. The genre of critical parallel in literary criticism of the Russian diaspora in the Far East: (Based on the work of Vs. N. Ivanov). *Philology. Theory and Practice*, 2016, no. 10 (64), pt. 3, pp. 63–65 (in Russian).

Поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 20.11.2024; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 20.11.2024; published 02.03.2026

ЖАНРЫ СМИ

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 93–103

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 93–103

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-93-103>, EDN: XEOPGY

Научная статья

УДК 821.161.1-7.09:811.161.1'38'42

Фельетоны «Клуба 12 стульев»: сатира как ключ к бахтинскому «сотворчеству понимающих»**А. В. Дегальцева**

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Аннотация. Сатира – способ критического осмысления действительности, позволяющий журналисту имплицитно выражать негативную оценку социально значимых явлений и формировать у своей аудитории определённую гражданскую позицию. Одним из сатирических жанров речи является фельетон. Осмысление содержания фельетона и породившего его социокультурного контекста, выявление отражённой в нём проблемы и поиск путей её решения делают читателя участником процесса, который М. М. Бахтин называл «сотворчеством понимающих». Сегодня благодаря свободе слова фельетон оказывается не слишком востребованным, однако авторитетные литературно-публицистические издания, например, «Литературная газета», по-прежнему его публикуют. В «Литературной газете» фельетоны обычно располагаются в юмористической рубрике «Клуб 12 стульев» и сохраняют черты, свойственные этому художественно-публицистическому жанру речи: злободневность, сатирическое преломление действительности, типизацию образов, активное использование средств непрямого общения и др. Цель данной работы – анализ приёмов, которые используют фельетонисты «Клуба 12 стульев» для воздействия на адресата и вовлечения его в процесс критического осмысления действительности. Изучение фельетонов, опубликованных в «Литературной газете» с 2018 по 2024 г., показало, что они вбирают в себя и творчески перерабатывают черты других жанров речи (рассказа, сказки, беседы, репортажа, бизнес-плана и др.). Фельетонисты «Клуба 12 стульев» включаются в диалог с читателем, апеллируя к его фоновым знаниям, картине мира, навыкам интерпретации. Приёмами актуализации критического мышления адресата в фельетонах «Клуба 12 стульев» являются абсурдизация действительности, использование подтекста и интертекста, языковая игра, выбор наиболее подходящих для решения коммуникативных задач тропов и фигур речи (иронии, гиперболы, гротеска, каламбура, метафоры, метонимии, парцелляции и др.), пародирование стилистических и структурных особенностей текстов других жанров. Ассоциативно-смысловое наполнение фельетонов в «Литературной газете» расширяется за счёт сопровождения работами карикатуристов.

Ключевые слова: фельетон, сатира, сатирические жанры в СМИ, «Литературная газета», «Клуб 12 стульев»

Для цитирования: Дегальцева А. В. Фельетоны «Клуба 12 стульев»: сатира как ключ к бахтинскому «сотворчеству понимающих» // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 93–103. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-93-103>, EDN: XEOPGY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The feuilletons of the “12 Chairs Club”: Satire as the key to Bakhtin’s “co-creation of those who understand”**A. V. Degaltseva**

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Degaltseva, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Abstract. Satire is a way of critical comprehension of the reality, allowing a journalist to implicitly express a negative assessment of socially significant phenomena, forming a certain civic position in the audience. One of the satirical genres of speech is the feuilleton. Understanding the content of the feuilleton and the socio-cultural context that gave rise to it, identifying the problem reflected in it and finding ways to solve it make the reader a participant in the process that M. M. Bakhtin called “co-creation of those who understand”. Nowadays, due to the freedom of speech, the feuilleton is not very popular in democratic media, but some Russian literary and journalistic editions still publish it. In the “Literaturnaya Gazeta” the feuilletons are usually placed in the humorous section “The 12 Chairs Club”. They retain the features peculiar to this artistic and journalistic genre of speech: topicality, satirical refraction of reality, typification of images, active use of means of indirect communication, etc. The purpose of this work is to analyze the techniques used by the authors of the feuilletons to influence the addressee and involve him in the process of critical reflection of the reality. The study of the feuilletons published in the “12 Chairs Club” from 2018 to 2024 showed that they absorb and creatively process the features of other genres of speech (short story, fairy tale, conversation, reportage, business plan, etc.). The authors of the feuilletons of the “12 Chairs Club” start their dialogue with the reader, appealing to their background knowledge, worldview, and interpretation skills. The techniques of actualizing the addressee’s critical thinking in the feuilletons of the “12 Chairs Club” are the following: absurdization of reality, the use of subtext and intertext, language play, the choice of the most suitable tropes and figures of speech for solving communicative tasks (irony, hyperbole, grotesque, pun, metaphor, metonymy, parcellation, etc.), parody on stylistic and structural features of other genres. The associative and semantic content of the feuilletons in the “Literaturnaya Gazeta” is expanded by accompanying their texts with the works of cartoonists.

Keywords: feuilleton, satire, satirical genres in the media, “Literaturnaya Gazeta”, “12 Chairs Club”

For citation: Degaltseva A. V. The feuilletons of the “12 Chairs Club”: Satire as the key to Bakhtin’s “co-creation of those who understand”. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 93–103 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-93-103>, EDN: XEOPGY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сатира как способ критического осмысления действительности

Информационная политика успешных СМИ направлена, прежде всего, на удержание внимания аудитории и поддержание постоянного контакта с ней. Этого можно добиться путём соотнесения языковых средств с ожиданиями, особенностями восприятия и интеллектуальными возможностями адресата. Сегодня читатель становится активным участником процесса смыслопорождения художественного и публицистического произведения [1]. Он не просто воспринимает написанное, но и сам вовлекается в процесс сотворчества посредством этической и эстетической оценки позиции автора текста. Вот почему М. М. Бахтин называл чтение процессом «сотворчества понимающих» [2]. Он писал: «слушающий, воспринимая и понимая значение (языковое) речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней (полностью или частично), дополняет, применяет её», ведь понимание написанного «носит активно ответный характер» [2: 246].

Критическое отношение к действительности – фундамент, заложивший основы демо-

кратического общества. Способность мыслить критически оказывается особенно востребованной в современном мире с его стремительно меняющейся системой ценностей и перераспределением зон культурного и политического влияния. Одним из инструментов критики выступает сатира, которую М. М. Бахтин определял как «образное отрицание современной действительности», уходящее своими корнями в народную смеховую культуру [3: 10]. СМИ, освещающие важнейшие социально-политические мировые события, активно и умело пользуются этим инструментом.

Юмор преломляет события и факты через призму этики, эстетики, обычаев и социокультурных норм [4], но если задача юмора – вызывать смех, то целью сатиры является ещё и критика действительности. Сатира позволяет журналисту выражать косвенную, но – вместе с тем – непредвзятую и смелую оценку анализируемых им явлений. По справедливому замечанию Е. В. Выровцевой, задачами сатиры являются «стимулирование, убеждение и побуждение, при этом информирование превращается в фон для формирования у представителей аудитории такого понимания действительности, которое отвечает, с точ-

ки зрения автора, ценностным ориентациям общества» [5: 18]. Одним из сатирических публицистических жанров является фельетон.

Фельетон как жанр журналистского дискурса

Фельетон – французский феномен. Первоначально фельетоном называли приложение к французским политическим газетам, содержащее юмор, светские сплетни, шарады, эпиграммы, литературную критику и под. [6]. В творчестве русских писателей и публицистов фельетон как самостоятельный жанр сформировался в XIX в. Особенно востребованной обличающая сила фельетона была в советский период, поскольку способствовала формированию общественного мнения и активному участию граждан в жизни молодого государства [7]. Сегодня, по наблюдениям Л. Г. Кайды, «фельетон как таковой – в традиционном своём проявлении – почти исчезает с газетных страниц, <...> потому что критика обретает другую тональность и другие адреса» [8: 100]. Благодаря демократизации СМИ отпадает необходимость в комической аллегории [6].

Фельетон – художественно-публицистический жанр, раскрывающий сущность различных негативных явлений и ситуаций с помощью иносказания как средства сатирической типизации [8; 9]. В основе фельетона, как правило, лежит конфликт, который рассматривается в юмористическом ключе. Задача фельетониста – найти, обнажить и осмеять скрытые или явные противоречия [10]. Таким образом, фельетон можно отнести к оценочным речевым жанрам [11], ведь для его автора на первое место выходит не сам факт, но его критическое осмысление. Сюжет фельетона и выбор средств и способов воздействия на адресата роднят его с жанрами художественной литературы. Фельетон характеризуется остроумно-комическим изображением действительности, нередко творчески трансформированной. Чтобы выразить собственную оценку анализируемых фактов или явлений, журналист «использует технику ситуационной деформации, т. е. смещает оценочные акценты из реальной плоскости в комическую» [10: 86–87]. В отличие от памфлетов, которые, как правило, представляют собой обличительную и острую политическую сатиру, фельетоны высмеивают разные сферы жизни человека: бытовую, социальную, культурную и др.

Современный фельетон – это гибридный жанр журналистского дискурса [12], который не обладает типовой или жёстко заданной структурой. Он активно эксплуатирует черты других жанров речи (рассказа, репорт

тажа, заявления, письма и т. д.), наделяя их более широкими изобразительно-выразительными возможностями [13]. Это явление отмечается не только в русской, но и в зарубежной прессе. Исследователи английских и немецких СМИ отмечают, что в фельетонах присутствуют черты других жанров речи: эссе, интервью, рассказа, статьи, диалога, письма [6, 10].

Фельетоны не только позволяют читателю критически осмыслить действительность, но и выполняют другие функции: рекреативную, гедонистическую и эстетическую [5]. Для реализации эстетических задач и усиления воздействия на читателя фельетонисты умело используют языковую игру, обращаются к целому комплексу тропов и фигур речи, среди которых гипербола, литота, гротеск, каламбур и др. Как справедливо пишет В. В. Дементьев, «отражение явления или представления в языковой игре является значимым аспектом “наивной” картины мира», кроме того, «языковая игра позволяет чётче определить норму и отметить многие особенности явления, которые могли бы остаться незамеченными» [14: 253]. Жанр фельетона выстраивается «на нарочитом разрушении всех языковых норм: семантических, стилистических, грамматических, словообразовательных и фразеологических» [12: 144].

Фельетонист ориентируется на определённую аудиторию: вдумчивую, мыслящую критически. Именно поэтому он использует язык намёков и символов, различные средства непрямо́й коммуникации [14]. Подтекст в фельетоне способствует тому, что «автор и читатель вместе как бы проходят по лабиринту фактов, на равных участвуя в создании комического образа» [5: 19]. Читатель фельетона становится участником творческого общения, «совершающего в воображении переход от слов произведения искусства к образам» [15: 104]. Механизм воздействия фельетона на аудиторию метафорически точно описывают сами публицисты: «В сущности, природа фельетона сродни электричеству. И собирается он по принципу динамомашины. Берешь сердечник – факт, наматываешь на него обмотку обстоятельств и собственных размышлений, начинаешь вращать факт и так и этак. Если все закручено правильно, возникает напряжение, и на другом конце цепи читатель загорается праведным негодованием» [16: 22].

Итак, в жанре фельетона журналист выражает свою гражданскую позицию не прямо и открыто, но с помощью специфических средств непрямо́й коммуникации, воздействующий потенциал которых, как нам представляется, может быть намного сильнее, чем

при эксплицитном способе выражения мысли, ведь «более эффективно усваивается, онтологизируется не полностью эксплицитное знание, а такое знание, над которым когнитивной системе приходится работать, прилагать определенные усилия» [17: 175]. Именно поэтому в литературно-публицистических СМИ фельетоны до сих пор остаются востребованными. Примером может служить «Литературная газета» (далее – «ЛГ») – авторитетное советское, а затем и российское литературное и общественно-политическое издание. Аудиторией этого еженедельника является, прежде всего, русская интеллигенция. «ЛГ» освещает широкий круг проблем: от культуры до политики, материалы для газеты готовят как журналисты, так и поэты, писатели, критики, поэтому многие публикации органически сочетают черты публицистики с художественной прозой и поэзией. С 1967 г. на последней странице газеты публикуется раздел сатиры и юмора «Клуб 12 стульев», название которого – дань наследию И. Ильфа и Е. Петрова. Здесь представлены фельетоны, анекдоты, афоризмы и др. жанры. На сайте «ЛГ» также есть специальный раздел «Фельетоны» (Литературная газета / Клуб 12 стульев (lgz.ru)). Среди современных фельетонистов «Клуба 12 стульев» можно назвать Виталия Будённого, Анатолия Коломейского, Ефима Гаммера, Льва Новожёнова, Глеба Сахарова, Евгения Обухова и др.

Целью данной работы является анализ приёмов, которые используют авторы фельетонов «Клуба 12 стульев» для стимулирования критического мышления аудитории и вовлечения её в процесс бахтинского «сотворчества понимающих» (ранее нами была предпринята попытка анализа современного медиатекста через призму взглядов М. М. Бахтина на творческий диалог автора с читателем [18]). При этом мы исходим из представления о том, что диалогичность – это фундаментальная сущность самой речи и онтологическое свойство медиатекста [19]. Материалом анализа служат фельетоны «Клуба 12 стульев» за 2018–2024 г. Исследование базируется на применении описательного и интерпретативного методов, а также элементов дискурсивного анализа. Новизна работы обусловлена, на наш взгляд, самим материалом: насколько нам известно, анализ сатиры в «ЛГ» ограничивается небольшим кругом работ: исследования О. С. Кудрявцевой [20–23] посвящены жанровым, стилистическим и тематическим особенностям 16-й полосы «ЛГ» во второй половине XX в., а критика современной действительности в фельетонах «ЛГ» рассматривается в статье Е. В. Вырвцевой [5].

Современные фельетоны «Клуба 12 стульев»

Наблюдения показывают, что многие фельетоны в «ЛГ» сохраняют традиционные черты своего жанра: злободневность, сатиру, комическое противоречие, парадоксальный взгляд на описываемый предмет, лёгкость и живость слога и др. Фельетоны «Клуба 12 стульев» гибричны: они заключают в себе черты, свойственные жанрам художественного, публицистического (рассказ, сказка, эссе, очерк и др.) и даже институционального (рапорт, бизнес-план) дискурсов. Следовательно, фельетон в «ЛГ» можно считать гипержанром, то есть макрообразованием, которое объединяет в себе черты нескольких жанров [24].

В «ЛГ» фельетонист, как правило, не обращается к читателю напрямую, но пользуется эзоповым языком, поэтому адресату необходимо прилагать умственные усилия для поиска смыслов, имплицитно заложенных в тексте. Это способ вовлечения читателя в процесс со-размышления и со-творчества, ведь «событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [25: 303]. При этом авторы фельетонов «Клуба 12 стульев» стараются не перегружать публикацию сложными для восприятия образами или аллюзиями, понятными лишь эрудированной аудитории. Именно поэтому действующее лицо в фельетоне – это обычно легко узнаваемый читателем собирательный образ, наделённый чертами, типичными для представителей определённых социальных групп [7]. Герои фельетонов «Клуба 12 стульев» чаще всего называются по социальным ролям, статусам, роду занятий (жених, невеста, министр, аптекарь и под.), либо носят говорящие (Веник Метёлкин, Пафнутий Кастрюлевич) или обобщённо-русские имена и фамилии (Василий Кузькин, Саня Жменькин, Сидор Рюжаков и др.). Кроме того, как и в анекдотах, действующими лицами в фельетонах «Клуба 12 стульев» могут выступать герои сказок (Красная Шапочка, Серый волк, Баба-Яга) и исторические личности (Пушкин, Есенин, Ленин, Чапаев и др.).

Реже фельетоны «Клуба 12 стульев» могут разоблачать и обличать конкретную личность (её действия, систему взглядов и под.). В этом случае они приобретают черты, свойственные памфлету. В такой публикации критикуемая личность не называется открыто, но легко угадывается читателем благодаря определённым деталям (речевым характеристиками, намёкам на социальную и территориальную принадлежность и т. д.). Так, в построенном на пародировании рапорта фельетоне «Последний лайфхак» читатель узнаёт главного героя благодаря упоминанию отдельных био-

графических деталей и тактике «навешивания ярлыков» [26]:

– *Мой фюрер!*

– *Говори на родном языке!*

– *Я не знаю идиш!*

– *Я тоже! Докладывай на родном украинском! <...>*

– *Замечательно, что у первой леди столько нарядов – ещё и на вас в случае чего хватит! Прорвётесь через кордон в женском платье!*

– *Вернуться в КВН? Ни за что! Здесь меня гораздо чаще поднимают на смех!*

(ЛГ 10–16 июля 2024 г.).

Правда и вымысел в фельетонах «Клуба 12 стульев»

Как уже отмечалось, в фельетоне на первое место выходит не текст, а подтекст, вскрывающий проблемы и противоречия окружающей действительности. Сюжеты фельетонов в «ЛГ» представляют собой придуманную автором комическую историю или гротескную фантазию, в которых, однако, внимательный читатель обнаруживает сходство с фактами современной действительности, подлежащими осмеянию. Фельетонист отбирает наиболее значимые и актуальные явления, творчески преломляет их, подчиняя эстетическим и идейным задачам, а затем предьявляет читателю [27]. Так, в фельетоне «Семнадцать мгновений рубля» (ЛГ 13–19 апреля 2022 г.) хорошо знакомые читателю герои – Штирлиц и группенфюрер Мюллер – обсуждают современную ситуацию: как решение России перевести оплату поставок природного газа в рубли усложнило жизнь за рубежом:

– *Штирлиц, у вас есть рубли?*

– *Что случилось, группенфюрер?*

– *Что вы прикидываетесь! Будто не знаете, что счета за газ приходят теперь в рублях! Мне уже дома газ отключили за неуплату. А вам?*

– *Мне нет, я оплатил.*

– *Каким образом? Вы что, не в рейхсмарках получаете зарплату?*

– *В рейхсмарках. Но у меня карта «Мир», а до 9 сентября валюту можно снимать только в рублях.*

Задача адресата фельетона заключается в соотнесении ситуации комически преобразованного мира с фактами реальной действительности, в её анализе и последующем поиске путей решения отражённой в фельетоне проблемы. Приведём пример того, как под маской комического анализируется вопрос, касающийся важнейших областей жизни человека: физиологии, психологии, социологии и даже религии. Под сильным влиянием западной культуры одной из активно обсуждаемых

в мире проблем становится проблема гендерной идентичности. Именно ей посвящён фельетон А. Коломейского с шутивным названием «Сменка» (ЛГ 14–20 апреля 2021 г.). Возвратившись из школы, подросток Саня Жменькин заявляет родителям, что хочет сменить пол и стать девушкой. Объясняя своё желание, подросток приводит следующие «железные» аргументы: *Пацаны подглядывали за девочками в раздевалке, а мне было не интересно. Когда сверстники играли в футбол, я никогда не просился в команду, потому что не смог бы стоять на воротах с куклой. <...> Когда ребята смотрели фильм про черепашек-ниндзя, я переживал за Красную Шапочку.* Прозорливому читателю становится ясно, что аргументы Сани смехотворны, они отражают детский взгляд на мир, а ведь такое сложное и ответственное решение должно приниматься осознанно. Ситуация разрешается комически: Саня соглашается не менять пол, если родители не будут ругать его за то, что его оставили в школе на второй год. Рассказывая сатирическую историю, А. Коломейский, однако, ставит своей целью не просто позабавить аудиторию, но затронуть важную проблему гендерной идентичности человека в современном мире. Как известно, в западном обществе с детьми, ещё не осознающими себя как личность и не постигшими тонкости взаимоотношений с противоположным полом, проводят беседы об ориентации и гендерной идентификации. Это не просто абсурдно, но и опасно, поскольку ребёнок начинает всерьёз задумываться над мелочами, которые, как ему внушают, могут указывать на то, что его тело ему «не подходит». К сожалению, подобные пагубные мысли, посещают и русских юношей и девушек. Посредством комического А. Коломейский подспудно, невзначай заставляет родителей задуматься над этой серьёзной проблемой и более бдительно следить за психологическим состоянием их несовершеннолетних детей.

Предметами сатиры в фельетонах «ЛГ» могут стать как глобальные проблемы, так и самые пустяковые, но хорошо узнаваемые случаи, анализируя которые читатель может сделать философские или социально значимые обобщения. Посредством комического журналист приглашает читателя к размышлению, интеллектуальному и эмоциональному сопереживанию. Так, герой-повествователь в фельетоне Л. Новожёнова «Банка из-под пива» (ЛГ 9–15 июля 2021), проходя по рабочему посёлку, видит на тротуаре смятую жестяную тару. Первая мысль, посетившая его, – поднять пивную банку и выбросить в урну, ведь нужно заботиться не только о чистоте, но и об окружающей среде. Немного пораз-

мыслив, наш герой начинает опасаться: вдруг банка отравлена или у её владельца был коронавирус? Он решает оставить её на тротуаре. На следующий день та же жестянка снова попадает ему на пути, и он опять проходит мимо. Текст заканчивается вопросом повествователя, обращённым к читателю-собеседнику: «А что бы вы сделали на моём месте»? Использование прямого вопроса-обращения в качестве заключения публикации стимулирует продолжение диалога между автором и адресатом. Текст заставляет читателя задуматься о тотальном страхе, с которым сталкивается современный человек. Сегодня, получая массу пугающей информации из самых разных источников, мы начинаем сомневаться в необходимости совершения когда-то довольно простых и понятных действий. Что нам нужно изменить в своём мышлении и отношении к миру, чтобы преодолеть этот иррациональный (или всё же рациональный) страх? Ответ на этот вопрос Л. Новожёнов ищет вместе со своими читателями.

Помимо прямого обращения к читателю, для актуализации критического мышления адресата и приглашения его к вдумчивому диалогу фельетонисты используют целый ряд приёмов. Рассмотрим основные из них.

Приёмы актуализации критического мышления адресата в фельетонах «Клуба 12 стульев»

Гипербола и гротеск

Классическому фельетону, как уже отмечалось, свойственны абсурдизация и деформация реальности [28]. В фельетонах «Клуба 12 стульев» это достигается, как правило, за счёт гиперболы и гротеска. Как отмечает М. М. Бахтин, «природа гротескной сатиры заключается в преувеличении чего-то отрицательного и недолжного», она тесно связана с народной смеховой культурой и карнавализацией действительности [29: 55]. Благодаря гиперболе и гротеску в сознании читателя происходит то, что Н. С. Болотнова называет ассоциативно-смысловым развёртыванием текста [30]: художественный вымысел фельетониста остро обнажает проблемы и противоречия, существующие в реальной действительности, причём злободневность, актуальность проблематики усиливает воздействующий потенциал комического [31]: *Наш тракторист просто болен. <...> А тракторист всего один, несмотря на то что у нас в посёлке два правления, и два председателя правления, и два здания правления; не буду объяснять почему, это долгая и нудная история* (ЛГ 16–22 февраля 2022 г.); *Будет тайфун, ураган, цунами и лесной пожар одновременно* (ЛГ 22–

28 мая 2024); *Я не лох какой-нибудь! Я накопил столько недвижимости, что в Англии дома закончились!* (ЛГ 10–16 июля 2024 г.); *Мы представляем банк генов, – не смутились звонившие. – Вы имели честь очутиться в числе счастливиц, которым в рамках эксперимента может быть откорректирован геном! <...> Вам будут встроены гены дерева!* (ЛГ 7–13 марта 2024).

Каламбур

Каламбур, основанный на многозначности или омонимии, выступает сатирическим приёмом во многих фельетонах «ЛГ». Используя этот приём, сатирик во многом предвосхищает ассоциации, которые возникают у аудитории при прочтении. Каламбуры «Клуба 12 стульев» нередко отражают национальную специфику русской речи и реалии русского быта. Так, в фельетоне «Красное и шапочка» обыгрываются разные значения слова «пирожок»: *Однажды мама <...> приказала отнести больной бабушке <...> пирожков. Девочка соединила жёсткой сцепкой три «пирожка», залила в них полусинтетического масла и поехала к бабушке* (ЛГ 7–13 июля 2023 г.). Только русскому человеку средних лет или более старшего возраста известно, что пирожком называли советскую модель грузопассажирского автомобиля «ИЖ», поскольку в нём часто развозили хлебобулочные изделия в торговые точки.

В «Клубе 12 стульев» каламбуры нередко становятся средством борьбы с политическим противником, обнажая его слабые стороны:

– *Мой гетман! Кое у кого **легитимность чешется!***

– *А зачем я **чесалки** из Европы привёз?!*

– *И многие **чешут**. В основном **отсюда** <...>.*

– *Мой гетман, не подавитесь яйцом! По закрытым **каналам интимной связи** поступило сообщение, что они **послали**...*

– *Что **послали**? Самолёт, вертолёт? Подводную лодку?*

– *Просто **послали**...* (ЛГ 10–16 июля 2024 г.).

Пародирование других речевых жанров

Как верно подмечает М. М. Бахтин, «сатирический элемент, обычно неразрывно связанный с пародированием и травестированием, очищает жанр от омертвевшей условности, от бессмысленных и переживших себя инструментов традиции; этим он обновляет жанр и не даёт ему застыть в догматической каноничности» [3: 8]. Именно поэтому одним из способов создания сатирического начала может служить пародирование структуры другого жанра речи. Так, в фельетоне «Как

сделать деньги из воздуха» (ЛГ 19–25 июня 2024 г.) обыгрывается структура бизнес-плана, обычно включающего в себя такие разделы, как «Цель создания», «Описание продукции», «Ожидаемые затраты», «Источники финансирования», «Окупаемость проекта»:

Дорогие недешёвые инвесторы! Бизнес-план «Первоапрельский»! <...>

Цель создания

Создаваемое предприятие создаётся с целью предприятия целенаправленных шагов по целевому осуществлению новой цели – созданию предпринимательского предприятия по выпуску воздуха.

Описание продукции

Выпуск воздуха может осуществляться в следующих больших формах и маленьких формулировках:

- 1. Выпуск воздуха из шаров по игольчатой технологии.*
- 2. Выпуск воздуха из колёс по технологии шила.*
- 3. Выпуск воздуха из других мест без всякой технологии и зазрения совести.*

Ожидаемые затраты

Специально подобранный прямо на улице персонал, умеющий легко тратить деньги. Руководители с прогрессивными взглядами сквозь пальцы <...>.

Будьте в нас уверены – мы сумеем сделать деньги из воздуха!

Смыслообразующей силой данного фельетона становятся построенные на сочетании несочетаемого разговорные неодобрительные выражения «продавать воздух» и «делать деньги из воздуха», имеющие значение «заниматься торговыми махинациями» [32: 186, 537]. Оксюморон создаёт в читательском сознании «семантическое противоречие <...> путём акцентированного провокативного демонтажа привычных логических связей между предметами и явлениями» [33: 241]. Этот приём поддерживается каламбуром, основанном на игре со значениями слова «выпуск»: «возможность выхода чего-то откуда-то» (выпуск воздуха из шаров) и «запуск в продажу» (выпуск воздуха как товара). В тексте, пародирующем бизнес-планы современных проектов, направленных на отмывание денег, умело обыгрывается канцелярит, свойственный языку деловых бумаг. Фельетонист добивается этого с помощью тавтологии, основанной на неумеренном использовании однокоренных именных и глагольных лексем: *Создаваемое предприятие создаётся с целью предприятия целенаправленных шагов по целевому осуществлению новой цели – созданию предпринимательского предприятия по выпуску воздуха.*

Иногда, пародируя другой жанр речи, автор добивается сатирического звучания текста только одним средством, которое прицельно и больно бьёт по слабым местам общественной системы. Так, фельетон А. Коломейского «Евро на евро», пародирующий футбольный репортаж, почти целиком построен на метонимии. Публикация высмеивает несопоставимость размера бюджетных средств, затраченных страной на спорт, и количества побед, одержанных её командами: *Внимание, внимание! Мы ведём репортаж о футбольном матче, в котором встречаются команды с годовым бюджетом шестьдесят миллионов и пятьдесят два миллиона евро. <...> Пять миллионов бьют по ста евро. Сотня летит мимо ворот. Пятьсот шестьдесят тысяч евро вводят сто евро в игру. Сто с учётом амортизации пересекают центральный круг и попадают к трём с половиной миллионам (ЛГ 30 июня – 6 июля 2021 г.). А. Коломейский завершает текст всё в том же сатирическом ключе: *Следующий раз команды встретятся в ресторане, где на сумму, равную бюджету среднего замкадовского городка, отметят очередное успешное поражение (ЛГ 30 июня – 6 июля 2021 г.).* В авторской речи не звучит ни малейшего намёка на резонёрство или морализаторство, ведь благодаря обличительной силе сатиры читатель сам приходит к очевидным выводам.*

Интертекстуальность

Для фельетона характерно наличие экспрессивных заголовков, которые выступают в качестве важнейшего средства привлечения внимания аудитории [8]. В заголовках фельетонов «Клуба 12 стульев» используются интерактивные приёмы, в частности апелляция к общей апперцепционной базе адресанта и адресата посредством прецедентных феноменов: пословиц, поговорок, фразеологизмов, крылатых выражений, упоминаний известных исторических личностей или героев книг, отсылки к кино и литературе и под. Причём «какими бы ни были отношения между прецедентным и журналистским текстами, это всегда отношения диалога: сцепление и наполнение “чужого” слова своим содержанием. В диалогические отношения втягиваются не только тексты, но и создатели и читатели» [34: 27]. В фельетонах «ЛГ» прецедентные феномены нередко трансформируются вследствие языковой игры: *Одна голова хорошо, а три – перебор (ЛГ 20–26 июня 2018 г.); Будулай и три мушкетёра (ЛГ 23–29 мая 2018 г.); Красное и шапочка (ЛГ 7–13 июля 2023 г.); Семнадцать мгновений рубля (ЛГ 13–19 апреля 2022 г.).* Использование интертекстуальности в заголовке подсказывает читателю проблематику текста,

настраивает его на восприятие информации в комическом ключе, а также способствует расширению и углублению смыслового наполнения фельетона, рождает «новые образы на фоне старых, хорошо известных читателю, тем самым привлекая читателя к соавторству, вовлекая его в языковую игру» [35: 17]. Говоря об интертекстуальности фельетонов, стоит заметить, что нередко основой фельетона становятся творчески преобразованные произведения устного народного творчества, в которых черты фольклорного мира переплетаются с хорошо знакомыми читателю современными реалиями. Так, в фельетон-сказке «Красное и шапочка» девочка не идёт к бабушке с пирожками через лес, а едет по просёлочной дороге на «пирожке»: *Девочке (Красной шапочке) не дали ни гроша на проезд по платным автодорогам, поэтому она петляла, собирая на ходу кочки, ямы и проклятия от передавленных ужей, червяков и ящериц, которые хладнокровно выползали на дорогу. <...> Эта дорога называлась короткой ещё с 1605 года, потому что делала жизнь короткой* (ЛГ 7–13 июля 2023 г.).

Риторическая категория разговорности

Для актуализации линии «автор-адресат» фельетонисты умело используют риторическую категорию разговорности. Это достигается, прежде всего, за счёт употребления свойственной анекдотам и другим комическим жанрам речи разговорной лексики, которая создаёт эффект живой беседы с читателем и облегчает восприятие текста: *Просыпается и видит: он бежит, а у него на руках незнакомая старушка орёт во всё горло: «Помогите!»* (ЛГ 31 июля – 6 августа 2024 г.); *А тут зеваки собрались, очень уж всем интересно поглазеть и на побитую машину, и на побитого горем мужика. Федота* (ЛГ 31 января – 6 февраля 2024 г.).

Умело пользуются фельетонисты и синтаксическими средствами разговорности: инверсией, парцелляцией и др. Иногда риторическая категория разговорности сама становится объектом пародирования. Так, фельетон Л. Новожёнова «Везде люди живут» почти полностью построен на парцелляции, которая обыгрывает неумеренное и неуместное использование некоторыми современными авторами этой фигуры речи: *Первый раз сегодня поехал в Москву. Первый раз – за три месяца. Мы поехали. Надо было. А так бы мы, конечно, не поехали. Народу – тьма тьму-тьмуца. И машины-машины... Несмотря что пандемия. Несмотря что Обама в ключья порвал нашу экономику. Возможно, он где-то порвал, но не в Москве* (ЛГ 15–21 июля 2020 г.).

Карикатура

Еще одним приёмом актуализации критического мышления адресата является карикатура. Сегодня в российских СМИ она утрачивает свои позиции: на смену ей приходят фотографии и фотоколлажи [36]. Несмотря на это, сатирические жанры широко используются её изобразительно-выразительными возможностями. По мнению О. С. Кудрявцевой, карикатура, в отличие от фотографии, настраивает читателя на осознанное созерцание и получение эстетического удовольствия от сатиры [22]. В «ЛГ» карикатуры часто сопровождают фельетоны, благодаря чему на читательское внимание воздействует не только словесный, но и зрительный образы. Невербальные средства расширяют коммуникативное пространство фельетона и его сатирические возможности. Так, публикация Глеба Сахарова «Страшный суд» (ЛГ 24–30 января 2023 г.) о том, как чиновников-коррупционеров не удалось казнить, поскольку они подкупили своих палачей, сопровождается следующей карикатурой:

Анализ сатирической зарисовки позволяет адресату прийти к выводу, что коррупционеров в конце концов настигнет расплата, как бы долго и насколько изощрённо они не пытались избежать своей участи. А вот как выглядит карикатура, сопровождающая фельетон «О спорт, ты – мы!» (ЛГ 31 июля – 6 августа 2024 г.) о незадачливом спринтере Сидоре Рюкзакове, заснувшем во время забега:

Как видим, надпись «PARIS 2024» на пьедестале почёта отсылает читателя к Олимпиаде в Париже, организация которой была раскритикована многими медийными личностями в России и за рубежом. Таким образом, карикатура позволяет расширить ассоциативно-смысловую нагрузку фельетона и включить его содержание в современный контекст.

Заключение

Итак, основная цель фельетона – не просто развлечь читателя, но активизировать его мыслительную деятельность, запустить механизмы критического анализа событий и фактов. Адресат должен обнаружить в творчески преобразованной фельетонистом реальности приметы своего времени, отделив правду от вымысла, и сделать определённые умозаключения. Сатирическое начало фельетона обнажает как остро актуальные, так и вечные проблемы и помогает читателю наметить пути их решения. Кроме того, осмеяние пороков способствует укреплению этических и культурных ценностей социума.

В «ЛГ» фельетоны гармонично сочетают в себе черты других, причем не только художественных и публицистических, жанров речи (сказки, рассказа, эссе, анекдота, бизнес-плана и др.). Фельетонисты «Клуба 12 стульев»

включаются в диалог со своей аудиторией как прямо (путём вопросов, обращений), так и косвенно (посредством апелляции к языковой картине мира и культурному фонду адресата). Чаще всего они приглашают аудиторию к совместному размышлению над актуальными проблемами, используя приёмы и средства непрямого коммуникации: интертекстуальность, языковую игру, тропы и фигуры речи (метафору, метонимию, гиперболу, гротеск, каламбур, аллегорию, парцелляцию и др.). Иронически авторы фельетонов относятся не только к фактическому, но и к языковому материалу: пародируют стилистические и композиционные характеристики других жанров речи. Осмысленное содержание фельетона и анализ социокультурного контекста, из которого этот жанр вырастает, делает читателя полноправным участником процесса «сотворчества понимающих». Конечно, представленный в работе анализ – это лишь наблюдения за функционированием фельетона в одном литературно-публицистическом издании. Глубокое и всестороннее изучение жанра «фельетон» требует привлечения к анализу исторического, литературного, социокультурного аспектов и требует такого подхода, который В. В. Дементьев называет интегральным описанием речевых жанров [37].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белецкий А. И.* Об одной из очередных задач историко-литературной науки (изучение истории читателя) // Избранные труды по теории литературы / под общ. ред. Н. К. Гудзия ; сост. А. А. Гозенпуд. М. : Просвещение, 1964. С. 20–41.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М. : Искусство, 1979. 423 с.
3. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940–1960 гг. / под ред. С. Г. Бочарова, Л. А. Гоготшивили. М. : Русские словари, 1997. 558 с.
4. *Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor // Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1979. P. 325–335. <https://doi.org/10.3765/bls.v5i0.2164>
5. *Вывроцева Е. В.* Критика современной действительности в фельетонах «Литературной газеты» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации» (Воронеж, 10–12 мая 2007 г.) / под ред. В. В. Тулупова. Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2007. С. 17–19.
6. *Shavladze T., Makharadze M.* Modern English Feuilleton // Galaxy: An International Multidisciplinary Research Journal. 2017. Vol. 6, iss. II. P. 29–32.
7. *Марачева А. В., Молодцова А. М.* Особенности фельетона как жанра сатирической журналистики // E-Scio. 2022. № 9 (72). С. 371–376.
8. *Кайда Л. Г.* Композиционная поэтика текста. М. : Флинта ; Наука, 2011. 408 с.
9. *Стрельцов Б. В.* Фельетон. Теория и практика жанра. Минск : Изд-во БГУ, 1983. 63 с.

10. *Северина Е. А.* Фельетон как средство воздействия на общественное мнение // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2016. № 1 (762). С. 79–92.
11. *Шмелёва Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98
12. *Розенталь Д. Э.* Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды: печать, радио, телевидение, документальное кино. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 256 с.
13. *Коньков В. И.* Речевые технологии в массовой коммуникации: Жанр : учебное пособие. СПб. : РГГМУ, 2013. 108 с.
14. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 560 с.
15. *Язева А. С.* Художественная коммуникация как сотворчество автора и читателя на примере повести Валентина Распутина «Прощание с Матёрой» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (19). С. 103–110.
16. *Хмара П. Ф., Полянский Э. И.* Товарищ Зюганов! Верните нам подтекст! // Журналист. 1996. № 4. С. 22.
17. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. 2-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2009. 592 с.
18. *Кормилицына М. А., Дегальцева А. В.* Современный медийный текст: авторские приёмы выражения «сотворчества понимающих» // Язык – текст – дискурс: функционально-семантический и структурный аспекты : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф. / отв. ред. Н. А. Илюхина. Самара : САМАРАМА, 2024. С. 299–305.

19. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2012. 274 с.

20. Кудрявцева О. С. Традиции Чехова в сатире 16-й полосы «Литературной газеты» // Вестник ОГУ. 2004. № 11. С. 28–33.

21. Кудрявцева О. С. Жанры и метажанр сатиры (на материале 16-й полосы «Литературной газеты») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 24 с.

22. Кудрявцева О. С. Графическое единство метажанра (на примере 16-й полосы «Литературной газеты») // Вестник ОГУ. 2006. № 11 (61). С. 14–19.

23. Кудрявцева О. С. Нетрадиционные сатирические газетные жанры // Вестник ОГУ. 2007. № 11. С. 67–71.

24. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

25. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук СПб. : Азбука, 2000. 332 с.

26. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

27. Журбина Е. И. Искусство фельетона. М. : Гослитиздат, 1965. 209 с.

28. Телятник М. А. Фельетоны Л. Н. Андреева в газете «Курьер» (1900–1903): специфика жанра, проблематика, поэтика, стиль : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 24 с.

29. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1965. 542 с.

30. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика: лингвокогнитивные механизмы смысловой интерпретации поэтического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (218). С. 38–48.

31. Shifman L. Humor in the Age of Digital Reproduction: Continuity and Change in Internet-Based Comic Texts // International Journal of Communication. 2007. Vol. 1. P. 187–209.

32. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок / под общ. ред. В. М. Мокиенко. М. : ЗАО «ОЛИМА Медиа Групп», 2007. 784 с.

33. Халиков М. М. Когнитивно-операциональный и речезанровый универсализм оксюморона // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 237–246. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-237-246>, EDN: JDTPWN

34. Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. 382 с.

35. Солганик Г. Я. Общая характеристика языка современных СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода // Язык массовой и межличностной коммуникации: коллективная монография / редкол. Я. Н. Засурский [и др.]. М. : Медиа-Мир, 2007. С. 15–40.

36. Айнутдинов А. С. Публицистический потенциал карикатуры // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации», 12–13 мая 2008 г. / под ред. В. В. Тулупова. Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2008. С. 3–4.

37. Дементьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2024. 304 с.

REFERENCES

1. Beletsky A. I. On one of the next tasks of historical and literary science (the study of the reader's history). In: *Izbrannye trudy po teorii literatury. Pod obsch. red. N. K. Gudziya, sost. A. A. Gozenpud* [Gudzia N. K., ed., Gozenpud A. A., comp. Selected works on the theory of literature]. Moscow, Prosveshchenie, 1964, pp. 20–41 (in Russian).

2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Sost. S. G. Bocharov [Bocharov S. G., comp. Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Isskusstvo, 1979. 423 p. (in Russian).

3. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij. T. 5. Raboty 1940–1960 gg. Pod red. S. G. Bocharova, L. A. Gogotishvili* [Bocharov S. G., Gogotishvili L. A., eds. Collected works. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Russkie slovari, 1997. 558 p. (in Russian).

4. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. *Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 1979, pp. 325–335. <https://doi.org/10.3765/bls.v5i0.2164>

5. Vyrovtsseva E. V. Criticism of modern reality in the feuilletons of the Literary Gazette. In: *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Problemy massovoj kommunikatsii" (Voronezh, 10–12 maya 2007 g.)*. Pod red. V. V. Tulupova [Tulupov V. V., ed. Materials of the All-Russian science and practical conference "Problems of Mass Communication" (Voronezh, May 10–12, 2007)]. Voronezh, Faculty of Journalism of VSU Publ., pp. 17–19 (in Russian).

6. Shavladze T., Makharadze M. Modern English Feuilleton. *Galaxy: An International Multidisciplinary Research Journal*, 2017, vol. 6, iss. II, pp. 29–32.

7. Maracheva A. V., Molodtsova A. M. Features of the feuilleton as a genre of satirical journalism. *E-Scio*, 2022, no. 9 (72), pp. 371–376 (in Russian).

8. Kaida L. G. *Kompozitsionnaya poetika teksta* [Compositional poetics of the text]. Moscow, Flinta, Nauka, 2011. 408 p. (in Russian).

9. Streltsov B. V. *Fel'eton. Teoriya i praktika zhanra* [Feuilleton. Theory and practice of the genre]. Minsk, Publishing House of BSU, 1983. 63 p. (in Russian).

10. Severina E. A. Feuilleton as a means of influencing public opinion. *Bulletin of the MGLU. Humanities*, 2016, no. 1 (762), pp. 79–92 (in Russian).

11. Shmeleva T. V. Speech genre model. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–99 (in Russian).

12. Rosenthal D. E. *Yazyk i stil' sredstv massovoj informacii i propagandy: pechat', radio, televidenie, dokumental'noe kino* [Language and style of mass media and propaganda: Print, radio, television, documentary films]. Moscow, Moscow University Press, 1980. 256 p. (in Russian).

13. Kon'kov V. I. *Rechevye tekhnologii v massovoj kommunikatsii: Zhanr: uchebnoe posobie* [Speech technologies in mass communication: Genre: Textbook]. St. Petersburg, Russian State Hydrometeorological University Publ., 2013. 108 p. (in Russian).

14. Dementyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, Gnozis, 2006. 560 p. (in Russian).

15. Yazeva A. S. Artistic communication as co-creation of the author and the reader on the example of the story by Valentin Rasputin "Farewell to Matyora". *Bulletin of*

the Irkutsk State Linguistic University, 2012, no. 2 (19), pp. 103–110 (in Russian).

16. Khmara P. F., Polyansky E. I. Comrade Zyuganov! Give us back the subtext! *Journalist*, 1996, no. 4, p. 22 (in Russian).

17. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic expertise of the text: Theory and practice]. 2nd ed. Moscow, Flinta, Nauka, 2009. 592 p. (in Russian).

18. Kormilitsyna M. A., Degaltseva A. V. Modern media text: Author's methods of expressing "co-creation of those who understand" In: *Yazyk – tekst – diskurs: funktsional'no-semanticheskij i strukturnyj aspekty: sb. nauch. st. po materialam mezhdunar. nauch. konf. Otv. red. N. A. Ilyuhina* [Ilyukhina N. A., ed. Language–Text–Discourse: Functional, Semantic and Structural Aspects: Coll. of sci. art. on the materials of the intern. sci. conf.]. Samara, SAMARAMA, 2024, pp. 299–305 (in Russian).

19. Duskaeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov. Pod red. M. N. Kozhinoj* [Kozhina M. N., ed. The dialogic nature of newspaper speech genres]. 2nd ed., corr. and add. St. Petersburg, Philological faculty of St. Petersburg State University Publ., 2012. 274 p. (in Russian).

20. Kudryavtseva O. S. Chekhov's traditions in the satire of the 16th page of the "Literaturnaya Gazeta". *Bulletin of the OSU*, 2004, no. 11, pp. 28–33 (in Russian).

21. Kudryavtseva O. S. *Genres and Meta-genre of Satire (based on the material of the 16th page of the "Literaturnaya gazeta")*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Samara, 2005. 24 p. (in Russian).

22. Kudryavtseva O. S. Graphic unity of the meta-genre (on the example of the 16th page of the Literary Gazette). *Bulletin of the OSU*, 2007, no. 11, pp. 14–19 (in Russian).

23. Kudryavtseva O. S. Non-traditional satirical newspaper genres. *Bulletin of the OSU*, 2007, no. 11, pp. 67–71 (in Russian).

24. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).

25. Bakhtin M. M. *Avtor i geroj: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [The author and the hero: Towards the philosophical foundations of the Humanities]. Saint Petersburg, Azbuka, 2000. 332 p. (in Russian).

26. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 5th ed. Moscow, LKI, 2008. 288 p. (in Russian).

27. Zhurbina E. I. *Iskusstvo fel'etona* [The art of the feuilleton]. Moscow, Goslitizdat, 1965. 209 p. (in Russian).

28. Telyatnik M. A. *L. N. Andreev's Feuilletons in the "Courier" Newspaper (1900–1903): Genre Specifics, Problematics, Poetics, Style*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). St. Petersburg, 2012. 24 p. (in Russian).

29. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1965. 542 p. (in Russian).

30. Bolotnova N. S. Communicative stylistics: Linguocognitive mechanisms of semantic interpretation of a poetic text. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 2021, no. 6 (218), pp. 38–48 (in Russian).

31. Shifman L. Humor in the age of digital reproduction: Continuity and change in internet-based comic texts. *International Journal of Communication*, 2007, vol. 1, pp. 187–209.

32. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok* [Mokienko V. M., ed. The Great Dictionary of Russian sayings]. Moscow, CJSC OLMA Media Group, 2007. 784 p. (in Russian).

33. Khalikov M. M. Cognitive-operational and speech-genre universalism of the oxymoron. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 237–246 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-237-246>, EDN: JDTWPN

34. Smetanina S. I. *Mediatekst v sisteme kul'tury. Dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka* [Media text in the cultural system. Dynamic processes in the language and style of journalism of the late 20th century]. St. Petersburg, Mikhailov V. A. Publishing House, 2002. 382 p. (in Russian).

35. Solganik G. Ya. General characteristics of the language of modern media in comparison with the language of the media of the previous period. In: *Yazyk massovoj i mezhluchnostnoj kommunikatsii: kollektivnaya monografiya. Redkol. Ya. N. Zasurskij [i dr.]*. [Zasursky Ya. N. [et al.], eds. The language of mass and interpersonal communication: Collective monograph]. Moscow, Media World, 2007, pp. 15–40 (in Russian).

36. Ainutdinov A. S. The journalistic potential of caricature. In: *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Problemy massovoj kommunikatsii", 12–13 maya 2008 g. Pod red. V. V. Tulupova* [Tulupov V. V., ed. Materials of the All-Russian science and practical conference "Problems of Mass Communication", May 12–13, 2008]. Voronezh, Faculty of Journalism of VSU Publ., 2008, pp. 3–4 (in Russian).

37. Dementyev V. V. *Integral'noe opisanie rechevykh zhanrov* [Integral description of speech genres]. Saratov, Saratov State University, 2024. 304 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 27.08.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 12.10.2024; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 27.08.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 12.10.2024; published 02.03.2026

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 104–112

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 104–112

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-104-112>, EDN: YGDOWE

Научная статья

УДК 070(470+571):[32:811.161.1'38'42]

Портрет политика в современных российских СМИ: формирующийся жанр?

Н. Б. Руженцева

Уральский государственный педагогический университет, Россия, 620091, Свердловская область, г. Екатеринбург, проспект Космонавтов, д. 26

Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Института филологии и межкультурной коммуникации, verbalis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1208-1202>

Аннотация. На материале конгломерата текстов, посвященных реконструкции образа современного политика, автор попытался охарактеризовать жанровые процессы в публицистике начала XXI в. Материалом статьи послужили преимущественно тексты за 2016–2024 гг., опубликованные в популярных печатных изданиях и их электронных вариантах и позволяющие прийти к ряду выводов о специфике жанрообразования. Автор считает, что в публицистике не существует единой, инвариантной жанровой формы политического портрета: информация о политике представлена в виде жанровых модификаций, релевантных для публицистического стиля речи. Репертуар жанровых модификаций постоянно расширяется посредством включения в него речевых жанров, соотносимых с разговорной речью (слухов, баек, мистификаций и др.). Возрастает степень жанровой диффузии, переплетения и взаимодействия в тексте различных жанровых форм. Политический портрет приобретает дискурсивный (развернутый во времени) характер; усиливается динамичность и оценочная биполярность текстовой ткани. Увеличивается дискретность текстов посредством их креолизации, возрастает степень полистилизма и интертекстуальности политического портрета, что способствует включению образа того или иного политика, созданного публицистами, в общее ментальное пространство и в коллективную память культуры. Указанные процессы, с точки зрения автора, позволяют говорить о перманентном развитии жанра политического портрета, его динамичности, способности приспосабливаться к экстралингвистическим факторам текстообразования и изменяться в соответствии с требованиями времени.

Ключевые слова: портрет политика, публицистика, СМИ, модификации жанра, жанровые процессы, стилистическая специфика

Для цитирования: Руженцева Н. Б. Портрет политика в современных российских СМИ: формирующийся жанр? // Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 104–112. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-104-112>, EDN: YGDOWE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Portrait of a Politician in modern Russian Media: An emerging genre?

N. B. Ruzhentseva

Ural State Pedagogical University, 26 Kosmonavtov Ave., Yekaterinburg 620091, Sverdlovsk Oblast, Russia

Natalya B. Ruzhentseva, verbalis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1208-1202>

Abstract. Based on the material of a conglomerate of texts devoted to the reconstruction of the image of a modern politician, the author tried to characterize genre processes in journalism of the early 21st century. The material of the article was mainly texts for 2016–2024, published in popular print editions and their electronic versions and allowing us to come to a number of conclusions about the specifics of genre formation. The author believes that there is no single, invariant genre form of political portrait in journalism: information about politics is presented in the form of genre modifications relevant to the journalistic style of speech. The

repertoire of genre modifications is constantly expanding by including speech genres correlated with spoken speech (rumors, tales, hoaxes, etc.). The degree of genre diffusion, interweaving and interaction in the text of various genre forms is increasing. The political portrait acquires a discursive (expanded in time) character; the dynamism and evaluative bipolarity of the textual fabric are enhanced. The discreteness of texts increases through their creolization, the degree of polystilism and intertextuality of the political portrait also increases, which contributes to the inclusion of the image of a politician created by publicists in the general mental space and in the collective cultural memory. These processes, from the author's point of view, allow us to talk about the permanent development of the genre of political portrait, its dynamism, the ability to adapt to extralinguistic factors of text formation and change in accordance with the requirements of the time.

Keywords: portrait of a politician, journalism, mass media, genre modifications, genre processes, stylistic specifics

For citation: Ruzhentseva N. B. Portrait of a Politician in modern Russian Media: An emerging genre? *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 104–112 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-104-112>, EDN: YGDOWE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Традиционно газетно-журнальные жанры и их электронные варианты подразделяются на три основные группы: жанры информационные, аналитические и художественные. Внутри этих групп выделяются жанровые разновидности и модификации основной (инвариантой) жанровой формы. Так, жанр интервью дифференцируется на интервью-диалог, интервью-монолог, интервью-сообщение, интервью-зарисовку [1] и ряд других разновидностей. Жанр статьи в публицистическом дискурсе подразделяется на передовую, пропагандистскую и проблемную статьи [2] и т. д.

В целом же жанровый корпус печатных СМИ и их электронных вариантов постоянно расширяется, а традиционные жанровые формы приобретают новые черты. Попытаемся продемонстрировать жанровую динамику портрета политика (политического портрета), получившего в настоящее время большое распространение в СМИ.

Еще 20 лет назад исследовательский взгляд на портрет политика отличался от современного. Ученые далеко не всегда включали портрет политика в жанровый корпус политического дискурса (политического нарратива) [ср., например 3: 193] и говорили лишь об одном, инвариантном виде текста, не обращаясь к его множественным модификациям. Долгое время выделялся лишь один речевой жанр «портретирование», «в основе которого лежит коммуникативное намерение автора (говорящего) описать или воссоздать с требуемой степенью словесной детализации лицо (чаще не являющееся участником коммуникативной ситуации), его отличительные признаки и характерные проявления» [4: 31]. Более того, существовало мнение о том, что «сам жанр политического портрета постепенно уходит из прессы и заменяется интервью с этими лицами» [5: 68].

Интерес к политическому портретированию существенно возрос в 2010-е гг. В это же время сложился многоаспектный лингвоперсонологический анализ политической персоны с разных методологических позиций. Так, общие принципы анализа образа политика в континиуме «власть» представлены В. Н. Суздальцевой посредством лексикологического анализа и анализа разных семантических полей [6]. В свою очередь, частные подходы к анализу были связаны с реконструкцией образа политика с когнитивных и аксиологических позиций, а также посредством группы коммуникативно-прагматических методов и методик. Следует отметить, что исследовательский интерес привлекали главным образом речевые портреты политиков, реконструкция которых осуществляется на материале зафиксированных текстов их выступлений, как, например, речи Барака Обамы [7–9]. Портрет политика как жанровая форма публицистики чаще всего оставался вне внимания исследователей.

Целью данной статьи являются жанровые процессы в публицистике начала XXI в. На материале политического портрета попытаемся обобщить их в трех основных направлениях:

- 1) установление репертуара жанровых модификаций политического портрета,
- 2) выявление жанрово-стилистической специфики текстовой ткани политических портретов,
- 3) определение соотношения текста политического портрета с вертикальным контекстом истории и культуры.

Материал и методы исследования

Говоря о политическом портрете, исследователи чаще всего имеют в виду его текстовый инвариант, который представлен, в частности, в работе И. В. Козловой. Она

приводит «систему познавательных-коммуникативных действий, которые и обуславливают специфику данного жанра: 1) выбор точного ракурса портрета (через изложение ситуации существующей, прошедшей или предполагаемой); 2) характеристика отдельных качеств героя; 3) оценка профессиональной деятельности; 4) презентация в тексте читательской реакции; 5) прогноз предсказуемости/непредсказуемости дальнейших политических шагов и развития политической ситуации в целом» [10: 129]. В свою очередь, формально-содержательные модификации этого инварианта можно дифференцировать по разным основаниям. По одному основанию это: 1) собственно политические портреты, которые являются рассказом о личности и деятельности политика от 3-го лица (автора-журналиста); 2) речевые портреты от 1-го лица (монологическая или диалогическая речь самого политика, например, предвыборные программы, обращения, дебаты). По сути, это речевые автопортреты, отражающие специфику коммуникации того или иного политика в устной или письменной форме и в разных ситуациях общения. По другому (жанровому) основанию это: 1) портреты-мемуары (книги-воспоминания о политике и воспоминания самого политика) и журналистские портреты (публицистические жанры). По третьему основанию выделяются портреты политиков федерального и регионального уровня. Наконец, можно выделить: 1) развернутые политические портреты, которые содержат подробную информацию о политике, и 2) мини-портреты (короткие тексты, портреты-слоганы, портреты-ярлыки). Типология политических портретов на этом не исчерпывается (возможны и другие классификации: стихотворные-прозаические, вербальные-невербальные-креолизованные и др.).

Материалом нашей статьи являются журналистские портреты российских политиков (в отдельных случаях привлекались портреты западных политиков). Выбранные портреты опубликованы в популярных печатных изданиях 2016–2024 гг. и в их электронных вариантах. Это: «Аргументы и факты» (АИФ) – издание, ориентированное, скорее, на книжную речь; «Экспресс газета» (ЭГ) – издание, ориентированное на концепцию разговорной речи; «Аргументы недели» (АН), «Московский комсомолец» (МК), «Комсомольская правда» (КП) – издания, имеющие промежуточный в стилистическом плане характер. Выбор изданий осуществлялся по стилистическому и прагматическому основаниям: все они относятся к популярной прессе, ориентированной на массового, недифференцированного адресата, который является носителем целого

спектра мнений о российских политических деятелях прошлого и настоящего. В ряде случаев был использован и материал ранее вышедших публикаций, в частности – в газете «Коммерсант», а также материал электронных версий того или другого издания. Перейдем к характеристике жанровой специфики указанного газетно-журнального материала с помощью группы методов. Дискурсивный анализ позволит рассмотреть политический портрет во всей совокупности его жанровых модификаций. Жанрово-стилистический анализ дает возможность выявить специфику взаимодействия жанров, образующих текстовую ткань портрета. Контекстуальный анализ позволяет интерпретировать образ политика с учетом взаимодействия с интертекстуальными включениями и общим культурным контекстом.

Репертуар жанровых модификаций политического портрета

Общей темой (предметным содержанием) политического портрета является личность политика в ее деловых и бытовых, общественных и личных проявлениях. В свою очередь, инвариантной целью (основной интенцией) политического портретирования в СМИ является информирование читателя/зрителя о политике и трансляция авторской (журналистской) точки зрения на политическую фигуру, а также ее оценка. Автор политического портрета пытается сделать свое мнение достоянием адресата посредством формирования и коррекции его информационного тезауруса, а также путем использования средств речевого воздействия и контакта с читателем. Что касается собственно жанровой формы политического портрета, еще раз подчеркнем, что об инвариантной форме можно говорить лишь условно – в реальности портрет политика существует лишь в виде набора жанровых модификаций. К нему относится репертуар публицистических жанров. Это:

- *портретный очерк,
- *портрет-статья,
- *портретная зарисовка,
- *портрет-хроника,
- *портрет-воспоминания,
- *портрет-версия,
- *портрет-комментарий,
- *портрет-разоблачение,
- *портрет-опровержение,
- *портрет-отзыв,
- *портрет-рецензия,
- *портрет-отчет,
- *портрет-интервью,
- *портрет-эссе.

*креолизованные портреты, вербальной частью которых является жанр подписи к фотографиям политика (подробнее см. [11]).

Следует отметить, что к приведенной группе публицистических жанров примыкает группа речевых жанров, то есть тех видов текста, которые чаще всего включаются в текстовую ткань политических портретов. Не касаясь проблемы дифференциации публицистического и речевого жанра, мы все же считаем, что к наиболее распространенным речевым жанрам, релевантным для политического портретирования, можно, с нашей точки зрения, отнести:

- *портрет-биографию,
- *портрет-характеристику,
- *портрет-прогноз,
- *речевой портрет,
- *портрет-ярлык,

*портреты в рамках группы текстов, которые, с известной долей условности, можно назвать околополитическим нарративом (слухи, сплетни, байки, мистификации и др.).

Несмотря на то что дифференциация жанровых модификаций политического портрета является в известной степени условной, можно идентифицировать их: а) по виду речи (монолог – диалог), б) по структурно-содержательной организации текста, в) по основной жанровой интенции, г) по субъектной и речевой организации текста публикации. В качестве примера можно привести структурно-содержательную организацию портрета А. Микояна, написанного в рамках типовой структуры жанра рецензии на фильм, входящий в документальный сериал о российских политиках XX в. «Менеджер и дипломат страны Советов»:

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЧИТАТЕЛЮ:

По Первому каналу с успехом идет документальный сериал «Страна Советов. Забытые вожди». Уже сейчас можно признать – сериал удался. Отдельно стоит упомянуть серию об Анастасе Микояне.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКА ЧИТАТЕЛЮ:

Дело даже не в том, что копродюсером серии выступает внук Анастаса Ивановича, друг нашей редакции, известный музыкант и продюсер Стас Намин, дело в самой личности героя фильма. Это политический долгожитель, начавший свою карьеру при Ленине, а в отставку вышедший при Брежнев. Про него даже поговорку придумали: – «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». Именно он может олицетворять название сериала – «Забытые вожди».

ИНФОРМАЦИЯ О ПРОИЗВЕДЕНИИ:

Фильм подробно и последовательно, насколько позволяет формат, рассказывает о роли скромного «менеджера Советов»

в тех великих победах, что одержал Советский Союз и в военных сражениях, и в политических баталиях, и в поистине невероятных успехах промышленности. На веку Микояна ее пришлось дважды поднимать из руин разрухи после Гражданской и Великой Отечественной войн. Не меньшим успехом можно считать и переведение гражданской промышленности на военные рельсы и мобилизацию всех доступных и недоступных ресурсов в годы войны.

ОЦЕНКА ПОЛИТИКА:

Может быть, именно в этом беззаветном служении на благо государства и есть секрет его политического долгожительства. Он успешно реализовывал все, за что брался, даже с виду непосильное.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ А. МИКОЯНЕ:

Начинался путь блестящего дипломата и величайшего организатора совсем не безоблачно. Бедная семья в нищем горном армянском селе, две козы – вот и все хозяйство. Читать мальчика научил монах в соседнем монастыре. В десять лет Анастас сам сдал экзамен в Тифлисскую армянскую семинарию и отправился не учебу... Еще студентом он записался в армянскую добровольную дружину и год воевал на турецком фронте, участвовал в кровопролитных сражениях. К тому же активно принимал участие в вооруженном освобождении бакинских комиссаров и вывозе их в Красноводск.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА СЕРИИ ОБ А. МИКОЯНЕ И САМОГО ПОЛИТИКА:

А мы бы хотели поздравить и поблагодарить Стаса Намина и компанию Star Media за высокопрофессиональную работу. Его знаменитый дед – пример для подражания не только для рядовых граждан страны, но и для наших высших руководителей (АН № 37 (681), 25.09. 2019).

Таким образом, реконструкция портрета политика в жанре рецензии на кинотекст дает возможность транслировать читателю авторское мнение об А. Микояне: его биографии, деловых способностях, организационном таланте, этических принципах – обо всем, что способствует созданию положительного типа образа политика. Следует заметить, что жанровые модификации политического портрета в равной мере приспособлены и для создания негативного образа политика, который «формируют с позиций “плохой-хороший” человек» [12: 332–333], ср., например, негативный образ А. Чубайса в жанре подписи к фотографиям:

**Ваучерная авантюра разорила большинство россиян*

**Правление Чубайса и его сторонников привело к чудовищной маргинализации России*

**Последствия страшной аварии на Саяно-Шушенской ГЭС*

** Юбиляр сейчас редко появляется на ТВ и т. д. (ЭГ № 23 (1320), 08. 06. 2020).*

Кроме того, репертуар модификаций политического портрета постоянно расширяется за счет группы текстов, которые условно можно назвать «околополитическим нарративом». Эти тексты непосредственно не касаются политической деятельности того или иного лица. Они посвящены, главным образом: а) родственникам (предкам) политика; б) личной или даже интимной жизни политика. Такие тексты имеют облегченно-развлекательный характер, свойственный изданиям, ориентированным на разговорную модель общения. Информация в них часто является неverified информацией; модальность текста – вероятностная, возможны ссылки на неатрибутированные и нерепрезентативные источники. По жанровой принадлежности тексты, входящие в околополитический нарратив, стоят ближе всего к жанру комментария, а также к жанрам устной разговорной речи: слухам, сплетням, байкам, мистификациям, например:

Колдуй, баба, колдуй, дед

Противники Дональда Трампа нашли верный, по их мнению, способ вытурить законно избранного президента из Белого дома. Несколько десятков ведьм и колдунов должны одновременно призвать демонов, дабы те лишили Трампа возможности говорить и действовать. Выполнять ритуал следует ежемесячно и в полночь, на убывающую луну, пока президент не будет отстранен от должности. Для синхронности действий решили использовать соцсети – тоже, можно сказать, адское изобретение. В ответ представители христианских общин обещали молиться за Дональда и его окружение, дабы ничего плохого с ним не случилось (ЭГ № 10, 2017).

Жанрово-стилистическая специфика текстовой ткани политических портретов

К собственно жанровым процессам можно отнести диффузию жанров, их взаимопроникновение и взаимодействие в текстовой ткани. Этот процесс можно рассматривать как с позиций взаимодействия речевых действий [13: 59], так и с позиций сочетания и взаимопроникновения жанров. В качестве примера совокупности различных речевых действий

приведем фрагменты из публикации К. Кудряшова «Мистер Нет» (АИФ № 27, 2019), посвященной виднейшему дипломату и политику А. А. Громыко:

НОМИНАЦИИ ПОЛИТИКА (в сочетании со ссылками на источники информации и комментированием):

**Фамилию этого человека легко вычислить по месту его рождения, Конечно же, это Громыко Андрей Андреевич. Тут же вспоминается самое растиражированное его прозвище – МИСТЕР НЕТ, которым его удостоили за крайнюю неуступчивость. Те, кто интересуется историей советской дипломатии, попытаются представить всю линейку прозвищ Громыко, среди которых такие перлы, как АНДРЕЙ ВОЛК, ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА, РОБОТ-МИЗАНТРОП, «ЙОГ, ПРИШЕДШИЙ НА СМЕНУ КОМИССАРАМ» и даже СОВРЕМЕННЫЙ НЕАНДЕРТАЛЕЦ. Так западная пресса упражнялась в остроумии по поводу стиля работы Громыко.*

АТРИБУЦИИ (определения и определительные конструкции):

Диалектика. Выносливость. Въедливость. Информированность. Упрямство. Качества, которыми славились старообрядческие начетчики, умевшие взять противника не какими-нибудь яркими выкрутасами, но честной борьбой на измор.

ЧУЖАЯ РЕЧЬ (цитирование высказываний о политике):

**Вот что писала американская пресса в 1946 г. – тогда Громыко стал постоянным представителем СССР в ООН: «Искусный диалектик, специалист по ведению переговоров, необычайно величав, как будто специально готовил себя к тому, чтобы освободиться от человеческих слабостей». А вот он же, но спустя 35 лет, глазами газеты TIMES: «В возрасте 72 лет он человек с прекрасной памятью, пронзительным умом и необычайной выносливостью. Громыко – самый информированный министр в мире».*

СОЕДИНЕНИЕ НОМИНАЦИИ, АТРИБУЦИИ и ЧУЖОЙ РЕЧИ: **Перед Громыко не раз пасовал Генри Киссинджер, занимавший пост госсекретаря США и считавшийся величайшим дипломатом своего времени: «Он буквально разрывает оппонента на части ОН ПОХОЖ НА ТЯЖЕЛЫЙ ЛОКОМОТИВ, который медленно, но верно идет в заданном направлении и, подминая под себя силой своей аргументации, упорно стремится достичь поставленной цели» (АИФ № 27, 2019).*

В свою очередь, с позиций совмещения жанров текстовую ткань политического портрета можно охарактеризовать как полижанровую: речевые и публицистические жанры образуют так называемую жанровую амальгаму, совмещаются, перетекают один в другой. В качестве примера можно привести фрагмент интервью с бывшим управляющим Совмина СССР Михаилом Смиртюковым, посвященный В. М. Молотову. В небольшом фрагменте текста осуществляется взаимопроникновение жанров интервью, воспоминаний интервьюируемого (информационного сообщения) и характеристики:

- А что, по-вашему, было самой сильной стороной Молотова-политика?

- Умение точно оценивать свои возможности. Молотов всегда знал, что в любом деле есть граница, переходить которую нельзя даже ему. Вячеслав Михайлович был очень сильным организатором. Настоящим (Коммерсантъ Власть № 33, 22.08.2011).

Полижанровая структура текстовой ткани политического портрета может сопровождаться стилистическими процессами. К последним относится, прежде всего, полистилизм, который достигается повышением разговорности и оценочности текста. Проиллюстрировать эти процессы можно, с нашей точки зрения, на примере публикации Н. Алексеевой «Валькирия революции», посвященной Александре Коллонтай (ЭГ № 13 (414), 29.03.2022).

О жанровом взаимопроникновении свидетельствует жанр опровержения выдумок, баек, слухов, фальшивок об А. Коллонтай, который красной нитью проходит через всю публикацию и сочетается с другими жанрами, и прежде всего – с фрагментами биографии и воспоминаний:

*Сразу уточним: к теории стакана воды Коллонтай отношения не имела. Ее придумала французская баронесса Аврора Дюдеван, известная как писательница Жорж Санд.

*Байку в отношении Александры Михайловны запустили белогвардейцы в период Гражданской войны.

*Еще одна расхожая байка – Декрет о национализации женщин, якобы написанный Коллонтай.

*В отношении Александры Коллонтай придуманы и другие захватские байки. Популярный миф – о ее связи с Лениным.

*А эта фальшивка родилась в Италии, Коллонтай якобы была членом общества нудистов. И т. д.

Полистилизм текстовой ткани достигается путем аппликаций разговорных элементов, используемых автором публикации на всех

уровнях языковой системы, ср., например, разговорную фразу во вставке «Поматросил и бросил» и смену именовании лица, характерную для изданий, ориентированных на разговорную речь: *Дыбенко – Павел – Паша:*

Роман с ДЫБЕНКО был огненным. Коллонтай, побросав все дела, мчалась из Москвы на Украину к ПАВЛУ. Чтобы спасти возлюбленного, арестованного после сдачи Нарвы, она заключила с ним первый в истории Советов гражданский брак, узаконенный властью, а не церковью. Александра призвала соотечественниц быть выше «мещанских предрассудков» и не унижаться до ревности. Но совладеть с собственными чувствами не могла. Уличив ПАШУ в очередной измене, порвала с ним.

Оценочность текста в данной публикации двоякая: негативная оценка в чужой речи и позитивная – в авторской:

Негативная оценка фигуры А. Коллонтай, данная И. Буниным:

**Судебная и психиатрическая экспертиза давно знает и этот (ангелоподобный) тип среди прирожденных преступниц и проститутток.*

Позитивная оценка в подписи к фотографии А. Коллонтай:

**Александра Михайловна могла блистать в свете и купаться в роскоши, но она выбрала путь борца за права женщин.*

Следует добавить, что полистилизм, являясь действенным средством авторизации журналистского дискурса, во многом детерминирует идиостилевую специфику, о чем писал известный политолог Дм. Ольшанский, обращаясь к творчеству публициста М. Соколова: «Суть творческого метода Соколова – соединение сиюминутного и классического, сопряжение низкой политики и высокой словесности, торжественной речи и крепких выражений» [14]. Сказанное можно, на наш взгляд, отнести и к творчеству целого ряда авторов политических портретов, опубликованных в современных СМИ.

Политический портрет в вертикальном контексте истории и культуры

Включение текста политического портрета в вертикальный контекст истории и культуры осуществляется посредством прецедентных феноменов, к которым относятся «прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентная ситуация» [15:405–406]. В основе использования прецедентных феноменов в текстах политического

дискурса «лежит стремление к созданию суггестивного эффекта, что обуславливает обращение не к понятию, а к образу, не к дискурсивному, а к мифологическому сознанию» [15: 415–416]. Именно эта цель реализуется в политическом портрете, и прежде всего – в портрете-эссе как наиболее свободной форме подачи информации о политике. Примером может служить эссе Максима Соколова «Ельцин и триста спартанцев», в котором авторское мнение о проблеме взаимоотношений федеральной власти с регионами и мэром Москвы, а также прогноз о результативности действий Б. Ельцина репрезентированы журналистом через известную историческую аналогию: историю царя Леонида и трехсот спартанцев, перекрывших путь войску персидского царя Ксеркса в Фермопильском ущелье.

В целом, обращения авторов-журналистов к прецедентным именам, текстам, высказываниям и ситуациям помогают им вписать образ политика в контекст культуры и общее ментальное пространство, а также «осмыслить закономерности настоящего с опорой на опыт прошлого» [16: 37]. Сказанное можно отнести не только к жанру эссе, но и к ряду других жанровых разновидностей, и прежде всего – к заголовкам текстов, ср., готовые и трансформированные прецедентные феномены в заголовках: Шок без терапии (портрет Е. Гайдара); К вопросу о белых перчатках (о Ю. Андропове и А. Сахарове); Майданутые не пройдут (об А. Лукашенко) и т. д.

В заключение хотелось бы коротко коснуться еще трех процессов, связанных с портретом политика в публицистике. Во-первых, это дискурсивный характер портрета, предполагающий реконструкцию образа политика лишь из цикла текстов (материала о политике, развернутого во времени). Ярким примером может служить портрет Б. Ельцина, создаваемый М. Соколовым в цикле публикаций с 1993 по 2023 г.: *Ельцин: Я вам не птица Феникс* (1992); *Ельцин и триста спартанцев* (1994); *18-е брюмера Бориса Ельцина* (1995); *Я считаю Ельцина фигурой, вполне соразмерной де Голлю* (2005); *Экспертная колонка «На улице Правды». Раздавливающая держава* (2005); *Ныне отпускаеши. На смерть Ельцина* (2007); *Как закалялась сталь* (2010); *Два брата* (2013); *Борьба с Ельцин-центризмом. Почему стоит сохранить музей прежнего правителя?* (2023).

Во-вторых, это динамичность портрета с точки зрения смены аксиологического модуса и полюсов оценки политика. Примером может служить политический портрет М. Горбачева, созданный в начале 1990-х гг. известным журналистом В. Кардиным, ср., смену полюсов оценки политической фигуры в ста-

тье *Идеи и «правила»* (Библиотека «Огонек» № 29, 1991):

М. Горбачев тогда (в начале перестройки. – Н. Р.) смело делал полезные шаги, внушал великие надежды, и казалось неудобным в чем-то его упрекать, отказывать ему в безусловной поддержке...

Еще прежде чем горбачевская внутренняя политика провалилась, сам он начал неудержимо терять моральный вес. Все большей фальшью тянуло с телеэкрана, транслировавшего «потемкинские» вояжи...

Самодискредитация М. Горбачева достигла такого масштаба, что достаточно ему обрушиться на неудобного деятеля, и тот мгновенно приобретает популярность.

В-третьих, это увеличение дискретности транслируемой информации посредством креолизации текста. Модификации креолизованных портретов политиков чаще всего предстают в двух жанровых разновидностях. Это политическая карикатура (сообщение, имеющее сатирический характер) и информационное сообщение, которое может реализовать/не реализовать иронический пафос. Вербальный и визуальный семиотические ряды взаимосвязаны. Так, в карикатуре вербальный ряд может «1) дублировать изображение...; 2) дополнять информацию, представленную рисунком...; 3) являться ключом к пониманию карикатуры, т. е. играть роль смыслового ядра» [17: 37]. Кроме этого, креолизация портрета осуществляется посредством подписей к фотографиям политиков в домашней или рабочей обстановке. Сказанное увеличивает дискретность текста, облегчая восприятие сообщения как совокупности актуальных клипов, что вполне соответствует современным формам подачи публицистической информации.

Заключение

1. Инвариантной жанровой формы политического портрета в публицистике не существует: информация о политике представлена в этом дискурсе в виде жанровых модификаций, релевантных для публицистического стиля речи.

2. Усиливается дифференциация жанровых модификаций, транслирующих информацию о политике, их репертуар расширяется посредством включения в него речевых жанров, соотносимых с разговорной речью.

3. Возрастает степень жанровой диффузии, переплетения и взаимодействия различных жанровых форм в тексте. Это может быть переплетение монологических и диалогических жанров, жанров публицистических с жанрами речевыми, книжных жанров и жанров разговорной речи, а также включение

в текст политического портрета множественных фрагментов чужой речи.

4. Политический портрет приобретает дискурсивный (развернутый во времени) характер; усиливается динамичность и оценочная биполярность текстов, создаваемых разными (или даже одним) автором.

5. Увеличивается дискретность текстов путем их креолизации (взаимодействия вербальной и визуальной информации о политике).

6. Усиливается полистилизм и интертекстуальность текста политического портрета, что, в свою очередь, помогает встроить образ того или иного политика в общее ментальное пространство и коллективную память культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе. М. : РИП-холдинг, 2004. 247 с.
2. Майданова Л. М. Стилистические особенности газетных жанров : Лекции по специальности. Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1987. 64 с.
3. Кириллов А. Г. Жанры политического нарратива // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. Вып. 4. Орел : Орлов. гос. ин-т искусств и культуры, 2006. С. 192–198.
4. Вагенляйтнер Н. В., Никитина Л. Б. Языковой образ политика по данным российских печатных СМИ начала XXI века. Омск : Изд-во ОмГУ, 2014. 160 с.
5. Кормилицына М. А. Формирование имиджа политика средствами СМИ // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Власть и речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. С. 65–70.
6. Суздальцева В. Н. Образ власти в современных российских СМИ // Язык СМИ и политика : сб. / под ред. Г. Я. Солганика. М. : МГУ, 2012. С. 284–328.
7. Костюнина М. В. Лингвориторические особенности предвыборных речей Б. Обамы (2008 г.) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28 августа 2014 г.). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 131–136.
8. Семкин М. А. Коммуникативные стратегии и речевые тактики конфронтационных электоральных риторик (на материале третьего этапа дебатов президентской предвыборной кампании США 2012 г.) // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 186–190.
9. Скулимовская Д. А. Стратегии и тактики в политическом дискурсе (на материале выступлений Б. Обамы) // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 105–110.
10. Козлова И. В. Портрет политика как разновидность речевого жанра оценочно-характеризующего типа // Коммуникация в современном мире : материалы науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Тулупова. Воронеж : ВГУ, 2001. С. 129–132.
11. Руженцева Н. Б., Иванова Е. И., Нахимова Е. А., Никифорова М. В. Лингвополитическая персонология: методология и коммуникативные портреты политических лидеров. Екатеринбург : УрГПУ, 2021. 192 с.

Указанные процессы, с нашей точки зрения, позволяют говорить о непрерывном развитии жанра политического портрета: о возрастающей свободе его формы, динамичности, способности адаптироваться к экстралингвистическим факторам текстообразования и изменяться в соответствии с требованиями времени.

Думается, что данные процессы имеют место в разных группах публицистических жанров, однако эта мысль нуждается в доказательстве на большом газетно-журнальном материале, и в том числе – на материале электронных СМИ.

12. Матвеева Л. В., Замская М. Д. Роль журналистики в трансформации образа политика в современном мире // Язык СМИ и политика : сб. / под ред. Г. Я. Солганика. М. : МГУ, 2012. С. 329–355.

13. Коньков В. И. Книжное и разговорное начало в средствах массовой информации // Русская речь в средствах массовой информации. Стилистический аспект : монография / под ред. В. И. Конькова. СПб. : СПбГУ, 2007. С. 56–63.

14. Ольшанский Д. В. Через лес. URL: <https://dzen.ru/a/ZcSTY0JfjIz4rMBZ>

15. Гудков Д. Б. Политические феномены в текстах политического дискурса // Язык средств массовой информации : учебное пособие / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академический проект ; Альма Матер, 2008. С. 401–418.

16. Прохорова К. В. Газетный заголовок: проблемы и функциональные возможности : учебное пособие. СПб. : СПбГУ, 2005. 80 с.

17. Артемьева Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 237 с.

REFERENCES

1. Grabelnikov A. A. *Rabota zhurnalista v presse* [The work of a journalist in the press]. Moscow, RIP-holding, 2004. 247 p. (in Russian).
2. Maidanova L. M. *Stilisticheskie osobennosti gazetnykh zhanrov : Lektsii po spetsial'nosti* [Stylistic features of newspaper genres: LECTURED ON A SPECIAL COURSE]. Sverdlovsk, Ural State University Publ., 1987. 64 p. (in Russian).
3. Kirillov A. G. Genres of political narrative. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse : mezhvuz. sb. nauch. tr. Otv. red. A. G. Pastukhov. Vyp. 4* [Pastukhov A. G., ed. Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse: Interuniversity collection of scientific papers. Iss. 4]. Orel, Orel State Institute Culture Publ., 2006, pp. 192–198 (in Russian).
4. Wagenleitner N. V., Nikitina L. B. *Yazykovo obraz politika po dannym rossiiskikh pechatnykh SMI nachala XXI veka* [The linguistic image of a politician according to the Russian print media of the early twentieth century]. Omsk, Omsk State University Publ., 2014. 160 p. (in Russian).
5. Kormilitsyna M. A. *Problemy rechevoi kommunikatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 4. Vlast' i rech'. Pod red.*

M. A. Kormilitsynoi, O. B. Sirotininoi [Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B., eds. Formation of a politician's image by means of mass media. Problems of speech communication : Interuniv. coll. of sci. papers. Iss. 4. Power and Speech]. Saratov, Saratov State University Publ., 2004, pp. 65–70 (in Russian).

6. Suzdaltseva V. N. The image of power in modern Russian media. In: *Yazyk SMI i politika : sb. Pod red. G. Ya. Solganika* [Solganik G. Ya., ed. The language of the media and politics]. Moscow, Moscow University Press, 2012, pp. 284–328 (in Russian).

7. Kostyunina M. V. Linguistic features of the election speeches of B. Obama (2008). In: *Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 26–28 avgusta 2014 g.)* [Political Communication : Prospects for the Development of Scientific Research: Proc. of the intern. konf. (Yekaterinburg, August 26–28, 2014)]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2014, pp. 131–136 (in Russian).

8. Semkin M. A. Communicative strategies and speech tactics of confrontational electoral rhetoric (based on the material of the third stage of the debates of the 2012 US presidential election campaign). *Political Linguistics*, 2014, no. 1 (47), pp. 186–190 (in Russian).

9. Skulimovskaya D. A. Strategies and tactics in political discourse (based on the material of B. Obama's speeches). *Political Linguistics*, 2017, no. 1 (61), pp. 105–110 (in Russian).

10. Kozlova I. V. Portrait of a politician as a kind of speech genre of evaluative and characterizing type. In: *Kommunikatsiya v sovremennom mire: materialy nauch.-prakt. konf. Pod red. V. V. Tulupova* [Tulupov V. V., ed. Communication in the Modern World: Materials of sci. and pract. conf.]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2001, pp. 129–132 (in Russian).

11. Ruzhentseva N. B., Ivanova E. I., Nakhimova E. A., Nikiforova M. V. *Lingvopoliticheskaya personologiya: metodologiya i kommunikativnye portrety politicheskikh liderov* [Linguistic and political personology: Methodology and communicative portraits of political leaders]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2021. 192 p. (in Russian).

12. Matveeva L. V., Zemskaia M. D. The role of journalism in the transformation of the image of a politician in the modern world. In: *Yazyk SMI i politika : sb. Pod red. G. Ya. Solganika* [Solganik G. Ya., ed. The language of mass media and politics]. Moscow, Moscow University Press, 2012, pp. 329–355 (in Russian).

13. Konkov V. I. Book and colloquial beginning in the mass media. In: *Russkaya rech' v sredstvakh massovoi informatsii. Stilisticheskii aspekt: monografiya. Pod red. V. I. Kon'kova* [Konkov V. I., ed. Russian speech in the media. The stylistic aspect: Monograph]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2007, pp. 56–63 (in Russian).

14. Olshansky D. V. *Through the forest*. Available at: <https://dzen.ru/a/ZcSTYofJfjIz4rMBZ> (in Russian).

15. Gudkov D. B. Political phenomena in the texts of political discourse. In: *Yazyk sredstv massovoi informatsii : uchebnoe posobie. Pod red. M. N. Volodinoi* [Volodina M. N., ed. The language of mass media: Textbook]. Moscow, Academic project, Alma Mater, 2008, pp. 401–418 (in Russian).

16. Prokhorova K. V. *Gazetnyi zagolovok: problemy i funktsional'nye vozmozhnosti : uchebnye posobie* [Newspaper headline: Problems and functionality: Textbook]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2005. 80 p. (in Russian).

17. Artemyeva E. A. *Caricature as a Genre of Political Discourse*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2002. 237 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 12.12.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 15.02.2025; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 12.12.2024; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 15.02.2025; published 02.03.2026

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 113–122

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 113–122

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-113-122>, EDN: ZBVBXY

Научная статья

УДК [070:004.738.5]:811.161.1'27'38'42

Имидж города в многожанровом отражении публикаций социальных медиа

Л. Ю. Щипицина[✉], В. В. Казяба

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 163002, г. Архангельск, ул. Набережная Северной Двины, д. 17

Щипицина Лариса Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой и французской филологии, l.shchipitsina@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5308-8726>

Казяба Виктория Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и германского языкознания филиала САФУ в г. Северодвинске, v.kazyaba@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1777-1712>

Аннотация. В статье рассматривается жанровый состав формирующих имидж города публикаций, представленных в официальных и неофициальных социальных медиа. В результате анализа компонентной структуры городского имиджа и медийного пространства Интернета предлагается собственная типология социальных медиа, реализующих имиджбилдинговые функции и задачи. Автоматический отбор текстов из выявленных типов социальных медиа доказывает существование в них разножанровых текстов, представляющих урбанистический имидж: новостные тексты, отзывы/рецензии, анонсы, продвигающие тексты, авторские публикации, подписи к медиа (в качестве медиа может выступать отдельное фото, фотогалерея или видео), комментарии (других текстов или событий), прогнозы, отчеты, рекламные тексты. Выявляются статистически подтвержденные предпочтения использовать новостные тексты, анонсы и продвигающие тексты в официальных социальных медиа, а также рецензии, новостные тексты, авторские сообщения и подписи к медиа в неофициальных социальных медиа. Предложенный перечень жанров публикаций социальных медиа может служить основой для типологии жанров текстов социальных медиа и в других сферах, за рамками имиджевого дискурса.

Ключевые слова: жанр, интернет-коммуникация, социальные медиа, официальный, неофициальный, имидж города, новостной текст, рецензия, анонс, авторское сообщение

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-10074, <https://rscf.ru/project/23-28-10074/>.

Для цитирования: Щипицина Л. Ю., Казяба В. В. Имидж города в многожанровом отражении публикаций социальных медиа // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 1 (49). С. 113–122. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-113-122>, EDN: ZBVBXY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of the city in a multi-genre reflection of social media publications

L. Yu. Shchipitsina[✉], V. V. Kaziaba

Northern (Arctic) federal university, 17 Naberezhnaya Severnoy Dviny St., Arkhangelsk 163002, Russia

Larisa Yu. Shchipitsina, l.shchipitsina@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5308-8726>

Viktoriya V. Kaziaba, v.kazyaba@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1777-1712>

Abstract. The article examines the genre composition of publications that form the city's image, presented in official and unofficial social media. Based on the component structure analysis of the city image and the Internet media space, we propose our own typology of social media that implements image-building functions and tasks. Automatic selection of texts from identified types of social media proves the existence of multi-genre texts that

represent the urban image: news, reviews, announcements, promotional texts, author-developed publications, media captions (the media can be presented by a separate photo, photo gallery or video), comments (to other texts or events), forecasts, reports, advertising texts. We also give statistically confirmed preferences to use news texts, announcements and promotional texts in official social media vs. reviews, news texts, author's posts and media captions in unofficial social media. This repertoire of social media genres can serve as a basis for identifying social media genres beyond the scope of city image discourse.

Keywords: genre, Internet communication, social media, official, unofficial, city image, news text, review, announcement, author's post

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-10074, <https://rscf.ru/project/23-28-10074/>.

For citation: Shchipitsina L. Yu., Kaziaba V. V. The image of the city in a multi-genre reflection of social media publications. *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 1 (49), pp. 113–122 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-1-49-113-122>, EDN: ZBXXBY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Данное исследование продолжает размышления авторов, представленные в статье «Медийный формат vs жанр в социальных медиа» [1], дополняет их обращением к понятию имиджа в социальных медиа и на основе привлечения статистических данных и комплексного лингвистического анализа предлагает характеристику основных жанров социальных медиа, выявленных в собранном материале.

Современная коммуникация отличается своей комплексностью и гибридность: разные форматы общения, дискурсы и жанры переплетаются и пронизывают друг друга, образуя разнообразные, порой непривычные сочетания, например, развлекательное образование (*edutainment*) или реклама, которая маскируется под авторскую колонку (*infotainment*). Особенно активны данные процессы в интернет-среде, отличающейся своей коммуникативной гибкостью, новаторством и креативностью. В итоге перед исследователем интернет-среды и используемых в ней жанровых форм стоит интересная, но достаточно непростая задача: выявить стабильные, более или менее неизменные черты бытующих в интернет-среде жанров и те их составляющие, которые подвергаются изменению и комбинации с другими жанрами, темами, дискурсами.

В данной статье предпринимается попытка сфокусироваться на определенном сегменте весьма обширного по своему объему интернет-пространства, а именно на социальных медиа. Под таковыми мы понимаем интернет-ресурсы, реализующие информационно-коммуникационные функции в многообразных сетевых сообществах людей с обязательной возможностью создания и пользовательского контента (*user-generated content*). Вместе с нами предлагаем читателю поразмышлять над тем, какие жанры публикаций в социальных медиа, т. е.

типичные формы общения, имеющие свою ведущую коммуникативную функцию, вольно или невольно вовлекаются в процессы создания имиджа города. Это важно не только с позиций типологии жанров социальных медиа, но и в связи с необходимостью исследовать сами лингвистические принципы формирования имиджа города: какие коммуникативные стратегии, языковые средства для этого привлекаются? В чем состоит сама сущность имиджа города с языковых позиций? Какие составляющие в представлении имиджа обязательны, а какие – нет? Каковы аспекты имиджа и их языковые маркеры? Какими языковыми средствами подчеркнуть уникальность имиджа? Какие жанры и типы дискурса используются для создания имиджа города, и какие из них наиболее действенны для аудитории?

Соответственно, исходный тезис нашего исследования состоит в том, что имидж города формируется не только специальными имиджевыми текстами, в которых создание имиджа выступает основной целью коммуникации. Материал для наших наблюдений об имидже города составляют публикации, сообщения и комментарии социальных медиа, в которых основная цель – сообщить о том, что волнует разных авторов в настоящий момент, но частично такие сообщения могут касаться и имиджа города. Сильная сторона социальных медиа как раз и состоит в том, что сообщения и комментарии в них многочисленны и регулярно добавляются к уже имеющимся, а читатели вовлекаются во взаимодействие с опубликованным контентом и даже в создание собственного контента. Как следствие через привлечение социальных медиа для работы над имиджем города создается благоприятная среда для многократного упоминания компонентов имиджа и их закрепления в сознании читателей.

Учитывая вышесказанное, в статье решаются следующие задачи:

- 1) показать *жанровую палитру* тех *текстов социальных медиа*, которые касаются формирования имиджа как дополнительной, попутной задачи, имея основной задачей что-то другое, что и определяет их жанровую суть;
- 2) дать *статистику по частотности жанров текстов социальных медиа*, служащих для создания имиджа города, привлекая технологию больших данных, которая позволяет отфильтровать из большого массива текстов социальных медиа нужные нам по формальным триггерам имиджа города. Перед тем как дать ответы на поставленные вопросы, обратимся к определению имиджа города.

Теоретические основы исследования: имидж города

Высокий информационно-коммуникативный потенциал и широкий репертуар самопрезентационного инструментария социальных медиа позволяет рассматривать их не только как жанропорождающую, но и имиджеформирующую среду. Имидж в контексте цифровой среды и в условиях всеобщей конкуренции за внимание аудитории приобретает высокую регулируемую силу. Специфика социальных медиа позволяет имиджу преодолеть рамки психического образа объекта и трансформироваться в намеренно моделируемое, экспрессивное отражение уже существующего образа, адресованное широкому кругу потребителей с целью достижения эмоционального отклика и решения прагматических задач [2]. В процесс цифрового имиджбилдинга сегодня вовлечены не только отдельные персоны в виде виртуальных личностей, но и коллективы, институты, организации [3] и даже территории. Так, актуальная ситуация жесткой социально-экономической конкуренции между городами подталкивает их муниципальное управление к продумыванию и выстраиванию стратегии урбанистического продвижения как для внешнего, так и внутреннего рынка. Имидж города – это реальный инструмент привлечения инвестиций и туристов, а также механизм, влияющий на управление миграционными потоками.

Изучение имиджа города носит преимущественно междисциплинарный характер и находится еще на начальной стадии. Однако уже сейчас представляется возможным выделить три основополагающих компонента, которые формируют структуру вербального имиджирования территорий:

- 1) *идентификационный компонент* – предполагает выявление, каталогизацию и типологизацию факторов, параметров и составляющих имиджа [ср.: 4–7];

- 2) *коммуникационный компонент* – сопряжен с анализом способов формирования и каналов распространения имиджа [8–10];
- 3) *рефлексивный компонент* – связан с изучением обратной связи от респондентов и гостей территории [11–14].

Реализация каждого структурного компонента имиджа города находит свое отражение практически во всех возможных видах современных социальных медиа, чье многообразие весьма проблематично типологизировать. Используя в своем исследовании кейс города Архангельска и ориентируясь на существующие практики классифицирования социальных медиа [15, 16], мы выявили 6 групп источников в соцмедиа, где вербально реализуется имиджевое продвижение города. С точки зрения статуса источники делятся на *официальные* (коррелирующие или подчиняющиеся провластным структурам) и *неофициальные* (представляющие независимый контент на широкую аудиторию читателей). Выделенные ранее структурные компоненты городского имиджа позволили определить соответствующие им типы разностатусных социальных медиа:

- *коммуникационные* (в форме персональных страниц, каналов, блогов);
- *информационно-развлекательные* (в форме информационных агентств, онлайн-СМИ, порталов, форумов, хостингов, пабликов);
- *потребительские* (в форме туристических порталов, агентств, компаний и сайтов отзывов).

Таким образом, наш подход в значительной степени расширяет функциональную сферу вербализации урбанистического имиджа, который формируется не только уполномоченными представителями власти или PR-специалистами, но и простыми пользователями социальных медиа, в том числе самими горожанами и гостями города. Имиджевые тексты, продуцируемые в обозначенных источниках, разнятся не только своими лингвистическими и прагматическими характеристиками, SEO-параметрами, эмоциональной тональностью и контентом, но также демонстрируют жанровое многообразие.

Материал и методы исследования

Материал и методология настоящей статьи опирается на результаты работы научного коллектива по гранту Российского научного фонда (РНФ) «Анализ имиджа города Архангельска в социальных медиа с помощью технологий больших данных». Источники материала отбирались методом сплошного анализа социальных медиа. Были обнаружены все типы источников разных статусов, включая личные

аккаунты мэра Архангельска, губернатора области, локальных инфлюенсеров, блогеров, а также сайты, страницы и группы государственных городских структур, информационно-новостных служб, пабликов, социальных сообществ, туристических организаций и агрегаторов отзывов. Всего к исследованию привлечено 46 источников социальных медиа, в которых имидж города Архангельска формируется и распространяется в вербальной форме.

Сбор фактологического материала из указанных источников производился в два этапа. На первом этапе с помощью специально созданного программного обеспечения был произведен автоматический датамайнинг текстов публикаций, содержащих релевантные предмету исследования слова-триггеры и все их возможные формы¹ («Архангельск*», «столиц* Поморья», «столиц* Севера» и подобные). Далее на основе контент-анализа исследовательский датабанк пополнялся вручную текстами из тех источников соцмедиа, где агрегация и майнинг данных машинными способами невозможны. Непосредственный материал настоящей статьи насчитывает 2444 текстовых публикации, извлеченные за ноябрь 2023 г. Тексты были распределены на 6 датасетов в соответствии с принятой в исследовании типологией социальных медиа (таблица).

После необходимой технической предобработки тексты были подвергнуты автоматизированному и ручному комплексному анализу, включающему в себя контент-анализ (с оценкой рационально-содержательного и эмоционально-оценочного компонентов), лингвистический анализ (собственно лингвистический и лингвостатистический SEO-анализ), а также жанрово-типологический анализ. Определение жанровой принадлежности рассматриваемых единиц осуществлялось с применением методов жанрового, тематического, дискурсивного

и контент-анализов. Далее представим качественно-количественные результаты данной работы и коротко опишем зафиксированные в фактологическом материале жанры публикаций, вербализующих имидж города в социальных медиа.

Результаты: обзор жанров

Исследовательский материал позволил выделить десять различных жанров публикаций на основе их функционально-формального представления. Приведем краткое описание и статистические данные о распространенности каждого обнаруженного жанра в нашем материале. В приведенных примерах выделим единицы, имплицитно или эксплицитно вербализующие имиджевые потенциалы г. Архангельска: природно-географический, социальный, экономический, политический, инфраструктурный и историко-культурный. Оригинальная пунктуация и орфография всех публикаций сохранена (возможны сокращения, выделенные многоточием в скобках, полужирное выделение наше. – Л. Щ., В. К.).

1. Новостное сообщение (33,3%) – представляет собой публикацию, сообщающую аудитории новую информацию о городской жизни, которая обладает значимым социальным, политическим, экономическим, культурным потенциалом: *В Архангельске **продолжается ремонт трех подразделений первой горбольницы**. Первую городскую больницу им. Волосевич в Архангельске ждет **обновление**. (...). Также **продолжается капитальный ремонт в поликлинике горбольницы, обновление проходит в рамках программы модернизации** первичного звена национального проекта «Здравоохранение». В этом подразделении **приводят в порядок крыльцо, холл, регистратуру и зону ожидания** (источник: https://t.me/mo_arhangel/5410).*

Количественное распределение текстов, вербализующих имидж г. Архангельска в социальных медиа в ноябре 2023 года

Quantitative distribution of texts verbalizing the image of Arkhangelsk in social media in November 2023

Статус источника	Тип источника			
	Коммуникационные соцмедиа	Информационно-развлекательные соцмедиа	Потребительские соцмедиа	Всего
Официальный	36	822	59	917
Неофициальный	150	1268	109	1527
Всего	186	2090	168	2444

¹С помощью знака астериск «*» обозначается граница слова-триггера, которое служит поисковым префиксом в процессе машинной обработки текстов. Астериск в данном случае выражает вариативную часть слова. Следовательно, в поисковый запрос «Архангельск*» попадут тексты с аналогичной лексемой, но разными флексиями: «Архангельска», «Архангельском» и т. д.

В приведенном примере речь идет о ремонте городского учреждения здравоохранения, что позволяет внести определенный вклад в социальный и инфраструктурный потенциал имиджа города. При этом отмечаем наличие слов позитивной оценки (*обновление, ремонт, приводить в порядок*), что способствует улучшению данных компонентов имиджа города. Тематика новостных сообщений может быть самой разной и примерно соответствует типичным газетным рубрикам (общество, политика, экономика, культура, спорт) в зависимости от того, что в данный момент происходит в городе. При этом в официальных медиа речь идет о глобальных для города событиях (ремонт больницы или аэропорта, изменение схемы движения транспорта и под.), а в неофициальных – то, что видят и чем хотят поделиться обычные жители (лужа во дворе, отсутствие горячей воды в доме, победа горожанина в конкурсе профессионального мастера и т. д.).

2. Рецензия/Отзыв (21,3%) – в условиях социальных медиа представляет собой публикацию субъективного мнения оценочной направленности, основанного на личных впечатлениях и (или) опыте взаимодействия, потребления, знакомства с каким-либо продуктом, услугой, локацией. При этом в отличие от традиционных рецензий и отзывов подобные публикации в интернет-пространстве производятся в том числе и лицами, не являющимися экспертами или специалистами в затрагиваемой области. В публикациях данного жанра имидж города может отображаться, с одной стороны, «широкими

мазками», то есть сосредотачиваться на глобальных, масштабных имиджевых конструктах, например, на экологической и социо-демографической обстановке: (...). **Объективно не самое лучшее место для переезда. Среди плюсов можно отметить доброжелательность местных жителей отсутствие проблем с мигрантами** (для тех кому это важно) просто потому, что ехать сюда желаний нет даже у них. **Экология достаточно на хорошем уровне, (...) почти все заводы, которые могли её загрязнять обанкрочены и закрыты** (источник: <https://disotzov.ru/arxangelsk-otzyvy-pereexavshix/>). С другой стороны, в рецензиях/отзывах формирование урбанистического имиджа строится за счет описания его отдельных локаций, объектов, явлений. Последние преподносятся либо как конкурентные преимущества, либо как недостатки города: (...) **По пути грузинский ресторан Генацвале. Остались и не пожалели. (...) зашло ВСЁ на ура. Сервис на высоте. Большое спасибо Николаю и команде поваров. Быстро. Свежо. Вкусно. Большое спасибо. (...)** (источник: https://www.tripadvisor.ru/Restaurant_Review-g298499-d16875610-Reviews-Genacvale-Arkhangelsk_Arkhangelsk_Oblast_Northwestern_District.html). Современные социальные медиа позволяют производить и невербальную оценку предметам, услугам, локациям, как в общем, так и по отдельным показателям, что также напрямую связывается с имиджем объекта (рис. 1).

Отметим, что жанр рецензии/отзыва представлен главным образом в группе потребительских неофициальных социальных медиа.

Николай Р
7 публикаций

👍 0

●●●●●
Отлично
нояб. 2023 г. • Family

Пешеходная улица. Преддверие зимы. Архангельск. Дождь. Ветер. Холодно. Три часа дня. Куда пойти по пути в гостиницу? Раскрученно-распиарено-проходное заведение? Или традиционное понимаемое заведение с понятной кухней? По пути грузинский ресторан Генацвале. Зашли с супругой без промедления. Дождь. Насторожил до рези в глазах и звона в ушах пустой зал. Никого. Хотелось уж развернуться, но на экране хорошо знакомые виды Грузии. Остались и не пожалели. Хачапури по имеретинский. Класс. Харчо в меру острый и сбалансированный по консистенции. Хинкали традиционные- как в Тбилиси. Барашек конфи - прелесть. Думали не осилим, но под полусладкое красное, зашло ВСЁ на ура. Сервис на высоте. Большое спасибо Николаю и команде поваров. Быстро. Свежо. Вкусно. Большое спасибо. Николай. Москва. P.S. Кофе хорош.

Меньше данных ^

●●●●● Цена/качество	●●●●● Обслуживание
●●●●● Питание	●●●●● Атмосфера

Рис. 1. Пример публикации-отзыва

Fig. 1. Example of a review post

Оценка может быть как смешанная (первый пример жанра отзыва, маркеры отрицательной оценки – *не самое лучшее, обанкрочены, закрыты*; положительной – *доброжелательность, на хорошем уровне*), так и одного типа, например, в примере с отзывом о ресторане грузинской кухни – позитивная (маркеры: *не пожалели, на высоте, на ура, спасибо, быстро, свежо, вкусно*).

3. Анонс (11,6%) – призван сообщать о грядущих мероприятиях или событиях, имеющих значимость для города и касающихся одного или нескольких из имиджевых потенциалов города. Так, например, анонс областного турпортала одновременно подчеркивает колорит культурной жизни Архангельска и упоминает почетную жительницу города – основательницу Государственного академического Северного русского народного хора А. Я. Колотилкову: *В Архангельске пройдет XVIII Межрегиональный фольклорный фестиваль имени Антонины Колотиловой. Главной темой фестиваля, который пройдет в Архангельске с 10 по 12 декабря, станет северная народная песня в обрядах и народных гуляньях на Миколу зимнего.* (...) (источник: https://pomorland.travel/news/v_arkhangelske_proydet_xviii_mezhregionalnyy_folklornyy_festival_imeni_antoniny_kolotilovoy/). Очевидно, что основной маркер анонса – использование форм глаголов будущего времени (*пройдет, станет*), а также дат, указывающих на будущее относительно времени публикации сообщения время. Эксплицитных маркеров оценки имиджевого потенциала в примере не используется, но сам факт упоминания культурных событий и традиций можно считать имплицитным маркером позитивной оценочности: в городе проводятся культурные события, жители могут получить на них положительные эмоции и культурно просветиться, а следовательно, это оценивается хорошо.

4. Подпись/описание к медиаэлементу (7,8%) – публикация, сопровождающая видеозапись или фотоизображение, как правило, объективно-констатирующего, уточняюще-конкретизирующего или субъективно-оценочного характера. В отличие от иных жанров в таких публикациях смысловой доминантой является именно визуальный фото- или видеокomпонент, а вербальная часть лишь его сопровождает, становясь своеобразным «аккомпанементом». В качестве примера приведем публикацию локального блогера М. Шишова (рис. 2): *Похоже асфальт класть на площади перед жд с одной из сторон закончили, когда откроют платную парковку, как в проекте – не известно* (источник: https://vk.com/wall-176986159_178135)

Рис. 2. Пример публикации-подписи к фотографиям

Fig. 2. Example of a photo caption post

5. Авторская публикация/запись («пост») (7,6%) – подразумевает под собой публикацию с субъективной оценкой, мнением, размышлением автора, часто – с ярко выраженной эмоциональной окрашенностью и со ссылкой на значимые события, явления, происшествия: *Почему у нас люди такие злые с утра? Погода хорошая, Новый год на носу, а в автобусах давка, толкаются, ругаются. Практически никто не улыбается, лица серьезные и сердитые. Душевнее был Архангельск, даже еще в 2010-х годах. Почему так?* (источник: https://vk.com/wall-176986159_178135). Для подобных публикаций характерна мозаичность урбанистического имиджа (в приведенном примере речь идет о социальном и частично – об инфраструктурном потенциале имиджа, причем в негативном ключе), а также вкрапления и наслоение в текстовую структуру элементов иных жанров.

6. Продвигающий текст (7,4%) – нацелен не только на поддержание или построение имиджа и бренда, но и на эффективное воздействие на целевую аудиторию (привлечь внимание потребителя, запомниться ему, вызвать или помочь сформировать определенное эмоциональное отношение к заложенной в тексте информации и, в идеале, побудить к определенному действию) [17: 79]. Продвигающие публикации направлены на решение в первую очередь маркетинговых задач (а не сбытовых, как это происходит в рекламном, продающем тексте): *Думаете, чем заняться в выходной? Предлагаем открыть наш культурный гид и посетить экскурсии в музеях нашего города, сходить на спектакль, лекцию или посетить концерт!* (...) (источник: https://vk.com/wall-35487279_39792). Досуговые альтернативы усиливают насыщенность культурного

потенциала города. Отнесение к жанру продвигающего текста производится на основе его семантики (*заняться в выходной, экскурсии в музеях нашего города*). При этом для текстов данного типа нередко характерны диалогичность и мягкая директивность, выражающиеся в вопросительных и побудительных предложениях, а также в использовании форм глаголов 1-го и 2-го лица.

7. Комментарий (3,6%) – представляет собой мнение, высказывание или реакцию относительно другой публикации со ссылкой на нее. Как правило, в социальных медиа подобные публикации предстают в виде эмоционально маркированных текстов, сопровождающих репосты. В качестве примера приведем реакцию подписчика локального паблика на объявление о продаже квартир в архангельских новостройках: *С****, что с ценой на новостройку в Архангельске??? Это сколько нужно зарабатывать, чтобы купить квартиру((((* (источник: https://vk.com/wall-127267864_3539251). Очевидна подчеркнутая негативизация урбанистического имиджа сквозь призму финансового и инфраструктурного потенциалов.

8. Прогноз (2,1%) – имеет классическое трактование в рамках данного исследования как описание ожидаемой в ближайшем будущем погоды, однако стоит заметить, что наиболее часто встречается как субжанр, инкорпорируясь в публикации других жанровых направленностей. В записи паблика «Мой город – Архангельск!» прогноз погоды дополняется подписью к фото (рис. 3), лаконично поддерживая имидж северного города

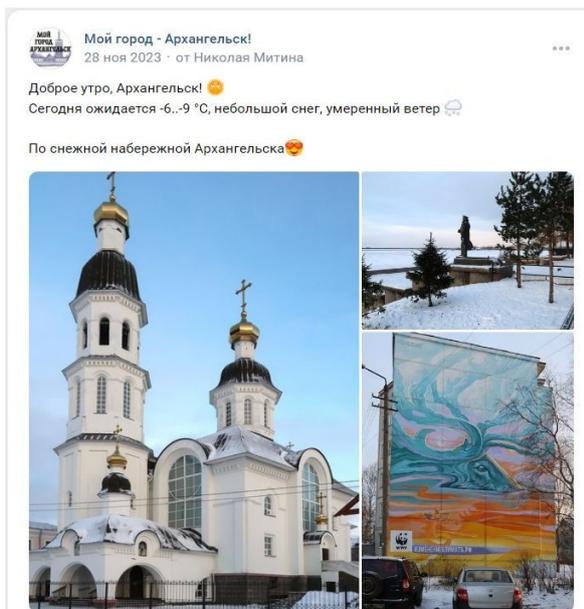

Рис. 3. Пример публикации-прогноза

Fig. 3. Example of a forecast post

с помощью эпитетов и упоминания любимой городской локации – набережной: *небольшой снег, умеренный ветер, снежной набережной* (источник: https://vk.com/wall-176986159_180105)

Прогностические высказывания могут касаться и иных сторон урбанистического имиджа, например, уровня жилищно-коммунального обслуживания горожан: *(...) 7 ноября вечером коммунальщики заявили, что 8 ноября днем к домам по улице Партизанская 3, 47, 47/1, 60 направят водовозку. Это значит, что люди будут сидеть без воды больше суток* (источник: https://vk.com/arkhangelsk_life?w=wall-127267864_3514256)

9. Отчет (0,9%) – публикация, опирающаяся на факты о результатах, итогах или процессе выполнения какой-либо урбанистически значимой деятельности. В качестве иллюстрации – публикация губернатора области А. Цыбульского о ремонте архангельского аэропорта *(...) Все основные работы завершены: забетонирована взлетно-посадочная полоса, заасфальтированы обочины и рулежные дорожки, обустроены водосточно-дренажная сеть и объекты радиотехнического обеспечения. Сейчас идет подготовка к летной проверке светосигнального оборудования, курсовых и боковых радиомаяков.* (...) источник: https://vk.com/wall358141318_150500). Жанр отчета представлен именно в публикациях официальных лиц, которые, рассказывая о своей деятельности, частично касаются и изменений в имидже города, главным образом, его инфраструктурного потенциала.

10. Реклама (0,5%) – в отличие от продвигающих текстов, это продающие публикации, нацеленные на презентацию и сбыт услуг и товаров. В рекламе, как правило, отражаются привлекательные, конкурентные преимущества города. Так, в следующем примере очевиден акцент на досугово-развлекательных возможностях Архангельска для детей: *Хотите чтобы зимние каникулы запомнились Вашему ребенку? У нас есть отличное предложение – проведите каникулы с Warpoint! Вас и вашего ребенка ждут: – Командная игра, которая подходит для детей и взрослых – VR нового поколения: никаких проводов и ограничений (...)* (источник: https://vk.com/city_arh?w=wall-176986159_179999). Реклама в виде сторителлингов участвует в урбанистическом имиджбилдинге не только с позиции констатации факта наличия услуги/товара, но и способствует раскрытию таких нематериальных имиджевых составляющих, как, например, креативная деятельность, творческие коллаборации города: *Бренд одежды «Доска Треска» запустил совместный про-*

ект с киностудией «Союзмультфильм» и приготовил для архангелогородцев и гостей города коллекцию футболок, худи, свитшотов, шопперов и других аксессуаров с медвежонком Умкой, его мамой и друзьями. Как родилась идея такого сотрудничества и где можно купить одежду, рассказываем по ссылке (...) (источник: https://vk.com/public29725798?w=wall-29725798_758648)

Материал демонстрирует спорадическое присутствие иных жанров. Описанные выше жанры выделены на основе доминирующих жанрообразующих признаков в исследуемых текстах, что, однако, не исключает случаев смешения или наслоения двух и более жанров в пределах одной онлайн-публикации (план-отчет или новость-отчет). К категории «другое» мы отнесли этикетные жанры (типа поздравления или соболезнования), предупреждения и советы, напоминание и некоторые другие.

Статистическое распределение жанров (от новостного текста как самого популярного вида жанра до рекламного текста как наименее характерного для создания имиджа города) отражает промежуточные результаты «ручного» определения жанровой принадлежности в нашем исследовательском материале, которые в дальнейшем могут незначительно скорректироваться. Тем не менее, уже сейчас можно увидеть определенные тенденции в предпочтении тех или иных жанров в группе официальных и неофициальных социальных медиа (рис. 4). Данные на рисунке представлены в процентах, при этом

за 100% берется количество текстов в каждой категории. Это означает, в частности, что новостные тексты составляют почти 45% всех официальных текстов социальных медиа, 25% текстов всех неофициальных социальных медиа, а в среднем, без деления на официальные и неофициальные, примерно 33% всех текстов социальных медиа, в которых реализуется имиджевый потенциал, можно отнести к новостным.

Согласно полученным данным, в официальных медиа преобладает новостной текст, анонс и продвигающий текст (выше средних показателей по жанру), а в неофициальных – рецензия, подпись к медиа, авторское сообщение и комментарий. Жанр отчета нами отмечен только для официальных медиа, все остальные жанры представлены и в официальных, и в неофициальных медиа. Такие предпочтения в выборе жанровой формы обусловлены среди прочего статусом автора (официальное лицо или организация – житель города), инфоповодом (предстоящие или происходящие сейчас события городской жизни) и прагматической установкой адресанта. Более детальный анализ жанров каждого типа позволит уточнить данную зависимость и продолжить выявление лингвистических маркеров каждого жанра с целью возможного перевода задачи определения жанровой принадлежности текста от ручного к машинному анализу.

Отметим, что нами рассматривались только те жанры сообщений социальных медиа, которые в той или иной степени задейство-

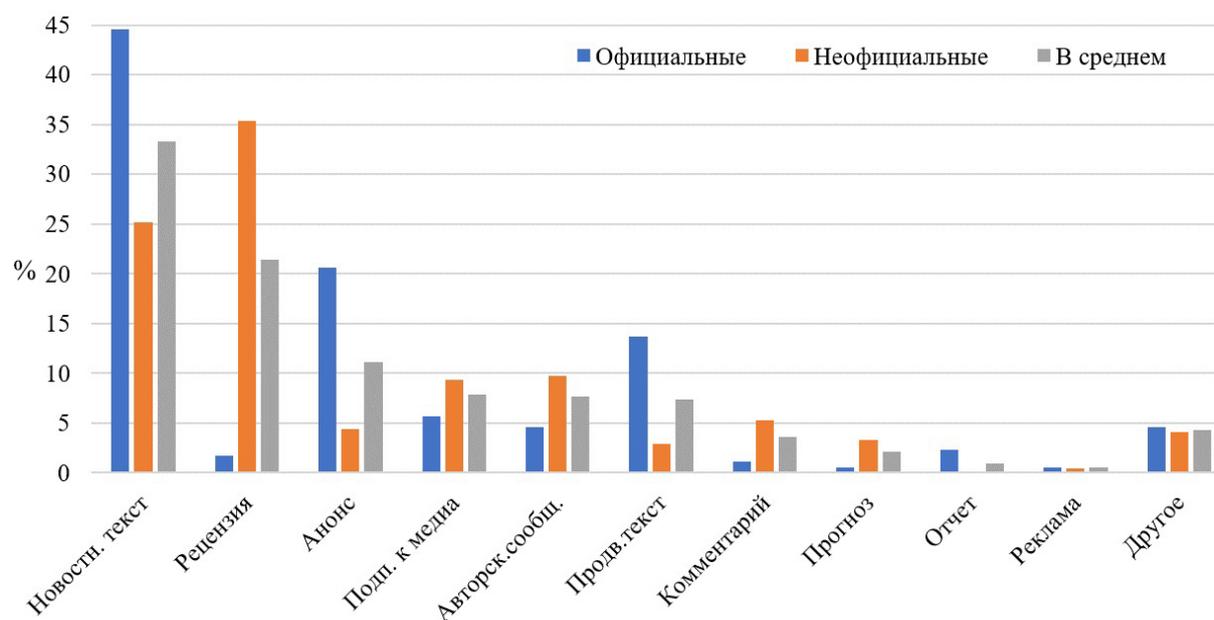

Рис. 4. Палитра жанров социальных медиа для формирования имиджа города (цвет онлайн)

Fig. 4. A repertoire of social media genres for shaping the city image (color online)

ваны в формировании имиджа города, т. е. в которых присутствует триггер с обозначением города, одного из имиджевых потенциалов и эксплицитной или имплицитной оценки этого потенциала. Предполагаем, что вне имиджеобразующего дискурса репертуар жанров сообщений в социальных медиа еще шире.

Выводы и перспективы исследования

Как показывает проведенный анализ, жанровая палитра формирующих имидж города текстов в социальных медиа охватывает довольно большой спектр вербальных реализаций: от вполне ожидаемых новостных сообщений, анонсов, рекламы до совершенно инновационных в этом аспекте подписей к медиаэлементу, авторских записей и комментариев. При этом функциональная направленность и статус самих социальных медиа не выступают в качестве решающего фактора для выбора «площадки» публикации имидже-содержащих записей. Данный факт заставляет задуматься о смещении акцентов, расширении или даже изменении инструментария и, как следствие, формировании новых парадигм в имиджировании (как минимум, городских пространств). Пресытившаяся шаблонными текстами и информационно перегруженная современная читательская аудитория теперь без труда распознает любые PR-послания и избе-

гает их, испытывая априори чувство недоверия и раздражение. Думается, что имиджевые послы, оказывающиеся в неожиданных или нетипичных «местах» – воздействуют куда лучше, деликатнее, поступательнее и эффективнее на потребителей, ненавязчиво и мягко формируя в сознании необходимый образ продукта и отношение к нему.

Внимания заслуживает и тот факт, что построение вербального имиджа города становится благодаря социальным медиа коллективным, открытым процессом, принять участие в котором может фактически любой желающий. Подтверждением тому является статистически значимое количество индивидуально-авторских интернет-публикаций разных жанров (комментарий к событию или другой публикации, подпись к медиаэлементу, авторское сообщение), в которых имплицитно, но чаще – эксплицитно фиксируется городской имидж.

Перспективный анализ тональности и преемственных компонентов урбанистического имиджа в разножанровых публикациях социальных медиа позволят выявить и произвести оценку ключевых имиджеформирующих стратегий и тактик, а также определить доминирующих имиджмейкеров и каналы трансляции положительного и отрицательного имиджа с целью дальнейшего управления и корректировки вербальной имиджевой политики города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щипицина Л. Ю., Казяба В. В. Медийный формат vs жанр в социальных медиа // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, вып. 2 (46). С. 185–195. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-185-195>
2. Казяба В. В., Щипицина Л. Ю. Urban – media – verbal: теоретическая модель вербального имиджа города в социальных медиа // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2023. Т. 9, № 4. С. 4–30. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-1>
3. Ахметов Л. Г., Леденева А. В. Сущность цифрового имиджа образовательной организации // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2022. № 2 (234). С. 70–78.
4. Абышева Ю. Ю. Проблема формирования имиджа города. Н. Новгород : Символ, 2005. 173 с.
5. Старинчиков Н. М. Формирование и продвижение имиджа города : дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2011. 186 с.
6. Echtner C. M., Ritchie J. R. B. The Meaning and Measurement of Destination Image // *The Journal of Tourism Studies*. 2003. Vol. 14, № 1. P. 37–48.
7. Li R., Wang H., Zhang H. Chinese Tourists' Perception of the Tourism Image of North Korea Based on Text Data from Tourism Websites // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. Art. 12205. <https://doi.org/10.3390/su132112205>
8. Голомидова М. В. Использование технологии нейминга при создании официальных городских топонимов: анализ возможностей // *Вопросы ономастики*.

2019. Т. 16, № 3. С. 162–178. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.037

9. Кузнецова Е. А. Топонимический имидж города как фактор развития регионального туризма // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2021. Т. 2, № 4 (112). С. 96–101.

10. Li X. (R.), Vogelsong H. A model of destination image promotion with a case study of Nanjing, P. R. China // *Proceedings of the 2002 Northeastern Recreation Research Symposium GTR-NE-302 Newtown Square, PA: U. S. Department of Agriculture, Forest Service, Northeastern Research Station*, 2002. P. 194–199.

11. Инь Ц. Отзыв туриста как новый речевой жанр туристического интернет-дискурса // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика*. 2022. Т. 19, № 4. С. 72–78. <https://doi.org/10.14529/ling220410>

12. Орлова Е. А. Коммуникационные проблемы и перспективы развития имиджа территории (на примере Одинцовского городского округа) // *Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса*. 2023. Т. 9, № 1. С. 40–53. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2023-9-1-0-4>

13. Guerreiro M., Mendes J., Pinto P. The dynamic nature of the city image: Do image components evolve over time? // *Tourism*. 2020. Vol. 68, № 1. P. 83–99. <https://doi.org/10.37741/t.68.1.7>

14. Hasni N. A., Shak M. S. Y., Malik N. A., Anuarudin A. A. S. Linguistic Landscape of Tourist Spaces from 2014 to 2022: A Review // *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*.

2022. Vol. 12, № 10. P. 1695–1708. <https://doi.org/10.6007/IJARBSS/v12-i10/14996>

15. Faber M. Die World of Social Media – ein Überblick über die sozialen Medien // Realizing Progress: Blog. 02.12.2015. URL: <https://www.realizingprogress.com/2015/12/world-of-social-media-plattformen/> (дата обращения: 02.02.2024).

16. Markos-Kujbus E., Gati M. The attributes of social media as an online strategy tool // Journalism and Mass Communication. 2014. Vol. 4, № 1. P. 48–71.

17. Ухова Л. В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 71–82. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10136>

REFERENCES

1. Shchipitsina L. Yu., Kaziaba V. V. Media format vs genre in social media. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 185–195 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-185-195>

2. Kaziaba V. V., Shchipitsina L. Yu. Urban – media – verbal: A theoretical model of the verbal city image in social media. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 4–30 (in Russian). <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-1>

3. Akhmetov L. G., Ledeneva A. V. The essence of the digital image of an educational organization. *Bulletin of the Orenburg State University*, 2022, no. 2 (234), pp. 70–78 (in Russian).

4. Abyshveva Yu. Yu. *Problema formirovaniya imidzha goroda* [The problem of forming the image of the city]. Nizhny Novgorod, Symbol, 2005. 173 p. (in Russian).

5. Starinshchikov N. M. *Formation and Promotion of the City's Image*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Novosibirsk, 2011. 186 p. (in Russian).

6. Echtner C. M., Ritchie J. R. B. The Meaning and Measurement of Destination Image. *The Journal of Tourism Studies*, 2003, vol. 14, no. 1, pp. 37–48.

7. Li R., Wang H., Zhang H. Chinese Tourists' Perception of the Tourism Image of North Korea Based on Text Data from Tourism Websites. *Sustainability*, 2021, vol. 13, art. 12205. <https://doi.org/10.3390/su132112205>

8. Golomidova M. V. Using naming technology in creating official city toponyms: Analysis of possibilities.

Questions of Onomastics, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 162–178 (in Russian). https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.037

9. Kuznetsova E. A. Toponymic image of the city as a factor in the development of regional tourism. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 2021, vol. 2, no. 4 (112), pp. 96–101 (in Russian).

10. Li X. (R.), Vogelsong H. A model of destination image promotion with a case study of Nanjing, P. R. China. *Proceedings of the 2002 Northeastern Recreation Research Symposium GTR-NE-302 Newtown Square, PA: U. S. Department of Agriculture, Forest Service, Northeastern Research Station*, 2002, pp. 194–199.

11. Yin Ts. Review of a tourist as a new speech genre of tourist Internet discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2022, vol. 19, no. 4, pp. 72–78 (in Russian). <https://doi.org/10.14529/ling220410>

12. Orlova E. A. Communication problems and prospects for the development of the territory's image (on the example of the Odintsovo urban district). *Scientific Result. Business and Service Technologies*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 40–53 (in Russian). <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2023-9-1-0-4>

13. Guerreiro M., Mendes J., Pinto P. The dynamic nature of the city image: Do image components evolve over time? *Tourism*, 2020, vol. 68, no. 1, pp. 83–99. <https://doi.org/10.37741/t.68.1.7>

14. Hasni N. A., Shak M. S. Y., Malik N. A., Anuarudin, A. A. S. Linguistic Landscape of Tourist Spaces from 2014 to 2022: A Review. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 2022, vol. 12, no. 10, pp. 1695–1708. <https://doi.org/10.6007/IJARBSS/v12-i10/14996>

15. Faber M. Die World of Social Media – ein Überblick über die sozialen Medien. *Realizing Progress: Blog*. 02.12.2015. Available at: <https://www.realizingprogress.com/2015/12/world-of-social-media-plattformen/> (accessed February 2, 2024).

16. Markos-Kujbus E., Gati M. The attributes of social media as an online strategy tool. *Journalism and Mass Communication*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 48–71.

17. Ukhova L. V. “Promoting text”: Concept, features, functions. *Upper Volga Philological Bulletin*, 2018, no. 3, pp. 71–82 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10136>

Поступила в редакцию 14.06.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 02.08.2024; опубликована 02.03.2026

The article was submitted 14.06.2024; approved after reviewing 02.08.2024; accepted for publication 02.08.2024; published 02.03.2026

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *С. С. Дударева*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 20.02.2026. Подписано в свет 02.03.2026. Выход в свет 02.03.2026
Формат 60 × 84 1/8. Усл. печ. л. 14.46 (15.5). Тираж 100. Заказ 12-Т

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.